

Максимильен
РЮБЕЛЬ

МАРКС ПРОТИВ МАРКСИЗМА

Максимильен
Рюбель

МАРКС
ПРОТИВ МАРКСИЗМА

Москва
НПЦ «Праксис»
2006

ББК 87.3
Р 95

Книга издана при финансовой поддержке
Международного фонда Виктора Сержа (Франция)

Перевод с французского Ю.В. Гусевой
Научный редактор А.В. Гусев

Рюбель М.

Маркс против марксизма/ Пер. с франц. Ю.В. Гусевой. – М.: НПЦ «Праксис», 2006. – 210 с.

ISBN 5-901606-08-6

Сборник статей французского исследователя Максимильена Рюбеля, одного из крупнейших мировых специалистов по наследию Карла Маркса, представляет неортодоксальный взгляд на идеи автора «Капитала» и «Манифеста Коммунистической партии». Был ли Маркс основоположником марксизма? Кто придумал слово «марксизм»? Являлся ли СССР марксистским государством? Рассматривая эти и другие дискуссионные вопросы, М. Рюбель приходит к выводу, что марксизм во всех его идеологических разновидностях явился отрицанием подлинных мыслей Маркса, будучи «самым великим, если не самым трагическим недоразумением XX столетия».

ISBN 5-901606-08-6

ИНОЙ МАРКС МАКСИМИЛЬЕНА РЮБЕЛЯ

Еще одна книга о Марксе и марксизме? После той горы литературной продукции, что осталась с советских времен?

Да, но в этом сборнике статей Максимильена Рюбеля Карл Маркс предстает совсем не таким, каким изображал его официальный марксизм-ленинизм. Созданный коммунистической пропагандой образ Маркса, прочно внедрившийся в общественное сознание, рисует нам основоположника теории и политики, унаследованной Лениным, Сталиным, Мао, Брежневым и пр., сторонника всеобщего огосударствления и диктатуры Коммунистической партии. С подобной интерпретацией полностью согласны и антикоммунисты: так в русском предисловии к «Черной книге коммунизма» А.Н. Яковлев выводит массовые репрессии, концлагеря, депортации народов именно из марксова аморализма, «пренебрежения к конкретному человеку»[1].

Образ, возникающий на страницах работ Рюбеля, прямо противоположен: Маркс – либертарный мыслитель и демократ, гуманист, у которого этика предшествовала политэкономии, певец человеческого самоосвобождения, противник партийного фетишизма – и, самое главное, не создатель, а жертва всех последующих «марксистских» идеологий, полностью извративших его мысль.

Кто же такой этот автор, бросивший вызов сразу двум ортодоксиям?

---

[1] Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. М., 1999, с. 8-9.

Максимилен Рюбель (1905-1996) родился в 1905 г. в украинском городе Черновцы, входившем тогда в состав Австро-Венгрии. Изучая право и философию в Вене в 20-е годы, он впервые заинтересовался идеями Маркса. Значительное влияние на формирование его мировоззрения оказал австромарксизм – левое идейно-политическое течение в социал-демократии. В дальнейшем творчестве Рюбеля явно прослеживается воздействие концепций одного из крупнейших философов этой интеллектуальной школы – Макса Адлера, который, исследуя идеи Маркса, подчеркивал важность этической стороны социализма и активную роль общественного сознания в движении к новому обществу.

В 1931 г. Рюбель переехал в Париж, где и оставался до конца своей жизни. Он получает диплом специалиста по германистике в Сорбонне и становится сотрудником Национального центра научных исследований. В 1954 г. защищает диссертацию, посвященную интеллектуальной биографии Маркса, а спустя пять лет основывает журнал «Etudes de marxologie». Именно Рюбель впервые обозначил научное изучение идей и деятельности Маркса понятием «марксология», став одним из наиболее выдающихся ее представителей. Автор нескольких книг и многих десятков «марксологических» статей, он, однако, получил наибольшую известность как составитель и редактор собрания сочинений Маркса на французском языке, снабженных обширными и тщательными комментариями.

Всемирно признанный специалист, Максимилен Рюбель воспринимался научным истеблишментом СССР и промосковскими компартиями исключительно как «буржуазный фальсификатор». И это неудивительно, учитывая принципиальное несогласие ученого с официальными советскими трактовками марксизма. В том, что марксово освободительное учение было, после соответствующего препарирования, превращено в государственную идеологию тоталитарного режима, Рюбель видел историческую трагедию. Однако, с другой стороны, по его глубокому убеждению, именно методология и теория Маркса позволяют раскрыть подлинную сущность и предназначение систем, кото-

рые называли себя «социалистическими», но на самом деле являлись формами государственного капитализма, предвиденного автором «Капитала».

Отвергая ленинистскую интерпретацию марксизма, Рюбель не ограничивался только этим: он отрицал правомерность существования «марксизма» как такового. Конструирование жесткой системы идеологических постулатов из высказываний отдельного автора и наименование такой доктрины именем «учителя» было, по его мнению, глубоко противно духу марксовой мысли. Маркс, как стремился показать Рюбель в своих работах, не претендовал на создание идеологии для «руководства» рабочим движением: напротив, постоянно совершенствующаяся теория и политические идеи рассматривались им как производные от саморазвития движения трудящихся, их творческой самодеятельности, Selbsttatigkeit. Отсюда и взгляд Маркса на роль коммунистической партии, которая мыслилась ему не как иерархически-централизованная авангардная структура, призванная вести массы к заранее обозначенной идеологами цели, а как виртуальное, выражаясь современным языком, сообщество людей, сознающих общую направленность пролетарского движения и стремящихся дать теоретическое и политическое выражение его интересам. «Марксизм» во всех его разновидностях, по мнению Рюбеля, предал забвению эти фундаментальные методологические и этические принципы, подтвердив правоту известного высказывания Маркса: «Я знаю только то, что сам я не марксист».

Сведение Рюбелем всего послемарксовского марксизма исключительно к набору элитаристских идеологий, каждая из которых по-своему предала заветы Маркса, безусловно может быть оспорено. Однако история абсолютного большинства политических движений, декларировавших приверженность идеям Маркса, определенно свидетельствует о тенденциях подмены самоосвобождения масс деятельностью мудрых вождей. И в этом смысле критический пафос работ Рюбеля вполне обоснован.

Сам Максимильен Рюбель был в первую очередь ученым, а не политическим активистом. Дело его жизни заключалось в исследовательской и просветительской работе. Но он считал себя коммунистом в аутентичном, марксовом смысле и своими трудами стремился внести вклад в дело социалистического просвещения, поддерживая одновременно такие прогрессивные общественные движения, как женское и экологическое. Правда, в течение некоторого времени он сотрудничал с французской группой «коммунистов советов», с которыми его сближала убежденность в решающей роли творческой спонтанности трудящихся масс. Но все же и это ответвление марксизма не могло удовлетворить его в полной мере – прежде всего из-за примитивного, как он полагал, понимания «пролетарской стихийности». В отличие от «коммунистов советов», отрицавших политику и возводивших в культ экономическую борьбу рабочих на производстве, Рюбель вслед за Марксом и Энгельсом считал, что либерально-демократическая система представляет собой важное завоевание трудящихся, и только пройдя необходимую политическую школу в рамках этой системы, пролетариат сможет подняться на более высокую ступень – уровень «интегральной» демократии, равнозначной растворению самого государства в самоуправляемом обществе. Таким образом, либертарные идеи сочетались у Рюбеля с идеями демократическими, образуя синтез, вдохновленный теоретическим и политическим наследием Карла Маркса.

Настоящий сборник статей – первая публикация произведений М. Рюбеля в России, стране «марксистского эксперимента», превозносимого одними и проклинаемого другими. В чем же состояли подлинные концепции Маркса? Какое отношение имеют они к тому, что делалось во имя них и от их имени? Рюбель предлагает свои ответы, позволяющие по-новому взглянуть на великого мыслителя, судьба идей которого стала одной из величайших исторических драм XX столетия.

Алексей Гусев

Маркс – теоретик анархизма

Ученики Маркса, которым не удалось ни обобщить его теорию, ни обозначить ее пределы, ни определить ее нормы и область применения, оказали ему медвежью услугу, превратив его в мифического гиганта, символ всезнания и всесилия homo faber – творца своей судьбы.

История этой Школы остается ненаписанной, но известен, по крайней мере, ее генезис: кодификация плохо изученных и плохо понятых идей. Марксизм возник и развился в то время, когда вся совокупность трудов Маркса оставалась еще недоступной читателю, поскольку значительная часть составляющих ее работ не была опубликована. Таким образом, торжество марксизма как государственной доктрины и партийной идеологии на несколько десятков лет опередило публикацию трудов, в которых Маркс наиболее ясно и полно изложил научные основы и этические принципы своей социальной теории. Достаточно посмотреть на глубокие потрясения, вызванные воздействием теории, основные принципы которой остались неведомы участникам исторической драмы, чтобы прийти к выводу: марксизм является самым великим, если не самым трагическим недоразумением столетия. И вместе с тем можно оценить значимость тезиса Маркса, согласно которому не революционные идеи или нравственные принципы вызывают изменения в общественном устройстве, но человеческие и материальные силы; идеи и идеологии чаще всего служат лишь выражением интересов классов, которым выгодны эти трансформации. Политический марксизм не имеет права одновременно признавать научность теории Мар-

---

Впервые опубликовано в: *Europe en formation*, № 163-164, 1973.

кса и игнорировать критический анализ – ее орудие для разоблачения идеологий господства и эксплуатации.

Сделавшись господствующей идеологией класса хозяев, марксизм сумел лишить концепции социализма и коммунизма того изначального содержания, которое вкладывали в них Маркс и его последователи, подменив его комплексом доктрин, означающих по сути полное отрицание этого аутентичного понимания. Третья же концепция, хотя и тесно связанная с двумя первыми, кажется, не пострадала от подобной мистификации – речь идет об анархизме. И хотя известно, что Маркс не питал особенных симпатий к некоторым анархистам, обыкновенно не знают, что он, тем не менее, разделял их цель и идеал: исчезновение государства. Следует напомнить, что, посвятив себя делу освобождения рабочего класса, Маркс сразу же примкнул скорее к анархистской традиции, нежели к социалистической или коммунистической. И хотя он в итоге предпочел называть себя коммунистом, это означало в его глазах приверженность не какому-либо из существовавших в то время коммунистических течений, а направлению мысли и образу действия, которое предстояло сформировать, объединив все революционные элементы, унаследованные от существовавших доктрин и опыта прошлой борьбы.

В дальнейшем мы попытаемся показать, что, используя коммунистическую лексику, Маркс развил теорию анархии; более того, он на самом деле одним из первых заложил рациональные основы анархической утопии и разработал проект ее осуществления. Учитывая ограниченные рамки настоящей работы, мы представим эти тезисы в качестве тем для дискуссии. Так что использование цитат в качестве доказательств будет сведено к минимуму, необходимому лишь для того, чтобы высветить наш основной аргумент: Маркс – теоретик анархизма.

I

Когда в феврале 1845 года, накануне своего отъезда в эмиграцию в Брюссель, Маркс подписал в Париже контракт с немецким издателем, он взял на себя обязательство за несколько меся-

цев завершить труд в двух томах, озаглавленный «Критика политики и политической экономии», не думая тогда, что это станет делом всей его жизни, и все равно работа останется незаконченной.

Выбор темы был не случаен. Потеряв всякую надежду сделать карьеру в университете, Маркс перенес результаты своих философских исследований в область политической журналистики. Его статьи в кельнской «Райнише Цайтунг» вносят вклад в борьбу за свободу печати в Пруссии, он выступает во имя свободы, которую считает сущностью человека и украшением человеческой природы – но также и во имя государства, понимаемого как осуществление рациональной свободы, как «великий организм, в котором должны осуществиться правовая, нравственная и политическая свобода, причем отдельный гражданин, повинуясь законам государства, повинуется только естественным законам своего собственного разума, человеческого разума»[1]. Однако прусская цензура быстро заставила замолчать философа-журналиста, который, будучи вынужден вернуться к научной работе, не замедлил задуматься о подлинной природе государства, а также рациональной и этической обоснованности политической философии Гегеля. Плодом этих размышлений, обогащенных изучением истории буржуазных революций во Франции, Великобритании и Соединенных Штатах Америки, явились, кроме незавершенных и неизданных работ, «К критике гегелевской философии права» (1843 г.) и два полемических эссе: «К критике гегелевской философии права. Введение» и «К еврейскому вопросу» (1844 г.). Эти две работы в совокупности образуют единый манифест, где Маркс раз и навсегда определяет и безоговорочно осуждает два социальных института, составляющих в его представлении корень зла и пороков, от которых современное общество страдает и будет страдать, пока их не уничтожит новая социальная революция: Государство и Деньги. Одновременно Маркс превозносит силу, которая, долгое время являясь жертвой этих институтов, положит конец их царству, как

---

[1] Маркс К. Передовица в № 179 «Kolnische Zeitung»// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 1., с. 112.

к всякой другой форме классового господства, политической и экономической – современный пролетариат. Самоосвобождение пролетариата – это всеобщее освобождение человека, торжество его уничтоженной прежде человеческой сущности.

Отрицание Государства и Денег, как и принятие пролетариата классом-освободителем, предшествовали у Маркса его обращению к изучению политической экономии, а также открытию им «нити Ариадны», которая будет вести его в последующих исторических исследованиях, – материалистического понимания истории. Разрыв с юридической и политической философией Гегеля, с одной стороны, и критическое исследование буржуазных революций, с другой, позволили ему окончательно определить этические постулаты своей будущей социальной теории, научную опору которой составит критика политической экономии. Осознав революционную роль демократии и законодательной власти в генезисе буржуазного государства, Маркс использовал анализ Алексиса де Токвиля и Томаса Гамильтона, проницательных исследователей революционного потенциала американской демократии, чтобы заложить рациональный фундамент анархической утопии как окончательной цели революционного движения класса, названного его учителем Сен-Симоном «самым многочисленным и самым бедным». Поскольку критика государства привела Маркса к выводу о возможности общества, свободного от всякой политической власти, отныне ему предстояло приняться за критику экономической системы, составляющей материальный базис государства. Этическое отрицание денег в той же мере требовало анализа политической экономии, науки об обогащении одних и нищете других. Позднее он определит начатое им исследование как «анатомию буржуазного общества», и именно в процессе этой работы анатома-социолога создаст свой методологический инструментарий; затем возвращение к гегелевской диалектике поможет ему составить план «Экономики» из шести «рубрик» или «книг»: Капитал, Земельная собственность, Наемный труд; Государство, Внешняя торговля, Мировой рынок (см. предисловие

к «Критике политической экономии», 1859 г.).[2] Фактически эта двойная «триада» предметов исследования соответствует двум проблемам, которые он хотел рассмотреть за четырнадцать лет до этого в работе, посвященной критике как политики, так и экономики.

Начав свою работу с критического анализа капиталистического способа производства, Маркс надеялся прожить и проработать достаточно долго, чтобы после завершения первой трилогии написать вторую, которая стала бы «Книгой о государстве». Таким образом теория анархизма обрела бы в Марксе своего первого признанного основоположника, и не нужно было бы искать этому косвенных доказательств. Недоразумение века, каковым является марксизм в качестве идеологии государства, возникло из этой лакуны; именно она позволила хозяевам государственного аппарата, окрещенного социалистическим, поместить Маркса в ряды адептов государственного, то есть «авторитарного» социализма.

Конечно, как и во всяком революционном учении, в теории Маркса есть элемент неоднозначности. Ловко используя это и ссылаясь на некоторые личные особенности лидера, его не слишком щепетильным ученикам удалось поставить его работы на службу доктрин и действий, которые на самом деле полностью их отрицают – как по своей основной сущности, так и по открыто провозглашенной конечной цели. В эпоху, когда всё – теории и ценности, системы и проекты – поставлено под сомнение несколькими десятилетиями регресса в сфере человеческих отношений, важно возвратиться к духовному наследию автора, который, сознавая ограниченность своей работы, превратил критическое самообразование и революционное самоосвобождение в неизменные принципы рабочего движения. Последующие поколения, несущие тяжкий груз ответственности, не вправе судить того, кто уже не может себя защитить; нам нужно усвоить учение, целиком обращенное к будущему, то есть к нашему настоящему, катастрофический характер которого требует создания чего-то лучшего.

---

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 13, с. 5.

Перескажем ее «книгу» о государстве, предусмотренную в плане «Экономики», но оставшуюся ненаписанной, книгу где может быть лишь теория освобожденного от государства, анархического общества. Анализ материалов и работ, подготовленных или опубликованных Марксом, даже если они не имели прямой связи с подготовкой этого его труда, позволяет выдвинуть гипотезу о сути задуманной книги и реконструировать ее общую структуру. Если первая триада рубрик относилась к критике политической экономии, вторая триада, по существу, должна была быть посвящена критике политики. Будучи продолжением критики капитала, критика государства призвана была раскрыть закономерности политической эволюции современного общества, подобно тому, как целью «Капитала» (вслед за которым предполагалось подготовить книги «Земельная собственность» и «Наемный труд») являлось «открытие экономического закона движения современного общества».[3] В работах, предшествующих «Критике политической экономии» (1859 г.), как опубликованных, так и неизданных, наряду с идеями, которые Маркс положил в основу своей критики капитала, можно выявить и тезисы, которые позволили бы ему развить критику государства. Тем не менее, было бы ошибочным полагать, что воззрения Маркса на политику в то время уже полностью сформировались и не допускали никакого изменения или обогащения теории. Проблема государства никогда не переставала интересовать его, и не только из-за того, что ему необходимо было выполнить нравственное обязательство завершить свой главный труд, но главным образом потому, что его деятельность в рабочем Интернационале начиная с сентября 1864 года, участие в полемике внутри этой организации и политические события, в особенности, борьба за гегемонию между Францией и Пруссией, с одной стороны, и Россией и Австрией, с другой, постоянно держали его в напряже-

---

[3] Маркс К. Предисловие к первому изданию «Капитала»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

нии. Европа Венского акта к тому времени превратилась в фикцию, и на историческую арену выступали одновременно два великих социальных явления: движение за национальное освобождение и рабочее движение. Трудно согласующиеся между собой с чисто концептуальной точки зрения, борьба наций и борьба классов должны были поставить перед Марксом и Энгельсом теоретические проблемы, решение которых не могло не заставить их вступить в противоречие с собственными революционными принципами. Так Энгельс стал специалистом по разделению народов на имеющие и не имеющие в его глазах историческое право на национальное существование. Чувство исторической реальности не давало двум друзьям следовать за Прудоном по пути федерализма, который в тогдашних условиях должен был казаться им чистой абстракцией и сомнительной утопией одновременно; но велик был риск и впасть в национализм, плохо сочетающийся с предполагаемым универсализмом современного пролетариата.

Хотя из-за своих федералистских устремлений Прудон представляется стоящим ближе к анархическим позициям, чем Маркс, картина меняется, если рассмотреть общую прудоновскую концепцию реформ, долженствующих привести к ликвидации капитала и государства. Почти преувеличенная похвала Прудону в «Святом семействе» (1845 г.) не должна вводить нас в заблуждение: с этого момента берут начало глубокие теоретические разногласия между двумя мыслителями; французский социализм восхваляется Марксом с одной важной оговоркой: прудоновская критика собственности имманентна буржуазной экономической системе – какой бы веской эта критика ни была, она не ставит под вопрос сами общественные отношения производства критикуемой системы. Напротив, в прудоновской теории все буржуазные экономические категории – теоретические выражения институтов капитала – последовательно сохраняются. Заслуга Прудона в том, что он разоблачил противоречия, присущие экономической науке, и показал безнравственность буржуазной морали и права; его слабость в том, что он признал сами институты и категории капиталистической экономики и в своей программе

реформ сохранил все инструменты классового господства буржуазии и ее политической власти: зарплату, кредит, банк, обмен, цену, стоимость, прибыль, процент, налог, конкуренцию, монополию. Сумев применить диалектику отрицания к анализу эволюции права и юридических систем, он остановился на полпути, не распространив свой критический метод отрицания на капиталистическую экономику. Он сделал подобную критику возможной, но именно Марксу предстояло стать основоположником этого нового критического метода, превратив его в орудие борьбы труда против капитала и его государства.

Прудон подверг критике буржуазную экономику и право с позиций буржуазной морали; Маркс критиковал капиталистический способ производства с позиций пролетарской этики, критерии которой взяты из совершенно иного представления о человеческом обществе. Для этого ему достаточно было строго логически и до самого конца следовать прудоновскому – или, лучше сказать, гегельянскому – принципу отрицания: справедливость, о которой мечтает Прудон, может быть осуществлена лишь путем отрицания справедливости, точно так же как философия может быть осуществлена лишь путем отрицания философии, то есть посредством социальной революции, которая позволит наконец человечеству стать общественным и обществу человечным. Это будет завершением предыстории человечества и началом жизни личности, полным расцветом человека с его универсальными способностями, раскрытием человека во всей его полноте. Реалистической морали Прудона, стремящегося сохранить «хорошую сторону» буржуазных учреждений, Маркс противопоставляет этику утопии, требования которой соответствуют возможностям удовлетворения потребностей человеческого рода, открываемым наукой и техникой. Анархизму, уважающему плюрализм классов и социальных категорий, разделение труда и враждебно относящемуся к ассоциациативности, за которую ратовали утописты, Маркс противопоставляет анархизм, отрицающий общественные классы и разделение труда, коммунизм, берущий из утопического социализма все, что может быть реализовано пролетариатом, который сознает свою роль освобо-

людей и уровня производительных сил. И все же, несмотря на эти различия – в частности, как мы увидим, разное видение средств политической борьбы, – оба типа анархизма разделяют общую конечную цель, которую «Манифест Коммунистической партии» определяет следующим образом:

«На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».[1]

III

Маркс не стал выдумывать конкретные рецепты для будущего, он сделал лучше – или хуже: поставил своей задачей доказать, что историческая необходимость ведет человечество к кризисной ситуации, когда ему придется делать решающий выбор: погибнуть от собственных технических изобретений или выжить благодаря резкому подъему сознательности, который позволит ему порвать со всеми формами отчуждения и порабощения, какие только знала его история. Неизбежен только выбор, который предстоит сделать общественному классу, имеющему множество причин для неприятия существующего порядка и перехода к образу жизни, глубоко отличному от него. Современный пролетариат потенциально является материальной и моральной силой, способной выполнить эту спасительную задачу всемирного масштаба. Однако эта потенциальная сила сможет стать реальной лишь тогда, когда истечет время буржуазии, ибо последняя тоже выполняет определенную историческую миссию; если она не всегда осознает это, ее идеологи призваны напоминать ей о собственной цивилизующей роли. Создавая мир по своему образу и подобию, буржуазия промышленно развитых стран обуржуазивает и пролетаризирует общества, постепенно попадающие под ее политическое и экономическое влияние. С точки зрения

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, М., 1955, с. 447.

интересов пролетариата, ее орудия завоевания, капитал и государство, являются в то же время средствами порабощения и угнетения. Когда капиталистические производственные отношения и, соответственно, капиталистические государства действительно утвердятся во всем мире, внутренние противоречия мирового рынка обнажат границы капиталистического накопления и вызовут состояние перманентного кризиса, который поставит под угрозу основы существования порабощенных обществ и само выживание человеческого рода. На всей земле пробьет час пролетарской революции

Этой несколько смелой экстраполяции достаточно для того, чтобы представить себе общие выводы, к которым пришел Маркс, используя диалектический метод с целью раскрытия экономического закона динамики современного общества. Наличие у Маркса таких выводов можно было бы подкрепить конкретными ссылками на тексты, начиная с методологических замечаний, разбросанных по многим его работам разного времени. Столь же очевидна суть основной гипотезы, изложенной в политических трудах Маркса: пролетарская революция произойдет в странах, переживших длительную эпоху буржуазной цивилизации и капитализма в экономике; она знаменует собой начало процесса, который постепенно охватит весь мир, при этом революционный осмос значительно ускорит исторический прогресс. Все это означает, что в социальной теории Маркса нет места «третьему пути» – варианту, когда страны, не имеющие исторического опыта развитого капитализма и буржуазной демократии, указывали бы дорогу к пролетарской революции странам с долгим капиталистическим прошлым.

Следует особенно подчеркнуть эти элементарные истины так называемой материалистической концепции истории, поскольку марксистская мифология, возникшая одновременно с русской революцией в 1917 году, преуспела во внушении слабо информированным умам – а имя им легион – совершенно иного видения революционного процесса: будто бы мир разделен на две экономические и политические системы – капиталистическую, где господствуют промышленно развитые страны, и социалистическую,

[illegible] пример которой, СССР, достиг уров-
ня второй мировой сверхдержавы вследствие «прометеевской» индустриализации этой страны. На самом же деле [illegible] создание и эксплуатация многочисленного пролетариата [illegible] его порабощение и ликвидация. Вымыслы о «диктатуре пролетариата» входят в арсенал идей, [illegible] победителями в интересах собственного господства, и можно [illegible] в состоянии умственного смятения, в котором после [illegible] десятилетий националистического и военного варварства во всемирном масштабе пребывает мировая интеллигенция – жертва мифа о так называемом «социалистическом Октябре».

Не имея возможности подробно рассмотреть здесь эту тему, мы ограничимся предложением альтернативы: либо материалистическая теория общественного развития имеет определенную научную ценность – в чем, разумеется, сам Маркс был убежден, – и в таком случае существование «социалистической» системы является мифом; либо социализм существует в действительности, и это доказывает полную и окончательную несостоятельность данной теории. Если верно первое, миф о социалистической системе вполне поддается объяснению как продукт идеологической кампании, ловко проводимой «первым рабочим государством» с целью скрыть его подлинный характер; если верно второе, материалистическая *теория* социалистической трансформации мира безусловно опровергнута, в то время как этические и утопические требования марксова учения оказались осуществимы; иными словами, Маркс, потерпевший неудачу как ученый, восторжествовал как революционер.

Миф о «построении социализма» был сфабрикован с целью морального оправдания одной из самых могущественных в истории моделей социального господства и эксплуатации. Проблема природы этой общественной системы в итоге полностью сбила с толку умы, превосходно разбирающиеся в теориях, доктринах и понятиях, которые составляют интеллектуальное наследие социализма, коммунизма и анархизма; но из этих трех школ – или течений – идейного движения, ставящего своей целью глубокие трансформации человеческого общества, анархизм

наименее пострадал от извращений; не создав подлинной теории революционного праксиса, он сумел оградить себя от политической и идеологической коррупции, которая поразила две другие идейные школы. Возникнув из мечты и ностальгии, а также из отказа и бунта, он обратился в радикальную критику принципа власти во всех ее проявлениях, и именно в этом контексте включил в себя материалистическую теорию истории. Последняя, по сути своей, является концепцией исторической эволюции человечества через ряд прогрессивных этапов от состояния перманентных общественных антагонизмов к способу существования, предполагающему социальную гармонию и расцвет личности. Но точно так же, как социальная критика слилась с анархической утопией, конечная цель, провозглашенная радикальными и революционными доктринами до Маркса, стала составной частью его анархического коммунизма. Маркс обогатил утопический анархизм новым аспектом, диалектическим и этическим пониманием рабочего движения как инструмента самоосвобождения всего человечества. Закономерное интеллектуальное напряжение, вызванное присутствием этического элемента в теории, провозглашающей свой научный, даже естественнонаучный характер, наложило глубокий отпечаток двойственности на учение и деятельность Маркса. Будучи одновременно активистом и теоретиком, в своей политической деятельности Маркс не всегда стремился привести в соответствие цели и средства анархического коммунизма. Но даже если как активист он порой проявлял непоследовательность, то от этого он не перестает быть теоретиком анархизма. Так что мы вправе применить к его собственной теории этический тезис, сформулированный им по поводу материализма Фейербаха (1845 г.):

«Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления.»[5]

---

[5] Маркс К. Тезисы о Фейербахе// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.

IV

Отрицание государства и капитализма самым многочисленным и самым обездоленным общественным классом стало для Маркса этическим императивом еще до того, как была диалектически обоснована его историческая необходимость. Приступая к критической оценке результатов французской революции, Маркс уже практически сделал решающий выбор – обозначил цель, к которой, по его мнению, должен стремиться каждый; цель эта – освобождение человека, выступающее как преодоление политического освобождения. Самое свободное политическое государство – примером которого могут служить лишь США – делает человека рабом, ибо ставит себя посредником между человеком и его свободой, как Христос, которого человек верующий наделяет божественностью. Освободившись политически, человек, тем не менее, составляет часть воображаемого суверена; как суверенная личность, пользующая правами человека, он ведет двойную жизнь: гражданина – члена политического сообщества, и частного лица – члена буржуазного общества; жизнь небесную и жизнь земную. Как гражданин он свободен и суверенен в небесах политики, этого всемирного царства равенства; как личность он поглощен реальной, буржуазной жизнью и деградирует в ней, являясь игрушкой чуждых ему материальных и моральных сил, таких, как институты частной собственности, культуры, религии и пр. Буржуазное общество, отделенное от политического государства, есть область эгоизма, войны всех против всех, разобщения людей. Обеспечивая человеку религиозную свободу, политическая демократия отнюдь не освобождает его от религии; тем более не освобождает она его от собственности, гарантируя право собственности; точно также оно сохраняет рабство и профессиональный эгоизм, предоставив всем свободу выбора рода деятельности. Ибо буржуазное общество – это мир торговли и наживы, царство денег, универсальная сила, которая использует политику, то есть государство.

Таков, в общем, первоначальный тезис Маркса: его критика государства и капитала относится скорее к анархическому

образу мыслей, чем к какому бы то ни было социализму или коммунизму. В ней нет еще ничего научного, но она провозглашает и одновременно обогащается этической концепцией человеческого предназначения, ставя требование его осуществления в рамки определенного исторического времени. Вот почему, не ограничиваясь критикой политического освобождения – которая сводит человека к состоянию эгоистической монады и абстрактного гражданина, – она определяет и конечную цель, и средство для ее достижения:

«Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет *родовым существом*; лишь тогда человек познает и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и потому не будет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* власти, – лишь тогда свершится человеческая эмансипация».[6]

Маркс нашел свой собственный путь, исходя из «Общественного договора» Руссо, теоретика абстрактного гражданства и предшественника Гегеля. Отказавшись лишь от одного аспекта политического отчуждения, за которое выступали оба мыслителя, он пришел к пониманию освобождения личности и общества, призванного возродить человека во всей полноте его способностей и цельности его личности. Отказ не являлся полным, ибо, будучи исторической данностью, этот политический этап не мог быть преодолен одним волевым усилием. Политическое освобождение, по Марксу, представляет собой «большой прогресс», даже высшую форму освобождения человека *в рамках* установленного порядка, и именно в таком качестве может служить средством для подрыва этого порядка и перехода к этапу подлинного освобождения человека. Диалектически антиномичные, цель и средство согласуются этически в сознании современного пролетариата, который, таким образом, становится историческим носителем и субъектом революции.

---

[6] Маркс К. К еврейскому вопросу// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 406.

Пролетариат — класс, который сосредотачивает в себе все изъяны общества и воплощает в себе его общепризнанное преступление — обладает универсальным характером в силу своей универсальной нищеты. Он не может освободиться сам, не освободив общество в целом, и именно осуществляя постулаты этой этики освобождения, он исчезнет как таковой.

Там, где Маркс упоминает философию как «голову» и интеллектуальное оружие освобождения человечества, «сердцем» которого является пролетариат, мы предпочитаем говорить об этике, подчеркивая тем самым, что речь идет не о метафизической спекуляции, а о проблеме человеческого существования: нужно изменить мир и придать ему человеческий облик, а не интерпретировать карикатуру на него. Никакая спекулятивная философия не дает человеку решения его жизненных проблем, и Маркс, возводя революцию в ранг категорического императива, рассуждает в рамках нормативной этики, а не философии истории или социологической теории. Только одна наука могла тогда привлечь внимание Маркса, который не мог и не хотел ограничиваться чисто этическим требованием возрождения человека и общества: наука о производстве средств существования по законам капитала.

Таким, образом, Маркс обратился к исследованию политической экономии, видя в этом средство борьбы за дело, которому он посвятит отныне все свое существование деклассированного «буржуа». То, что ранее являлось для него лишь провидческой интуицией и этическим выбором, должно было теперь стать теорией экономического развития и поиском строгих социальных закономерностей. Одновременно возникла и потребность активного участия в общественном движении, призванном на практике осуществить императивы и нормы, вытекающие из условий существования промышленного пролетариата. Теории безгосударственного, бесклассового общества без денежного обмена, религиозного и интеллектуального принуждения предстояло включить в себя критическое осмысление капиталистического способа производства, а также анализ, раскрывающий процесс эволюции общества, которое через ряд последовательных этапов должно прийти к коммунистическому и анархическому типу общественного устройства. Позднее Маркс напишет:

«Общество, даже если оно напало на след естественного закона своего развития [...], не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов».[7]

В целом, Марксу предстояло научно доказать то, что он уже предчувствовал интуитивно и что казалось ему этически необходимым. И с самых первых набросков критики политической экономии он приступил к анализу капитала с социологической точки зрения как командной власти над трудом и его продуктами; власти, присущей капиталисту не благодаря его личным и человеческим качествам, а в силу владения капиталом. Наемный труд является рабством, и всякое произвольное повышение зарплаты может лишь привести к лучшему снабжению рабов.

«Даже *равенство заработной платы*, требуемое Прудоном, имело бы лишь тот результат, что оно превратило бы отношение нынешнего рабочего к его труду в отношение всех людей к труду. В этом случае общество мыслится как абстрактный капиталист».[8]

Экономическое рабство и политическое порабощение сопутствуют друг другу. Политическое освобождение, признание современным государством прав человека значит то же самое, что признание рабства античным государством («Святое семейство», 1845 г.). Рабочий является рабом наемного труда как с точки зрения собственных эгоистических потребностей, так и с точки зрения потребностей чужих. Политическое порабощение присуще условиям человеческого существования как в представительном демократическом государстве, так и при конституционной монархии. «В современном мире каждый человек *одновременно* – член рабского строя и публичноправового союза»,[9] – хотя внешне порабощение в буржуазном обществе кажется максимумом

---

[7] Маркс К. Предисловие к первому изданию «Капитала»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.
[8] Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Из ранних произведений, с. 570.
[9] Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 129.

свободы. Собственность, промышленность, религия, рассматриваемые обыкновенно как гарантии личной свободы, на самом деле являются институтами, закрепляющими состояние порабощения. Робеспьер, Сен-Жюст и их сторонники пали, потому что спутали античное общество, основанное на реальном рабстве, с современным представительным государством, основанным на освобожденном рабстве, буржуазном обществе с его всеобщей конкуренцией, разнузданными частными интересами, отчуждением и индивидуализмом. Наполеон, хотя он прекрасно понимал характер современного государства и буржуазного общества, предпочел рассматривать государство как самоцель и буржуазную жизнь как инструмент его политических амбиций. Чтобы удовлетворить эгоизм французской нации, он заменил перманентную революцию перманентной войной. Его поражение являлось победой либеральной буржуазии, которая в 1830 г. осуществила, наконец, свои мечты 1789 года, превратив конституционное представительное государство в официальное выражение своей исключительной власти и частных интересов.

Проблема бонапартизма не переставала занимать Маркса, постоянно наблюдавшего как за политической эволюцией, так и за экономическим развитием французского общества. Он был убежден, что французская Революция представляла собой классический период господства политического духа, и что бонапартистская традиция служит, так сказать, константой внутренней и внешней политики Франции. Им также был создан набросок теории современного цезаризма, которая, хотя и кажется частично противоречащей методологическим принципам марксовой теории государства, не меняет его первоначальных анархических представлений. Ибо именно в тот момент, когда он готовился заложить основы своей материалистической интерпретации истории, Маркс сформулировал концепцию государства, которая ставит его в один ряд с приверженцами самого радикального анархизма.

«Существование государства и существование рабства неразрывно связаны друг с другом [...]. Чем могущественнее госу-

дарство и чем *более политической* является вследствие этого страна, тем менее она склонна понимать *общий* принцип *социальных* недугов и искать их корень в *принципе государства*, т. е. *в нынешнем устройстве общества*, чьим деятельным, сознательным и официальным выражением является государство».[10]

Пример французской Революции казался ему в то время достаточно показательным, чтобы сформулировать тезис, лишь частично отвечающий политической социологии, которая вскоре была изложена им в «Немецкой идеологии»:

«Герои французской революции были весьма далеки от того, чтобы искать источник социальных недостатков в принципе государства, – они, наоборот, в социальных недостатках видели источник политических неустройств. Так, *Робеспьер* в большой бедности и большом богатстве видел только препятствие для *чистой демократии*. Поэтому он хотел установить всеобщую спартанскую простоту жизни. Принцип политики – *воля*».[11]

К этому же тезису Маркс вернулся двадцать семь лет спустя, размышляя о Второй Империи и Парижской Коммуне 1871 года. Обратившись к историческим корням политического абсолютизма, представленного бонапартистским режимом, он обнаружил в централизаторской деятельности французской Революции продолжение монархических традиций:

«Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими, церковными и судебными органами обвивает, как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии как оружие нарождавшегося современного общества в его борьбе за освобождение от феодализма [...]. Первая французская Революция, поставившая себе задачу создать единство нации [...], была поэтому вынуждена развить далее то, что было начато абсолютной монархией, то есть

---

[10] Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссака»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 441.
[11] Там же.

централизацию и организацию государственной власти, и расширить объем и атрибуты этой власти, число ее пособников, ее независимость и ее сверхъестественное господство над действительным обществом [...]. Всякий второстепенный отдельный интерес, порождаемый взаимоотношениями социальных групп, отрывался от самого общества, фиксировался и делался независимым от него и противопоставлялся ему в форме государственного интереса, обслуживаемого государственными жрецами с точно установленными иерархическими функциями».[12]

Это пылкое осуждение государственной власти в некотором роде резюмирует все исследования и критические размышления Маркса по данному вопросу, начиная с его полемики против моральной и политической философии Гегеля, в период разработки материалистического понимания истории и на протяжении пятнадцати лет занятий свободной и профессиональной журналистикой при одновременной активной деятельности в рабочем Интернационале. Можно сказать, что Коммуна предоставила Марксу возможность высказать свои последние мысли о проблеме, которой он задумывал посвятить одну из шести книг своей «Экономики», и очертить самые общие контуры той свободной ассоциации свободных людей, о которой говорилось в «Манифесте Коммунистической партии».

«Коммуна была революцией не против той или иной формы государственной власти – легитимистской, конституционной, республиканской или императорской. Она была революцией против самого *государства*, этого сверхъестественного выкидыша общества; народ снова стал распоряжаться сам и в своих интересах своей собственной общественной жизнью».[13]

---

[12] Маркс К. Первый набросок – Коммуна// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 543-544.
[13] Там же, с. 546.

V

Сравнивая способы освобождения крепостных феодального общества со способами освобождения современных трудящихся, Маркс отмечал, что, в отличие от пролетариев, крепостные должны были свободно развивать условия своего существования и могли, таким образом, прийти лишь к «свободному труду»; пролетариям, напротив, чтобы состояться как личностям, следует радикально изменить условия своей жизни; а поскольку последние свойственны всему обществу в целом, остается лишь уничтожить наемный труд. Следующие слова Маркса стали лейтмотивом как его литературной работы, так и его деятельности коммунистического активиста:

«[Пролетарии] находятся в прямой противоположности к той форме, в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое, а именно к государству, и должны низвергнуть государство, чтобы утвердить себя как личности» («Немецкая идеология», 1846 г.).[14]

Такая формулировка, близкая, скорее, к анархизму Бакунина, нежели Прудона, не является ни результатом временной увлеченности, ни фразой политика, выступающего перед собранием рабочих. Этот революционный постулат представляет собой логический вывод из всей совокупности теоретических аргументов, призванных доказать «историческую необходимость» анархического коммунизма. Таким образом, возникновение «гуманного общества», согласно марксовой теории, обусловлено длительным историческим процессом. В итоге образуется общественный класс, составляющий огромное большинство населения промышленно развитых стран, который способен самостоятельно выполнить творческую задачу революции. И именно для того, чтобы показать логику подобного развития, Маркс стремился установить причинно-следственную связь между научным прогрессом, особенно в области естественных наук, политическими и юридическими институтами, с одной стороны, и поведением

---

[14] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 78.

антагонистических общественных классов, с другой. В отличие от Энгельса, Маркс не считал, что будущая революционная трансформация произойдет на манер революций прошлого, подобно природному катаклизму, сметающему людей, вещи и воззрения. С приходом современного труженика человеческий род начинает цикл своей подлинной истории; он вступает на путь разума и обретает способность осуществить свои мечты и самостоятельно творить свою судьбу. Достижения науки и техники делают это возможным, но пролетариату необходимо вмешаться, чтобы помешать буржуазии с ее капиталом столкнуть мир в бездну.

«Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости».[15]

Так что пролетарская революция не будет иметь ничего общего с политической авантюрой; она станет общим делом, сознательно проводимым огромным большинством членов общества, осознавших необходимость и возможность полного возрождения человечества. История обрела общемировой характер, угроза порабощения капиталом и его рынком нависает над всей планетой; в ответ должны возникнуть массовое сознание и воля, направленные на глубокое и полное изменение человеческих отношений и общественных институтов. С тех пор, как опасность наступления варварства в масштабах всей планеты угрожает выживанию человечества, коммунистические и анархические мечты и утопии служат духовным источником рациональных проектов и практических реформ, рассчитанных на то, чтобы помочь роду человеческому обрести вкус к жизни, когда разум и воображение будут равно нацелены на обновление его судьбы.

Невозможно (как полагал Энгельс) перепрыгнуть из царства необходимости в царство свободы, и не может быть прямого перехода от капитализму к анархизму. Экономическое и социальное варварство, продукт капиталистического способа

---

[15] Маркс К. Речь на юбилее «The People's Paper»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 4.

производства, не исчезнет в результате заранее подготовленной политической революции, организованной и руководимой элитой профессиональных революционеров, претендующих на то, что действуют и думают от имени и на пользу большинства эксплуатируемых и отчужденных. Объединившись в класс и партию в условиях буржуазной демократии, пролетариат освобождается в борьбе за завоевание этой демократии: всеобщее избирательное право, служившее прежде «орудием обмана», он превращает в средство освобождения. Класс, составляющий огромное большинство современного общества, отчуждается политически лишь для того, чтобы восторжествовать над политикой, и завоевывает государственную власть лишь для того, чтобы использовать ее против господствовавшего прежде меньшинства. Завоевание политической власти является по своей природе «буржуазным» актом; в действиях пролетариата он обретает иной смысл только благодаря революционной конечной цели, которую ставят перед собой его участники. Таков смысл исторического периода, который Маркс не побоялся назвать «диктатурой пролетариата» – именно для того, чтобы подчеркнуть разницу с диктатурой элиты, диктатурой в якобинском понимании. Разумеется, относя на свой счет заслугу открытия тайны исторического развития способов производства и господства, он и предположить не мог, что его учение будет узурпировано профессиональными революционерами и прочими политиками, присвоившими себе право служить олицетворением диктатуры пролетариата. На самом деле он полагал, что подобная переходная общественная форма может иметь место лишь в странах, где пролетариат сумеет использовать период буржуазной демократии для создания своих собственных институтов и превращения в господствующий общественный класс. По сравнению со многими столетиями насилия и развращения, которые потребовались капитализму для установления своего господства во всем мире, длительность переходного процесса к анархическому общественному устройству будет тем более короткой и потребует тем меньше насилия, что накопление капитала и концентрация государственной власти противопоставят массовый пролетариат численно незначительной буржуазии.

«Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами; здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов».[16]

Маркс не разработал теорию переходного периода в деталях, и можно отметить значительные различия между разного рода теоретическими и практическими замечаниями на эту тему в его работах. Тем не менее, несмотря на эти различия и даже противоречащие друг другу утверждения, основной принцип остается неизменным и позволяет реконструировать достаточно последовательную теорию. И, возможно, именно здесь проявляется вся вредность мифа об основании «марксизма» Марксом и Энгельсом. В то время как первый считал самодеятельность пролетариата критерием всякого подлинного классового действия и истинного политического успеха, второй пришел, особенно после кончины своего друга, к разделению двух основных аспектов рабочего движения: классового действия (Selbsttatigkeit) пролетариата и партийной политики. Маркс полагал, что коммунистическое и анархическое самообразование является более важной и неотъемлемой частью революционной деятельности рабочих, чем любой изолированный политический акт: они сами должны обрести способность завоевать и осуществлять политическую власть как средство сопротивления попыткам буржуазии отвоевать эту власть обратно. Пролетариат должен осознанно превратиться на время в материальную силу, чтобы защищать свое право и свой проект преобразования общества и постепенно превратить человечество в единую общность. Именно в борьбе за свое утверждение как уничтожающей и созидающей силы рабочий класс – который является «величайшей производительной

---

[16] Маркс К. Капитал// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 773.

силой из всех инструментов производства» – берет на себя осуществление диалектического проекта созидательного отрицания, а также риск политического отчуждения – которое требуется для того, чтобы отпала необходимость в самой политике. Подобное видение не имеет ничего общего ни с бакунинской страстью к разрушению, ни с анархическом апокалипсисом Кердеруа. В этом политическом проекте, рассчитанном на победную реализацию потенциальной мощи угнетенных и эксплуатируемых масс, нет места революционному эстетизму. По мнению Маркса, рабочий Интернационал мог стать такой боевой организацией, которая сочетала бы в себе численную мощь и революционный дух, понимавшийся в прудоновском анархизме совершенно иначе. Вступив в МТР, Маркс не отказался от своего критического отношения к идеям Прудона, высказанного в 1847 г., когда речь шла об определении антиполитического анархизма, осуществимого посредством политического движения:

«Значит ли это, что после падения старого общества наступит господство нового класса, выражающееся в новой политической власти? Нет [...]. Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества. А до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется борьбой класса против класса, борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, представляет собой полную революцию [...]. Не говорите, что социальное движение исключает политическое движение. Никогда не бывает политического движения, которое не было бы в то же время и социальным. Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*».[17]

---

[17] Маркс К. Нищета философии// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 184-185.

[illegible] Маркса [illegible] и не допускают никакой [illegible] интерпретации. Его речь, обращенную к буду- [illegible] как провозглашение нормами [illegible] трудящихся к революционному [illegible] политической борьбы. «Рабочий класс либо [illegible], либо он ничто.»[8] Это язык мыслителя, чья не- [illegible] в отличие от подходов Прудона и Штир- [illegible] к систематическому использованию беспощ- [illegible] насилия. И даже если в этой [illegible] цели и средств не все выверено, ее [illegible] в том, что она побуждает жертвы от- [illegible] к осознанию своего положения и самообразо- [illegible] ради попытки осуществить великое дело [illegible]. В таком смысле призыв Маркса оста- [illegible] торжествующему марксизму и даже [illegible] этого процесса.[9]

---

[8] Там же. Маркс – Иоганну Баптисту Швейцеру, 13 февраля 1865 г.// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 376.

[9] Ограниченные рамки данной статьи не позволяют нам подробно рассмотреть этот вопрос; назовем лишь три текста, заведомо не остав[illegible] камня на камне от легенды – бакунинской и ленинистской – о Марксе, «преклоняющемся перед государством», «апостоле государ[illegible]», [illegible] диктатуру пролетариата с диктатурой партии и даже личности.

1) «Заметки на полях книги Бакунина «Государственность и анархия»» ([illegible] г.). Основные темы: диктатура пролетариата и сохранение мелкой крестьянской собственности; экономические условия и социальная революция; отмирание государства и трансформация политических функций в административные функции самоуправляющихся кооперативных коммун.

2) «Замечания к программе германской рабочей партии (Критика Готской программы)» (1875 г.). Основные темы: две фазы эволюции коммунистического общества, основанного на кооперативном способе производства; буржуазия, революционный класс; международная [illegible] рабочего класса; критика «железного закона заработной платы»; революционная роль рабочих производственных кооперати

Из этого краткого очерка следует, что социальная теория Маркса совершенно определенно является попыткой объективного анализа исторического движения, а не моральным и политическим кодексом революционного праксиса, стремящегося осуществить идеал общественной жизни; это раскрытие процесса развития вещей и личностей, а не совокупность норм для партий и элит, жаждущих власти. Однако таков лишь внешний, явный аспект данной теории, следующей по двум концептуальным направлениям, одно из которых отличается строго детерминистской ориентацией, а другое подразумевает свободное движение к воображаемой цели анархического общественного устройства.

«Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины».[20]

Прошлое – это неизменная данность, и наблюдатель, вооруженный всеми инструментами анализа, способен объяснить

вов; начальное образование, освобожденное от влияния церкви и государства; революционная диктатура пролетариата, понимаемая как политический переход к превращению государственных функций в общественные.

в) Письмо Вере Засулич, 1881 г. Основные темы: сельская община, элемент возрождения российского общества; двойственность характера общины и влияние исторической обстановки; развитие общины и кризис капитализма; освобождение крестьян и взимание налогов; негативное влияние извне и риски исчезновения общины; общину, которой угрожает государство и капитал, может спасти лишь русская революция.

Эти три документа представляют собой в некотором роде квинтэссенцию книги, которую Маркс задумывал написать о государстве. Здесь же следует напомнить о многочисленных работах Энгельса на тему государства, прямо или косвенно связанных с теорией Маркса, хотя их позиции совпадают не полностью.

[20] Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 122.

причинную связь рассматриваемых явлений. Но если бессмысленно надеяться на осуществление всех мечтаний человечества, выраженных через его пророков и провидцев, в будущем все же возможно прийти к ликвидации учреждений, сводящих жизнь людей к перманентному порабощению во всех сферах общественной жизни. Такова вкратце связь между теорией и утопией в учении Маркса, который прямо объявил себя «анархистом», когда написал:

«Все социалисты понимают под анархией следующее: после того как цель пролетарского движения – уничтожение классов – достигнута, государственная власть [...] исчезает, и правительственные функции превращаются в простые административные функции».[21]

---

[21] Маркс К., Энгельс Ф. Мнимые расколы в Интернационале// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 45.

Маркс и демократия

Основной мишенью социальной критики, составляющей сущность работ Карла Маркса, являются Государство и Деньги. Примечательный факт – Маркс посвятил себя этой критике еще до того, как присоединился к рабочему движению. Чтобы завершить разработку коммунистической теории, ему оставалось лишь выработать понимание демократии как ключа к освобождению, подразумевающему глубокое изменение общественных отношений, и, прежде всего, доказать, что такие институты, как Государство и Деньги, по сути своей несовместимы со свободой человечества. Эти две задачи требовали от него разрыва с гегелевской философией, о чем он заявил в двух своих работах, которые появились с интервалом в несколько месяцев, но были опубликованы одновременно во «Французско-немецком ежегоднике» в январе 1844 года: «К критике гегелевской философии права. Введение» и «К еврейскому вопросу». Написанные за четыре года до «Манифеста Коммунистической партии», они в совокупности представляют собой своего рода философский вариант рассмотрения той же самой проблематики.

Между этими двумя точками своей писательской карьеры Маркс занялся серьезным изучением политической экономии и предпринял первую попытку радикальной критики теорий капитала. Его работы на эту тему, опубликованные только в 1932 году, позволяют лучше понять ход его мысли. Но в то время как литература, посвященная парижским «экономико-философским рукописям» 1844 года, весьма обширна, никто до сих пор глубоко не проанализировал важную работу, которой Маркс занимался

Впервые опубликовано в : *Le Contrat social*, vol.VI, № 4, 1962.

летом 1843 года, во время поездки в Кройцнах. Ее результаты, опубликованные впервые в 1927 году, составляют большую неоконченную рукопись, знаменующую окончательный разрыв Маркса с политической философией Гегеля. Решительно осуждая нелогичность и фальшь некоторых гегелевских положений о государстве и монархии, собственности и бюрократии, Маркс формулирует здесь гораздо более радикальную концепцию демократии, чем в статьях, опубликованных за несколько месяцев до этого в газете «Райнише Цайтунг» (которая вынуждена была считаться с прусской цензурой).

Согласно распространенному мнению, Маркс, став коммунистом, отказался от идеализма и либерализма, характерных для этих полемических эссе. Но, если только не считать его приобщение к коммунизму результатом внезапного озарения, приходится констатировать, что оно являлось логическим, естественным следствием тех же самых идеализма и либерализма. Ключ к его пониманию можно обнаружить как в кройцнахской антигегелевской рукописи, так и в двух других эссе, опубликованных в Париже. Во всех этих работах звучит убеждение, которое выработалось у Маркса еще в университетские годы в процессе изучения философии и истории в Берлине и Бонне (1840-1842 гг.) и которому он как ученый и политический деятель оставался верным всегда: демократия может реально осуществиться и расцвести только в обществе, где свободно ассоциированные люди перестанут отчуждать свою личность через посредство политики и экономики.

Чтобы прояснить ход мыслей, приведший Маркса от демократии к анархо-коммунизму, достаточно рассмотреть то, что он изучал, будучи студентом. В одной из его учебных тетрадей, заведенных в Берлине, можно насчитать не менее 160 отрывков из «Богословско-политического трактата» Спинозы. В них идет речь о чудесах, вере и философии, разуме и теологии, свободе обучения, основах республики, пророчествах и т. д. Все это воспроизводится без какого бы то ни было личного комментария; однако на обложке тетради мы читаем: «Спиноза: Богословско-политический трактат. Карл Маркс, Берлин, 1841 г.»

Как следует понимать эту надпись? Представляется, Маркс имел в виду, что извлек из труда Спинозы все, что посчитал необходимым для формирования собственного видения мира и человеческих отношений: истина принадлежит всему человечеству, а не одному человеку; в этом он соглашался с Гете, тоже последователем Спинозы. Более того, Маркс переписывает сам или просит переписать в две тетради около шестидесяти отрывков из писем голландского философа. Мысль Спинозы укрепляла его в решимости призвать Германию к борьбе за демократию. Для Спинозы демократическая республика и человеческая свобода являются элементами рациональной этики, концепции человеческого счастья в природе и обществе: личность может прийти к свободе через разум, познание и любовь. Именно у Спинозы, а не у Гегеля Маркс научился примирению необходимости и свободы. И когда он выступил против гегелевских мистификаций, в частности, подверг критике метафизику государства – которое выступало у Гегеля как высшая цель Разума, – он уже мог подступиться к реальным основам политической власти: собственности и бюрократии.

Далее мы увидим, какие мотивы побудили Маркса развить спинозовское понимание демократии, исследовать ее социальные проявления и затем прийти к сочетанию спинозовской демократии с коммунизмом, освободившись от привлекавшей его прежде гегелевской метафизики государства. Хотя Маркс безусловно отказался от политической философии Гегеля, известно, что, приступив к написанию «Капитала», он вновь прибегнул к гегелевской диалектике: сам он говорил об этом, используя эвфемизм и, возможно, с иронией как о «флирте». Околдованный Гегелем в годы учебы, он никогда не сумел полностью избавиться от его влияния в том, что касается философии истории. Из этой двусмысленности возникло недоразумение, получившее название «исторический материализм».

Маркс обнаружил у Спинозы то, что напрасно искал у Гегеля или в «Общественном договоре» Руссо: возможность примирения общественного существования личности и ее естественных прав, то есть реализации принципа, который лишь формально-

юридически провозглашался в декларации прав человека и гражданина. В «Трактате» Спинозы об этом говорится совершенно недвусмысленно: демократия определяется как «всеобщее собрание людей, сообща имеющее верховное право на все, что оно может». Демократическое государство «наиболее естественно и наиболее приближается к свободе, которую природа предоставляет каждому», ибо никто при ней не может быть полностью лишен своих естественных прав. Последние «каждый переносит [...] на большую часть всего общества, единицу которого он составляет. И на этом основании все пребывают равными, как прежде, – в естественном состоянии».[1]

Влияние Спинозы на политические идеи молодого Маркса нашло проявление и в отрывке, где слышатся отзвуки критики Гегеля Фейербахом.

«Демократия есть разрешенная *загадка* всех форм государственного строя. Здесь государственный строй не только *в себе*, по существу своему, но и по своему *существованию*, по своей действительности все снова и снова приводится к своему действительному основанию, к *действительному человеку*, к *действительному народу* и утверждается как его *собственное* дело *самого* народа. Государственный строй выступает здесь как то, что он есть, – как свободный продукт человека».[2]

Развивая свою аргументацию, Маркс критикует представление Гегеля о зависимости человека от государства-демиурга. Такому взгляду противопоставляется демократия, которая ставит человека во главу угла и превращает государство в объект, инструмент человека. И, говоря о государственном строе, Маркс перефразирует фейербаховскую критику религии:

«Подобно тому, как не религия создает человека, а человек создает религию, – подобно этому не государственный строй со-

---

[1] Спиноза Б. Трактаты. М., 1998, с. 189, 191.

[2] Маркс К. К критике гегелевской философии права// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 252.

здает народ, а народ создает государственный строй. Демократия в известном смысле *относится* ко всем другим государственным формам так, как христианство *относится* ко всем другим религиям. Христианство есть *религия* по преимуществу, *сущность религии*, обожествленный человек как *особая* религия. Точно так же и демократия есть *сущность всякого государственного строя*, социализированный человек как *особая* форма государственного строя. [...] Не человек существует для закона, а закон существует для человека; законом является здесь *человеческое бытие*, между тем как в других формах государственного строя человек есть *определяемое законом бытие*. Таков основной отличительный признак демократии.»[3]

Маркс привносит в это рассуждение свои собственные доводы, которые выходят за традиционные рамки представлений о демократии. Позднее, основываясь на эмпирическом материале, он свяжет с понятием демократии другое понятие, которое из него выведет, – диктатуру пролетариата; в обоих случаях имелось в виду одно: «самоопределение народа».[4]

Находясь в Кройцнахе, Маркс использовал период вынужденного бездействия после своего выхода из редакции «Райнише Цайтунг» для глубокого изучения революционной истории Франции, Англии и Америки. Именно эти исследования окончательно убедили его в том, что естественным и неизбежным завершением развития демократической республики должен стать коммунизм, иными словами, «в истинной демократии политическое государство исчезает».[5]

В тетради 1843 года содержится немало выдержек из рассказа одного шотландца, посетившего Соединенные Штаты в 1830-1831 гг., который пришел к более радикальным выводам, чем Токвиль.[6]

---

[3] Там же.
[4] Там же, с. 253.
[5] Там же.
[6] Токвиль Алексис (1805-1859) – французский политический мыслитель, социолог, историк, государственный деятель. Автор книги «О демократии в Америке» (1835-1840) – *Прим. ред.*

Труд Томаса Гамильтона «Люди и нравы Америки» за короткое время выдержал два издания.[7] Маркс прочитал его в немецком переводе в 1843 году и выписал примерно пятьдесят отрывков, где говорилось о важных для Америки проблемах: федерализме и всеобщем избирательном праве, правовом и действительном положении граждан, конфликтах интересов между Севером и Югом страны, конституции Штатов Новой Англии и т. д.

Его интерес вызвало то, как Гамильтон понимает или, скорее, ощущает социальные тенденции в функционировании американской демократии. С либеральным благородством и аристократическим вкусом автор описывает республиканскую и федералистскую партии, «безмолвную революцию», начавшуюся после прихода к власти Джефферсона, подъем «многих» как оппозиции обладателям собственности и знаний. Маркса не могли не заинтересовать как приводимые шотландцем факты, так и его глубокая проницательность, позволившая различить то, чего не сумел заметить Токвиль: революционный потенциал американской демократии.

Токвиль видел в Америке сам образец демократии: разве не провозглашала она почти полное и всеобщее равенство? И хотя он опасался возможной предрасположенности демократии к превращению в тиранию большинства, в том, что касалось социальных и экономических перспектив системы, он был настроен, по существу, оптимистично.

Гамильтон же, отмечая некоторые особенности американской экономической жизни, выявил тенденцию, которую Маркс счел определяющей для будущего Америки: классовую борьбу. После бесед с «просвещенными американцами» о социальных возможностях, которые открывает Конституция Соединенных Штатов, Гамильтон пришел к выводу, что ничья воля не сможет

---

[7] Hamilton T. Men and Manners in America, 1833. Эта книга вышла за два года до «Демократии в Америке». Вскоре было предпринято три ее издания в Германии и сделано два французских перевода. До этого Гамильтон получил известность как автор романа «Сирил Торнтон» (1827).

уравновесить «непредсказуемость демократии прозорливостью и мудростью аристократии ума и благоразумия». Он приводит пример того, что называет «эволюцией и направленностью мнений жителей Нью-Йорка»: «Это город, где очень быстро выделились различные общественные слои. Трудящийся класс уже создал сообщество, носящее название «Workies»,[8] противостоящее тем, кто, пользуясь благорасположением природы или фортуны, живет в роскоши, не имея необходимости в физическом труде. Эти люди не скрывают своих требований, которых, следует признать, немного, но они носят решительный характер Их первое требование – равное и всеобщее образование. Неправильно, говорят они, утверждать, будто бы в настоящее время не существует никакого привилегированного сословия, фактической аристократии в стране, где допускается неравенство в образовании. Для значительной доли населения, вынужденной заниматься физическим трудом, оказываются недоступны важные государственные посты. Так что – утверждают они – существует аристократия, и самая отвратительная: аристократия знания, образованности и элегантности, и существование ее противоречит подлинному принципу демократии – абсолютному равенству. Они собираются с силами, чтобы уничтожить столь явную несправедливость, посвящая этому всю свою физическую и умственную деятельность. Они провозглашают перед лицом мира, что эта язва должна быть излечена, иначе свобода гражданина Америки сведется к простой похвальбе. Они с уверенностью утверждают, что не успокоятся, пока все граждане США не будут иметь доступ к одинаковому уровню образования, а также к карьере и государственным постам. Невозможно, и они знают это сами, обеспечить равный уровень образования как трудящимся классам, так и самым богатым; они признают своей целью довести богатых до интеллектуального уровня бедных. [...] Но те, кто ограничивает рассуждения свои стремлением к умственной деградации собственной страны, на самом деле являются *умеренными*. Другие заходят гораздо дальше. Они решительно требуют *аграрного*

---

[8] «Работяги» – *Прим ред.*

закона и периодического перераспределения собственности. Несомненно, это *крайне левые* представители сообщества *workies*, но они всего лишь доводят до логического завершения принципы своих менее ретивых товарищей. Со всем красноречием требуют они справедливости и собственности для каждой личности... Они осуждают чудовищное неравенство: один ездит в карете, в то время как другой ходит пешком; возвратившись с променада, один пьет шампанское, тогда как другой, рядом с ним, вынужден довольствоваться простой водой. Только уравняйте собственность, говорят они, и вы не увидите больше ни шампанского, ни воды. Все будут пить бренди, и эта победа потребителя стоит столетий борьбы.»[9]

Исследуя политику американского правительства в отношении рабочих с учетом огромных внутренних ресурсов США, Томас Гамильтон не сомневается, что этой стране предстоит стать великой промышленной державой:

«Большие промышленные центры вырастут в различных местах Союза; туда будет массами стекаться население, и тотчас возникнут все пороки, сопровождающие ныне подобное состояние общества. Пропитание миллионов людей окажется в зависимости от спроса на ту или иную продукцию, и спрос этот будет постоянно колебаться. Когда маятник качнется в одном направлении, начнется рост богатства и процветания; когда он качнется в направлении противоположном, это принесет с собой нищету, недовольство и беспорядки по всей стране. Перемены в моде, войны, закрытие рынка за границей, тысячи непредвиденных и неизбежных случайностей лишат покоя массы людей, которые еще за месяц до того пользовались всеми благами жизни».

И Гамильтон делает рискованное предположение в чисто марксовом стиле: «Пусть вспомнят, что именно страдающий класс будет на деле обладать всей политической властью в государстве; что оно не сумеет военной силой сохранить существующий порядок и защитить собственность; и пусть мне скажут, где тогда богач сможет найти убежище для себя и своего состояния?»

---

[9] Ibid., p. 160.

Разумеется, ни один из «важных» собеседников Томаса Гамильтона не отказывался признать, что подобный период беспорядка неизбежен. Но зачастую добавлял, что до этих событий еще далеко, что сейчас народу нечего беспокоиться относительно грядущих бедствий. И шотландский путешественник отмечает: «Однако я не могу избавиться от убеждения, что время испытаний гораздо ближе, чем полагают эти резонеры; но если делать вывод о том, что демократия неизбежно ведет к анархии и грабежу, длина пути этого для нас не столь уж важна. Очевидно, что она может различаться в зависимости от особенностей каждой страны, где это будет происходить. Англия могла бы преодолеть этот путь со скоростью паровоза. В США, учитывая имеющиеся там большие преимущества, существующее положение способно сохраниться еще на протяжении жизни одного или двух поколений, но ***конечная станция*** все та же. Могут быть сомнения относительно длительности пути, но не его направления.»[10]

Полагая, что развитие социального равенства обуславливается божественным провидением, Токвиль вывел общую и несколько гегельянскую формулу для расчета этого свершения времен. Он писал о «неодолимой революции» и считал, что всякая попытка ограничить демократию является нарушением божественного закона. Он напоминал христианским нациям, что их первым долгом является просвещение в духе демократии, и возлагал надежды на «новую политическую науку, необходимую новому миру». Как коммунист, Маркс будет писать слово «коммунизм» там, где Гамильтон употребляет термины «анархия» или «грабеж»; как экономист, он придаст предупреждениям шотландца теоретическую основу в знаменитой главе «Капитала», посвященной «исторической тенденции капиталистического накопления».

Можно было бы сказать, что, будучи духовным наследником Токвиля и Гамильтона, Маркс в этой новой науке об обществе заменил веру в божественное провидение диалектикой исторической необходимости. Однако мы не хотим вновь поднимать

---

[10] Ibid., p. 66.

проблему, занимающую почетное место в дискуссии об «историцизме» Маркса. Мы лишь попытались показать, что в политической эволюции Маркса прослеживается тесная связь между его демократическими убеждениями и принятием коммунизма, эта связь объединяет его первые социально-критические работы, где коммунизм выступает исключительно в качестве морального осуждения культа чистогана (например, «К еврейскому вопросу»), и «Капитал», где то же осуждение филигранно вписывается в научный анализ системы капиталистического производства.

Этот вывод подкрепляется еще одним фактом. В 1850 году, спустя семь лет после перехода на коммунистические позиции и будучи лидером Союза коммунистов, Маркс поручил члену этого союза Герману Беккеру отобрать его работы для издания в нескольких томах. В первой книге, вышедшей в Кельне в 1851 году, собраны статьи либеральной и демократической направленности из «Анекдота» и «Райнише цайтунг»; это означало, что Маркс, не считая их устаревшими, полагал, что борьба за демократические свободы остается в порядке дня. Он был убежден – как пишет в своих рукописях 1844 года, первых набросках к «Капиталу», – что в его ранних работах о демократии содержатся во всей полноте элементы того гуманизма, частным аспектом которого является коммунизм.

Два различных понятия, демократия и коммунизм, обозначают у Маркса два этапа одного движения, политическую революцию и социальную революцию. Первая, «завоевание демократии» рабочим классом, выливается в «диктатуру пролетариата». Вторая – это уничтожение общественных классов и политической власти, рождение гуманного общества.

Маркс установил различие между политической и социальной революцией; это необходимо иметь в виду, чтобы понять его поведение как партийного деятеля. Не рассматривая здесь различные аспекты марксовой политической социологии, отметим лишь, что общественное развитие представлялось ему подчиненным законам истории; таким образом, социальные революции зависели от существующих условий, как материальных, так и моральных, определяемых развитием производительных сил,

техническим прогрессом, с одной стороны, и зрелостью человеческого сознания, с другой. Признавая, что тезис Маркса – сознание людей обусловлено их общественным бытием – неоднозначен в плане эпистемологии, следует, однако, подчеркнуть его *этический* характер, основанный на необходимости обретения пролетариатом классового сознания.

Идее революции, состоящей из двух различных фаз, соответствовали два аспекта мысли и политической деятельности Маркса. Так, в 1847 году он согласился стать вице-президентом Демократической ассоциации в Брюсселе, одновременно вступив в Союз коммунистов. В январе 1848 года он написал «Манифест Коммунистической партии» и тогда же произнес речь о свободе торговли, опубликованную Демократической ассоциацией. Во время революции он основал в Кельне газету «Нойе Райнише цайтунг», «орган демократии», и поссорился с крайне левыми членами Союза, осудившими его за оппортунизм. В 1847 году он писал: «Господство буржуазии не только дает в руки пролетариата совершенно новое оружие в борьбе *против* самой же буржуазии, но и создает ему совершенно новое положение – положение признанной партии».[11] Восемнадцать лет спустя Маркс и Энгельс вновь публично заявили о приверженности позиции, занятой ими в 1847 году, и осудили ошибки лассальянцев, ратовавших за союз пролетариата и королевского правительства Пруссии против либеральной буржуазии: «Мы и сегодня подписываемся под каждым словом нашего тогдашнего заявления».[12]

Так на каждом этапе своей политической деятельности Маркс неутомимо боролся за демократические свободы: в начале 50-х гг. он был на стороне чартистов; во время Второй империи во Франции написал сотни антибонапартистских статей; выступал против русского царизма и его орудия, прусского государства; в ходе Гражданской войны в США поддерживал Север против Юга, обличал рабство и ратовал за свободный труд. Например, в 1865 г. он составил обращение к Аврааму Линкольну от имени Генерального совета

---

[11] Маркс К. Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 197.
[12] Маркс К., Энгельс Ф. Заявление в редакцию газеты «Социал-демократа», 23 февраля 1865 г.// Соч., т. 16, с. 79.

Первого Интернационала, напомнив, что столетием ранее впервые прозвучала во весь голос идея «великой демократической республики», которая дала импульс революции в Европе в XVIII веке; обращение также разъясняло трудящимся классам, что мятеж сторонников рабства служит сигналом к крестовому походу собственности против труда. В 1871 году Маркс приветствовал Парижскую Коммуну как «истинную представительницу всех здоровых элементов французского общества, а значит, и подлинно национальное правительство» и при этом «правительство рабочих», «смелую поборницу освобождения труда», противоположность бонапартизму и империализму, «*самоуправление* производителей», правительство, избранное всеобщим голосованием, подотчетное и подлежащее отзыву в любой момент. «Она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда».[13]

И еще один, последний пример: в 1872 году Маркс добился исключения из Интернационала Бакунина, видя в его деятельности стремление превратить организацию в сообщество заговорщиков, где вождь анархистов был бы полным хозяином. Тайное бакунинское общество стремилось к «восстановлению всех элементов «авторитарного государства»; и то, что мы называем эту машину «революционной коммуной, организованной снизу вверх, имеет мало значения»; Бакунину «требуется только тайная организация сотни людей, привилегированных представителей *революционной идеи*, находящийся в резерве генеральный штаб, сам себя назначивший и состоящий под командой перманентного «гражданина Б.» Единство мысли и действия означает не что иное, как догматизм и слепое повиновение. Perinde ac cadaver.[14] Перед нами настоящий иезуитский орден.»[15]

---

[13] Маркс К. Гражданская война во Франции// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 345.

[14] «Будь подобен трупу» (лат.). Принцип ордена иезуитов, сформулированный Игнатием Лойолой и означавший необходимость слепого подчинения руководству ордена. – *Прим. ред.*

[15] Маркс К. Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 341-342.

Маркс неохотно признавал свои заслуги как социального теоретика. Не претендуя ни на открытие наличия общественных классов, ни на выявление борьбы между ними в современном обществе, он, однако, уверенно заявлял, что ему принадлежит доказательство следующего: 1) существование классов связано с определенными стадиями экономического развития; 2) классовая борьба «неизбежно» приводит к диктатуре пролетариата (понятие, подразумевающее отрицание государства и форм правления); 3) эта диктатура ведет к исчезновению деления на классы в возрожденном обществе.

Хотя Маркс не утверждает этого определенно, мы имеем полное основание предполагать, что он был убежден в научной значимости этих трех положений, и что доказательство их представлялось ему логической конструкцией, подлежащей эмпирической проверке.

Нетрудно перечислить как опубликованные, так и рукописные работы периода до 1852 года, в которых Маркс действительно стремился «доказать» эти три положения, сформулированные в письме Вейдемейеру, разумно используя два метода одновременно: с одной стороны, анализ, точное описание, серьезную информацию; с другой, дедукцию, ценностный синтез и этический Sinngebung.[16]

Как мы видим, Маркс отводил в политической теории значительное место принципам демократии, рассматриваемым как общее завоевание буржуазии и пролетариата в их борьбе против феодального государства. Он видел в этом лишь первый этап борьбы, которую отныне предстоит вести в самом капиталистическом обществе, освобожденном от пережитков феодального прошлого, вплоть до «завоевания демократии» самым многочисленным и самым обездоленным классом. Легальное или насильственное (Маркс не исключал прихода к власти в результате всеобщего голосования), это завоевание сохранит, конечно, диктаторский характер, свойственный всем классовым действи-

---

[16] Sinngebung (нем.) – философский термин, означающий наделение значением, смыслопридавание. – *Прим. ред.*

ям, но на сей раз – впервые в истории человечества – диктатура станет одновременно демократией в подлинном смысле слова: ог- разрушением государства и правлением народа, или, точнее, ог- ромного большинства, над ранее господствовавшими меньшин- ствами собственников. И тогда будет положено начало стадии полного освобождения, иными словами, осуществленной уто- пии – бесклассовому обществу. Маркс говорил об этом начиная с 1847 года, когда полемизировал с Прудоном:

«Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собствен- но политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества».[17]

Заключение.

Теперь мы может выделить из вышесказанного несколько идей общего характера:

1. Понятие демократии обретает у Маркса весь свой смысл только в рамках его концепции общественного развития и при учете особых условий его эпохи. Как теоретик и партийный дея- тель он принимал участие в борьбе рабочего класса и буржуазии против самодержавных и реакционных режимов за политичес- кие права и национальное освобождение. Демократия, националь- ное освобождение являлись первоочередными целями, предва-

---

[17] Маркс К. Нищета философии// Соч., т. 4, с. 184. Отсутствие у Мар- кса *теории* власти пролетариата дает пищу критике со стороны анар- хистов, но не следует забывать, что историческая *иллюстрация*, дан- ная им в «Гражданской войне во Франции», представляет собой набросок подобной теории. Если Ленин и был прав против Каутского в своей работе «Государство и революция», его собственный полити- ческий *праксис* сделал его исполнителем заветов просвещенного дес- потизма, программу которого очень хорошо определил Ш. Сеньобос: «Все для народа, ничего посредством народа». Маркс дал верную оценку просвещенной диктатуре, а значит, и «ленинизму», в первой схватке с Гегелем, еще до того, как присоединился к рабочему движению.

рительными условиями создания бесклассового общества. Первая цель, буржуазная демократия, служила лишь отправной точкой для независимого рабочего движения, всеобщее голосование представляло собой легальное средство завоевания политической власти – необходимого этапа на пути социального освобождения.

Идея социализма и коммунизма происходит из идеи интегральной демократии. Маркс обнаружил ее у Спинозы, и это побудило его к критике философии Гегеля, к неприятию его концепции бюрократии, власти князей и конституционной монархии. Став приверженцем коммунизма, Маркс не отказался от своей первоначальной концепции демократии и даже облагородил ее. При коммунизме, как он его понимал, демократия не только сохраняется, но и обретает более широкое значение.

2. Первым позитивным результатом философских и исторических исследований Маркса явилась гуманистическая этика. Позднее он попытался обосновать ее научно, отказавшись от философских спекуляций в пользу социальной теории и политической деятельности. И только после публикации своей первой коммунистической декларации он вступил в школу великих экономистов. Его пламенная критика изучаемых авторов уже тогда базировалась на критериях, требовавших от него обличения «позора» политической экономии.

3. Для Маркса демократия означала правление народа посредством самого народа. Будучи отправной точкой и средством, она обретает свой подлинный смысл лишь в бесклассовом обществе, освобожденном от всякой государственной власти и политического посредничества. Временная, промежуточная цель, она должна быть достигнута в совместной борьбе буржуазии и пролетариата против феодального и самодержавного прошлого, в которой каждый класс играет свою специфическую революционную роль. Достигнув этой цели, пролетариат призван освободиться своими средствами и, поскольку его освобождение является освобождением всего человечества, демократия раскрывает здесь весь свой подлинно новаторский потенциал. Главного борца, пролетариат, подталкивают к «историческим» действиям бесчеловечные условия его существования. Ис-

торический факт – классовая борьба – становится этическим постулатом: современный пролетариат должен самоорганизоваться как класс, сознающий свою революционную «миссию». Именно об этом писал Энгельс: «Что касается окончательной победы принципов, выдвинутых в «Манифесте», то здесь Маркс всецело полагается на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно было явиться неизбежным плодом совместных действий и обмена мнений».[18]

4. То, что Маркс называет завоеванием демократии, то есть завоеванием политической власти, гарантируется рабочим нормальным функционированием демократических институтов, которое теоретически исключает всякое насилие в борьбе за социальное равенство. Вовсе не являясь естественным законом человеческой истории, насилие возникает из классового конфликта, свойственного общественным устройствам, где производительные силы стали силами разрушения и социального отчуждения. В качестве юридической фикции демократия прикрывает собой реальную диктатуру, соотношение сил между классами эксплуататоров и эксплуатируемых, разрыв между фундаментальными правами и материальным угнетением. Исторической и нравственной антитезой этому явлению, присущему прошлому и настоящему, является реальное правление большинства, логический результат социальных конфликтов, когда всеобщее избирательное право превращается из «орудия обмана, каким оно было до сих пор, в средство освобождения».[19] Демократия дает производителям, организованным в профсоюзы и партии, законные средства завоевать власть и начать постепенные преобразования во всех сферах общественной жизни с целью создания «ассоциации, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».[20]

---

[18] Энгельс Ф. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 г.// Соч., т. 22, с. 61.

[19] Маркс К. Введение к программе французской рабочей партии// Соч., т. 19, с. 246.

[20] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии// Соч., т. 4, с. 447.

Оставив в стороне проблему неоднозначности учения Маркса, нужно признать, что разработанная им социальная критика имеет долговременную ценность – или то, что можно назвать наследием. «Марксизм», если он не означает нечто несуществующее, может пониматься лишь как отрицание современных политических систем, либо, точнее, как социальная критика, основанная на идее (или постулате) демократии, освобожденной от Государства и Капитала. Но подобное понимание «марксизма» означает признание его бесполезности и даже вредности: данным термином обозначали системы, основанные на отмене демократических свобод, завещанных буржуазной революцией. Слово это оказывается излишним, если согласиться с тем значением, которое мы в него вкладываем, – объединяющим этику, присущую социализму, анархизму и коммунизму. С позиции такой этики ни одно из существующих обществ не может считаться свободным и гуманным, ибо *все* они в различной степени подчиняются режимам, отрицающим свободу и человечность, которые имел в виду Маркс, когда говорил о демократии.

«Общество, – писал Прудон в 1840 г., – должно либо погибнуть, либо уничтожить собственность». Сегодня он сказал бы вместе с Марксом: общество должно либо погибнуть, либо уничтожить Государство и Капитал.

Наука, этика и идеология[1]

Маркс redivivus?[2] Идеология, выступающая как универсальная философия или государственная доктрина (и даже то и другое вместе), апеллирует к имени автора «Капитала», и, кажется, ее связь с ним не вызывает в целом никаких сомнений; оспаривать ее, начинать новую «ссору вокруг Маркса» в эру торжествующего марксизма значило бы абсурд для одних, ересь для других. Однако сегодня как никогда просто доказать, что Карл Маркс не был и не хотел быть «основоположником марксизма», ибо уже около двух десятилетий мы (по меньшей мере, на Западе) наблюдаем своего рода ренессанс аутентичных идей Маркса. Так можно было бы охарактеризовать новые дискуссии, получившие международный резонанс и вызванные, главным образом, публикацией его ранее не издававшихся работ.[3] Изложенные в этих

Впервые опубликовано в: *Cahiers internationaux de sociologie*, XLII, 1967.

[1] Доклад на международном симпозиуме «Маркс и западный мир» (апрель 1966 г., университет Нотр-Дам, США, штат Индиана). На симпозиуме рассматривались следующие темы: философские основы марксизма; влияние Маркса и марксизма на некоммунистический мир; Маркс и христианство; Маркс и западный мир.

[2] Здесь: возвращается (лат.) – *Прим. ред.*

[3] В частности, имеются в виду три работы: парижские рукописи 1844 года – так называемые «экономическо-философские»; «Немецкая идеология», совместно написанная Марксом и Энгельсом в Брюсселе в 1845-1846 гг.; и первая, незавершенная версия «Капитала» – Grundrisse der Kritik der politishen Oekonomie («Основные черты критики политической экономии») 1857-1858 гг. Эти работы были опубликованы в 1932-1941 гг. Институтом Маркса-Энгельса в Москве и получили известность уже после второй мировой войны.

работах идеи зачастую весьма оригинальны и дают возможность предположить, что Маркс возвратился бы к ним при написании остальных томов «Экономики».[4] Но и то, что мы имеем – не издававшиеся ранее работы Маркса, написанные в разные периоды времени, – показывает бессодержательность большинства и без того противоречивых интерпретаций его идей, предложенных за более чем полстолетия существования марксизма и антимарксизма.

Можно было опасаться, что в ходе международной дискуссии о Марксе между специалистами, принадлежащими к двум политически противоборствующим мирам – так называемому «буржуазному» или «свободному» и так называемому «коммунистическому» или «марксистскому», – будет трудно избежать столкновения непримиримых позиций, то есть путаницы; она привела бы к краху плана сопоставления точек зрения, задуманного участниками этого коллоквиума. В приглашении ясно говорится о его мотивах и предмете. Оно напоминает, что ученые – некоммунисты, посвятившие себя изучению идей Маркса, обыкновенно считают его «предтечей» идеологии, ставшей господствующей в «коммунистическом мире» в отличие от «мира западного». Забывая о том факте, что Маркс, наряду с Платоном, Руссо, Гегелем или Кьеркегором, сам был «западным» мыслителем, они обыкновенно недооценивают влияние его идей на некоммунистическую мысль. Считая Маркса предшественником Ленина или Сталина, они доходят до того, что отбрасывают его наиболее оригинальные идеи. Однако судьба диалога, столь же трудного, сколь необходимого, между «двумя мирами», зависит от понимания отличий мысли Маркса от идей социал-демократов, Ленина, Сталина и др., даже Энгельса. Европейские исследователи начали критиковать коммунизм, опираясь на идеи, обнаружен-

---

[4] Так Маркс называл свой научный труд. «Экономика» должна была включать в себя шесть «рубрик»: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок.

ные в работах «раннего Маркса», и одновременно научились неприятию некоторых сторон мира, в котором живут – не становясь при этом коммунистами. Эти усилия по разведению мысли Маркса и современного коммунизма встречают препятствия, но являются важным фактором в «понимании самих себя и в нашей дискуссии с коммунистическими учеными». Короче говоря, речь идет о попытке «возвратить Маркса Западу».

Участникам коллоквиума были предложены четыре темы для обсуждения.

«1. Какие элементы марксовой мысли стали составной частью западной традиции, какой именно и почему?

2. Какие элементы марксовой мысли не стали составной частью западного мышления, хотя должны были бы стать?

3. Какими элементами марксовой мысли пренебрегли коммунисты и почему?

4. Что в западной критике коммунизма косвенно заключает в себе и критику западного мира и его традиций?»[5]

В самих выступлениях и последующих дискуссиях искушенный наблюдатель мог бы выделить некоторое число общих выводов, которые, будучи объективными и совершенно определенными, тем не менее, покажутся еретическими на фоне пристрастных либо официальных интерпретаций, как бы ни разнились они между собой. Тогда портрет Маркса обретает новые краски, характер его становится более многогранным и даже противоречивым, короче, психологическому анализу открывается все многообразие марксовой мысли. Однако хотя мысль эта многопланова, человек – ее носитель – был личностью цельной и сам сознавал это, определив в «исповеди» свою отличительную черту как «единство цели».[6]

---

[5] Мы цитируем приглашение, разосланное Университетом Нотр-Дам всем участникам симпозиума. Оно подписано профессором Николасом Лобковичем.

[6] Цит. по: Воробьева О.Б., Синельникова И.М. Дочери Маркса, М., 1964, с. 35.

Этика и наука у Маркса[7]

Когда хотят показать, что «единством теории и практики» отмечена вся деятельность Маркса, «человека науки» и «партийного человека», далекого от какого бы то ни было идеализма, обычно ссылаются на Энгельса.[8] Такого рода высказывания Энгельса до сих пор воспринимаются, по крайней мере, ортодоксальными последователями, как абсолютные истины, однако уже виден ряд признаков переоценки интеллектуальных и человеческих отношений между современными «Орестом и Пиладом».[9] По причинам, рассказ о которых здесь занял бы слишком много времени, Энгельс, несмотря на свои неоспоримые достоинства, не обладал скромностью, необходимой для понимания гения своего друга, и нет ничего удивительного в том, что после смерти Маркса он никогда не упоминал ни парижские рукописи 1844 года, ни Grundrisse 1857-1858 гг. Маловероятно, чтобы он не знал об их существовании; как бы то ни было, он не сумел понять глубокий смысл марксовой мысли, которая вовсе не являлась отражением двух аспектов деятельности мыслителя – научного и политического, а представляла собой плод единой духовной работы, научной и этической одновременно. Маркс одним из

---

[7] Данные заметки относятся к следующим докладам: С. Стоянович, «Маркс и интерпретация этики», Г. Петрович, «Философское и социологическое значение марксовой концепции отчуждения», Р.К. Такер, «Маркс как политический теоретик», Р.П.Г. Фессар «Значимы ли идеи Маркса для христианина? Католический подход», Дж.Л. Адамс «Значимы ли идеи Маркса для христианина? Протестантский подход». Они не резюмируют идеи, изложенные в этих докладах, а, скорее, развивают их, и за что развитие несет ответственность лишь автор настоящей статьи.

[8] Письмо Энгельса П. Лафаргу 11 августа 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 170.

[9] Или современными «Диоскурами». Что касается этих заимствований из греческой мифологии, призванных продемонстрировать образцовый союз, который, по мнению публики, заключили между собой Маркс и Энгельс, см. письма первого второму от 20 января 1864 г. и 24 апреля 1867 г.

первых сформулировал пролетарскую этику и попытался обосновать ее при помощи «материалистической» социологии; это – социология, поставленная на службу освобождению человечества, рассматриваемому как «историческая миссия» промышленного пролетариата, главной жертвы современного «способа производства» – капиталистической системы.

Вступление Маркса в борьбу пролетариата предшествовало научному обоснованию этой борьбы: оно было вызвано этическими побуждениями, а не «критикой политической экономии». Исследование интеллектуальной эволюции Маркса приводит к твердому установлению этого факта, решающего для понимания всех его работ. В двух эссе, написанных и опубликованных еще до того, как Маркс приступил к исследованию политической экономии и разработке «материалистического понимания истории», он уже рассматривал две основные темы своего будущего научного труда: нравственное осуждение Государства и Денег, с одной стороны, и революционное, освободительное предназначение пролетариата, с другой. Опубликованные в Париже в начале 1844 года работы «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение» – где не упоминаются слова «социализм» и «коммунизм» – составляют единое целое и могут рассматриваться в качестве этического манифеста пролетарской революции, которая представлена вовсе не как «закон истории», а определяется в кантианских – или псевдокантианских – терминах как «категорический императив». Четыре года спустя «Манифест Коммунистической партии» не добавит по существу ничего нового к этой «преднаучной» позиции Маркса, кроме конкретных элементов универсального исторического видения, наброска политической стратегии для рабочего класса, являющих собой основной вклад Ф. Энгельса в их совместную работу.

В промежутке между этими двумя манифестами была сделана первая попытка критики политической экономии, разработки «нового материализма» в противовес неогегельянской идеологии Бауэра, Штирнера и других и в опровержение прудоновской «Философии нищеты». Если там уже не говорится о «категорическом императиве» и выдвигается идея «исторической необхо-

движения» пролетарской революции, то лишь потому, что требовалось придать больше научного веса изначальным представлениям, в которых историческому анализу равновелико этическое требование – в спинозовском и даже кьеркегоровском смысле. Однако в своих последующих работах Маркс не отходит от темы «отчуждения» униженного Государством и Деньгами человека. Более того, она находится в центре «Grundrisse», объемистой рукописи, из которой Маркс выведет «Критику» 1859 года, и присутствует на каждой странице «Капитала» – не только обвинительного акта против «фетишизма» денег-товара, но и трактата по пролетарской этике.[10] Без гипотезы – или постулата – об обретении революционного сознания жертвами капиталистической эксплуатации *отмена* наемного труда, условие sine qua non социалистической экономики, для Маркса немыслима. Закон накопления, проявляющийся через действия капиталистов, обрекает наемных работников на все большую «пауперизацию» (которую не всегда можно отобразить в финансовых терминах), вызванную ростом «отупения», «моральной деградации» и «порабощения». Но именно это накопление нищеты должно, согласно Марксу, вызвать абсолютную волю к протесту: «вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства».[11]

Это заключение «Капитала» в явно гегелевском стиле возводит «отрицание отрицания» – «торжество пролетариата» – в своего рода закон, прописанный в самом развитии крупной промышленности, хотя речь идет, со всей очевидностью, не только о

[10] Р.П. Фессар полагает, будто открыл истоки философских категорий Маркса в христианской теологии; в той мере, в какой всякой религии присуща *этическая* суть, данная связь представляется обоснованной. Мы, однако, предпочитаем иные типы аналогий и без колебаний сравниваем нашу интерпретацию с сорелевской концепцией революционного мифа.

[11] Маркс К. Капитал, т. 1// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 772.

волевом акте, имеющем конечной целью полное уничтожение существующего порядка, но и о ясном осознании пролетариатом, сведенным к уровню илотов, своей творческой миссии, – осознании, включающем в себя представление об обществе, возрождающемся на совершенно новых условиях и свободном от классов, государства и капитала.

Кажущаяся нелогичность в этой сформулированной Марксом диалектике нищеты вовсе не «компенсируется» у него какой-либо идеей (или теорией) замены бессознательности и невежества обездоленных масс сознательностью и знаниями элиты (или «авангарда»). Напротив, идея творческой стихийности (именуемой в «Манифесте Коммунистической партии» Selbsttatigkeit) пролетариата является центральной аксиомой этой диалектики, основанной на абсолютном доверии к освободительному устремлению общественного класса, который обеспечивает своим трудом материальное существование всего общества и одновременно воплощает «абсолютную несправедливость» самого этого общества. «Реальное движение» истории – это синхронное и параллельное развитие способов экономического производства и форм коллективного сознания, причем вторые не являются «отражением» первых. Феномен революции проистекает из согласия между «страдающим человечеством, которое мыслит», и «мыслящим человечеством, которое подвергается угнетению».[12] Трудящимся предстоит поднять понимание своего несчастья на высоту *теоретического сознания*, и тогда им раскроется как бездна их порабощения, так и абсурдность их положения в эру головокружительного развития науки и техники.

В борьбе им могут помогать интеллектуалы, которые, не являясь непосредственно частью рабочего класса, солидаризируются, тем не менее, с его интересами и вносят в него то, что Маркс называет «элементами культуры». Что касается коммунистов, им принадлежит особое место: составляя «самую решительную [...] часть рабочих партий всех стран», они являются глашатаями

---

[12] Письма из «Deutsch-Franzosiche Jahrbucher». Маркс к Руге, май 1843// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 378.

рабочего движения в целом и, следовательно, оказываются выше специфических интересов пролетариев отдельных стран. Характеристика, которую Маркс дает коммунистам, является чисто нормативной: это теоретики, имеющие «перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».[13]

Здесь мы видим определение коммунистической партии «в высшей степени историческом смысле» слова, как невидимой и вневременной партии людей, которые считают своим дело современного пролетариата и отдают ему все свои духовные и интеллектуальные силы. Эту «историческую» партию не следует путать ни с одной из существующих рабочих партий, чья политика подчинена временным и местным условиям, и которые должны выполнять непосредственные и практические задачи: именно к первой в действительности относил себя Маркс, с некоторым пренебрежением смотревший на «эфемерные» организации. Последние, с его точки зрения, могли быть эффективны, только если создавались стихийным творчеством самих трудящихся, сознающих революционную конечную цель своей борьбы.

Наличие здесь тенденции к идеализации «самого многочисленного и самого обездоленного класса» – по выражению Сен-Симона, – могли бы оспорить лишь те, кто не видит сути марксова понимания пролетариата, как оно выражено в следующих словах: «Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом, – все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости – важнее хлеба».[14]

Или: «И если господа буржуа и их экономисты [...] столь милостивы, что допускают, чтобы в минимум заработной пла-

---

[13] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 437.

[14] Маркс К. Коммунизм газеты «Rheinische Beobachter»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 204-205.

ты, т. е. жизни, входило некоторое количество чаю или рома, сахару и мяса, то им, наоборот, должно казаться и возмутительным и непонятным, что рабочие включают в этот минимум некоторые расходы на войну против буржуазии, что они даже получают от своей революционной деятельности величайшее в жизни наслаждение.»[15]

Этот идеализированный образ революционного трудящегося сливается с представлением об общественном движении, где всякая революционная инициатива исходит от самих рабочих масс, а не от интеллектуальных элит, сочувствующих нищете пролетариев. Резюмируя свою «материалистическую» концепцию истории, Маркс без колебаний использует «идеалистические» термины для описания отношений между рабочим классом и теми, кто объединяется с ним, поняв его революционное призвание: «В своем развитии производительные силы достигают такой ступени, на которой возникают производительные силы и средства общения, приносящие с собой при существующих отношениях одни лишь бедствия, являясь уже не производительными, а разрушительными силами (машины и деньги). Вместе с этим возникает класс, который вынужден нести на себе все тяготы общества, не пользуясь его благами, который, будучи вытеснен из общества, неизбежно становится в самое решительное противоречие ко всем остальным классам; этот класс составляет большинство всех членов общества, и от него исходит сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание, которое может, конечно, – благодаря пониманию положения этого класса, – образоваться и среди других классов.»[16]

В этих отношениях массы и элиты главное – не мудрые интеллектуалы, а сознательные трудящиеся. Какова бы ни была роль первых, они ничем не должны напоминать руководящий

---

[15] Маркс К. Заработная плата// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 600-601.

[16] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 69.

авангарда, определяющий действия последних или диктующий им линию поведения. Так что Энгельс был вправе утверждать: «Что касается окончательной победы принципов, выдвинутых в «Манифесте», то здесь Маркс всецело полагается на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно было явиться неизбежным плодом совместных действий и обмена мнений».[17] Эти «принципы» Маркс выводил из «реального движения» рабочего класса; веря, что расшифровал тайнопись истории и открыл «экономический закон» современного общества, он должен был – в силу той же логики – наделить «историческую партию» рабочего класса главным образом просветительской ролью. Отсюда и его признание, что как ученый он сделал для рабочего класса гораздо больше, чем как партийный активист, подчиняющийся изменчивым правилам политической игры.[18]

Двусмысленный характер такого «научного» провозглашения революционной конечной цели и освободительной перспективы рабочего движения будут отрицать лишь те, для кого установление гуманного общественного устройства, которое имел в виду Маркс, – истина того же порядка, что и результаты расчета астрономических явлений. Марксизм как идеология – как псевдонаука о цели и средствах рабочего движения – всем обязан данной двусмысленности. В этой связи именно за Энгельсом следует признать роль «основоположника» марксизма, хотя он и не несет ответственности за все превратности идеологии, которая в конечном итоге перевернула марксову теорию так, как Маркс в своей социальной критике поступил с гегелевской диалектикой.

---

[17] Энгельс Ф. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 года// Маркс К., Энгельс Ф. Соч, т. 22, с. 61. Однако тот же Энгельс приписывал Марксу роль «основоположника».

[18] Например, 23 августа 1866 г. Маркс писал Кугельману: «То, что даст эта моя работа, я считаю гораздо более важным для рабочего класса, чем все, что я мог бы сделать лично на каком бы то ни было конгрессе» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 437).

Марксизм и идеология[19]

В своем аспекте почти религиозной идеологии марксизм возник в тот момент, когда Энгельс над могилой Маркса нарисовал следующий удивительный портрет: Маркс, конечно, человек науки, но прежде всего революционер; он «впервые дал» современному пролетариату «сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения».[20] Пусть это заявление отчасти продиктовано эмоциями, однако и в остальных работах Энгельса говорится то же самое, хотя и в более сдержанных выражениях, о значении Маркса как критика и разоблачителя так называемого «утопического» социализма и основоположника «социализма научного».

Могут возразить, и не без видимых оснований: но ведь еще при жизни своего друга – и тот не выступил с опровержением – Энгельс утверждал, что благодаря «двум великим открытиям» Маркса – материалистическому пониманию истории и учению о прибавочной стоимости – «социализм стал наукой».[21] Однако молчание Маркса в данном случае нельзя трактовать как безоговорочное одобрение, и оно вовсе не подразумевает, что Маркс заранее санкционировал все интерпретации его идей, проделанные Энгельсом ex cathedra после его смерти.[22] Энгельс сделал

---

[19] Эта часть нашего эссе представляет собой заметки на полях следующих докладов: Лихтейм Г. «Об интерпретации марксовой мысли»; Нимейер Г. «Влияние Маркса на европейский социализм», Хагарибе Х. «Влияние Маркса на Латинскую Америку», Каррер-д'Анкос Э. «Маркс и исламский мир Ближнего Востока», Инока М. «Социализм Маркса и Дальний Восток».

[20] Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 351.

[21] Энгельс Ф. Анти-Дюринг// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 26-27.

[22] Тем более Маркса нельзя считать ответственным за расширенную трактовку Энгельсом его диалектического и критического метода, который был возведен в систему идей, претендующую на универсальность и включающую в себя как «диалектику природы», так и науку об обществе. Критический обзор изменений, внесенных Энгельсом в концепцию и применение марксовой диалектики, см.: Hodges D.C. Engels' Contribution to Marxism// The Socialist Register 1965. N.-Y., 1965, p. 297-310.

лишь первый шаг – правда, самый решительный: он поддался искушению считать почетным то скорее пренебрежительное наименование, каким противники «партии Маркса» награждали ее сторонников. Слова «марксисты» и «марксизм» были придуманы членами Рабочего Интернационала, находившимися под влиянием идей Прудона или Бакунина.

Генезис марксизма, протекавший под воздействием обстоятельств, над которыми не были полностью властны ни Маркс, ни Энгельс, равно как и разделение этой идеологии на множество разновидностей (что послужило поводом для войн религиозного типа), открывает широкие возможности для социологического анализа. В данном контексте некоторые выступления на международном коллоквиуме в Университете Нотр-Дам представляются особенно показательными и непосредственно отвечают целям, указанным в приглашении. Результат выступлений и дискуссий можно резюмировать в форме парадокса: хотя подлинные идеи Маркса предназначались исключительно для Запада и относились лишь к промышленно развитым буржуазным странам, марксизм, воспользовавшись определенной политической неоднозначностью этих идей, полностью приспособился к историческим, экономическим и социальным условиям стран, которые долгое время оставались за пределами эволюции, присущей западному капитализму.

Эта парадоксальность на первый взгляд неоправданного переноса социальной теории, выведенной из анализа самого передового капитализма, на общества, находившиеся на докапиталистической стадии развития, рассеивается, стоит только к феномену революций и эволюций в отсталых странах применить сформулированное Марксом социологическое правило относительно роли и функций идеологии и идеологов в классовых обществах. Официальное провозглашение способа производства «социалистическим» – в то время как он являет собой в точности тип экономики, находящейся, согласно марксовой теории, на первой стадии капиталистического накопления (каков бы ни был его экономико-юридический фасад, навязанный государственной властью), – соответствует следующему социологическому прин-

[illegible]: «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху (и мы можем добавить: повсюду – М.Р.) господствующими мыслями»; что касается «мыслителей» на службе власти, то «это его [господствующего класса – *ред.*] активные, способные к обобщениям идеологи», чья роль заключается в «разработке иллюзий этого класса о самом себе»; если же общество порождает революционные идеи, то это значит, что в нем существует «революционный класс».[23]

Социологическое исследование марксизма, исповедуемого в СССР – форм ленинизма, соответствующих периодам до и после прихода к власти Сталина – могло бы послужить яркой иллюстрацией марксовой теории политических идеологий. Однако отсутствие подобных исследований подтверждает прочность идеологических предрассудков, препятствующих разработке социологии «марксизма-ленинизма», «сталинизма» или «маоизма» – последнего по времени ответвления марксизма, приспособленного к азиатскому способу производства.[24] Широкое поле открывается здесь для изучения превращения политической идеологии в общественный институт, призванный обеспечивать «прогрессивное» обоснование принудительным мерам, применяемым как в сфере иерархических трудовых отношений, так и в различных областях интеллектуального производства. До первой мировой войны 1914 года марксистская идеология в ортодоксальной и реформистской формах за редкими исключениями (лучший пример которых – Роза Люксембург) адекватно отражала «реальное движение» рабочих классов: далекое от стремления к радикальной трансформации экономических и социальных струк-

---

[23] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 45-47.

[24] В выступлении Г. Лихтейма содержится несколько аллюзий к данной проблеме. Всякая социология сталинизма требует предварительного проведения социологического анализа исторической функции большевизма как идеологии индустриализации России. В этой связи также следует отметить замечательную статью Вернера Хофмана «Что такое сталинизм?» в: Festschrift zum achtzigsten Geburtstag von Georg Lukacs. Neuwied-Berlin, p. 84-118.

тур, оно фактически укрепляло основы установившихся режимов. Русская революция 1917 года открыла эру институционального марксизма, чья «историческая» функция – если использовать язык Маркса – заключалась не в уничтожении промышленного пролетариата, в то время находившегося в зачаточном состоянии, а, напротив, в создании современной индустрии и, как следствие, пролетариата в национальном масштабе; этот процесс включал в себя пролетаризацию крестьянских масс, составлявших огромное большинство трудящегося населения старой России.

Таким образом, «материалистическая» социология Маркса полностью раскрывает действительную функцию марксизма – многосторонней (экономической, политической, философской, моральной и, с недавних пор, социологической) идеологии режимов, реализующих задачу экономического роста, иными словами, «переходных» экономик.[25] Учитывая, что Маркс считал свой материализм *критической теорией* институтов и их идеологических обоснований, можно определить диалектическую сферу приложения анализа, который, осуждая западный капитализм, применим по сути и ко всем государственным и олигархическим формам капиталистического накопления, нынешним и будущим. Именно у традиционного капитализма и неокапиталитических форм все современные системы плановой экономики заимствовали целый спектр методов эксплуатации и принуждения, и мы вправе говорить в

---

[25] Согласно марксовой социологии, *капитализм* является «переходной экономикой», и автор «Капитала» знал, о чем говорил. Но нельзя сказать то же самое о его учениках, особенно когда они пытаются «во имя социализма» оправдывать накопление капитала в отсталых странах. Из книг и статей, посвященных так называемому «социалистическому» планированию, можно было бы составить богатую антологию искажений марксовой теории. Увидев первые идейные порождения воинствующего марксизма, Маркс объявил себя не марксистом; марксистская литература того же типа, что мы имеем в виду, заставила его воскликнуть: «Я – антимарксист».

этой связи о «плановом капитализме»; что же касается государственной собственности на средства производства, объявляемой официально «общественной», то эта категория относится к «идеологической надстройке» и выражает человеческий и социальный статус производителей, чья роль сводится к простому исполнению – без возможности что-либо решать и руководить.[26]

---

[26] Следует напомнить, что, согласно марксовой социологии типов экономики, социалистический способ производства характеризуется отнюдь не только отсутствием такого юридического института, как частная собственность (на землю или средства производства). Исследование истории Востока побудило Маркса разработать оригинальную концепцию форм господства в азиатских обществах (см. его переписку с Энгельсом в июне 1853 года), и сам он резюмировал свой тезис в форме каламбура: «[Отсутствие частной собственности на землю] вот настоящий ключ к восточному небу» (письмо Энгельсу 2 июня 1853 г.). Развивая свою мысль, Маркс пришел к выводу, что в Азии сельские общины являлись прочной основой «азиатского деспотизма», чья сила коренилась в централизации общественных работ (ирригации и пр.) (письмо от 14 июня 1853 г.). Эти начатки теории политической власти в восточных обществах получили дальнейшее развитие в работе Карла Виттфогеля «Восточный деспотизм»; автор данной книги, однако, пускается в любопытный психоанализ Маркса, которого подозревает в том, что он из соображений политического оппортунизма «проигнорировал» по существу бюрократический («агро-директорский») характер правящего класса этих обществ! Об этом см. обоснованные замечания Пьера Бессетье в рецензии на книгу Виттфогеля в: Social Research in East Pakistan. Dacca, 1960, p. 223-230. Отметим также дискуссии об отрывке из «Grundrisse», где Маркс пишет о «докапиталистических формах производства». Поразительный факт: в ходе этой дискуссии не упоминалось о том, что Маркса возмущало, когда некоторые рассматривали его идеи как «какую-нибудь общую историко-философскую теорию, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности» (Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч, т. 19, с. 121). О данной дискуссии см.: Chesneaux J. Ou en est la discussion sur le monde de production asiatique?// Pensee, aout et octobre 1966.

Наш обзор идей, обсуждавшихся на международном симпозиуме в Университете Нотр-Дам, не претендует на то, чтобы точно изложить содержание всех выступлений его участников, зачастую противоречивших друг другу; в нем лишь сделана попытка высветить некоторые новые аспекты дискуссии, которой во многом способствовала публикация ранее не издававшихся работ Маркса. В них он предстает не только ученым, но и мечтателем – и не слишком похож на портрет, нарисованный Энгельсом. Если, как утверждал последний, его друг отказался от утопии в пользу науки, то социализм, в конечном счете, может быть лишь епархией своего рода марксистских мандаринов, делом специалистов-диалектиков, – идея, глубоко чуждая Марксу. Харизматическая власть, которую некоторые рабочие лидеры, ставшие государственными деятелями, обрели в качестве носителей «научных истин», приписываемых Марксу, позволяет оценить расстояние, отделяющее эту мнимую «науку» от «коммунистического сознания», обладателями которым, как он считал, должны стать трудящиеся.

В действительности Маркс никогда не осуждал утопию, не заменял ее «наукой». Он упрекал своих предшественников-«утопистов» за то, что они недооценивали «историческую стихийность» пролетариата и хотели «привнести в него извне» (и это критическое замечание Маркса можно a posteriori адресовать Ленину) «общественную науку» о средствах и целях его освобождения.[27] Не отвергая социалистическую утопию, Маркс трансформировал ее в революционную этику, нормы и принципы которой открыл в «реальном движении» трудящихся, борющихся за свое освобождение. Чтобы освободиться, рабочий класс – который «либо революционен, либо он ничто» – должен сам осознать, что целью его политического движения является освобождение всего человечества.

---

[27] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.

Заметки о пролетариате и его миссии

I

Маркс пришел в рабочее движение еще до того, как принял какую бы то ни было социалистическую доктрину, даже прежде, чем приступил к исследованиям в области политической экономии. Поскольку известно, какую важность обрели вскоре эти доктрины и исследования в его работе, возникает вопрос: в чем же состояла та причина, которая побудила его воспринять дело пролетариата как свое собственное?

Прежде всего следует расположить в хронологическом порядке факты, предшествовавшие публикации в Париже пролетарского манифеста.[1] После смещения его друга Бруно Бауэра с должности приват-доцента Маркс вынужден был отказаться от планов сделать академическую карьеру; затем ему пришлось оставить пост редактора крупной демократической и либеральной газеты «Райнише Цайтунг». Тогда он отправился в Кройцнах и во время пребывания там совершенствовал свои исторические познания, уделяя особое внимание изучению французской и английской революций. Но ничто в этих исследованиях не указывает на его столь скорое и пылкое вовлечение в борьбу рабочих.

Впервые опубликовано в: *Actes du cinquième Congres mondial de sociologie*, Vol. VI, 1964.

[1] Под заголовком «К критике гегелевской философии права. Введение», «Французско-немецкий ежегодник», 1844 г.

Существует, однако, документ, знаменующий собой некий разрыв с его либеральным прошлым или, по меньшей мере, отказ от абсолютной веры в добродетельность современной демократии. Это эссе «К еврейскому вопросу», написать которое Маркса побудили две работы Бруно Бауэра о политическом освобождении немецких евреев. Хотя там не говорится ни о пролетариате, ни о социализме, именно читая эти тридцать страниц, можно заметить новое направление мысли автора, на первый взгляд, совершенно неожиданное.

II

Бауэр, желавший просветить немцев иудейского вероисповедания относительно шансов их освобождения, не шел дальше идей реформирования прусского государства. Работа Маркса «К еврейскому вопросу» не является теоретическим исследованием на эту тему: автор лишь воспользовался данным предлогом и возможностью, чтобы составить суровый обвинительный акт против двух основных препятствий на пути освобождения человечества – Государства и Денег – и против их общей юридической основы – права собственности.

В этом обвинительном акте нет ничего «научного», хотя он явился результатом напряженного анализа политической философии Гегеля, начатого в Кройцнахе и продолженного в Париже, где Маркс думал его завершить. Ненависть к Деньгам и Государству внушил Марксу двойной опыт пережитого: борьба против прусского абсолютизма и его положение парии и изгнанника после брака с Женни фон Вестфален. Маркс не стремился завершить антигегелевскую рукопись, ибо планировал продолжить борьбу на более широком фронте: критика политики и политической экономии – таков предварительный заголовок труда, который он хотел написать. Изменил он этот заголовок лишь потому, что обстоятельства вынудили его заняться прежде всего политической журналистикой: партийный деятель, на протяжении всей своей жизни Маркс боролся против трех современных ему типичнейших форм государственного авторитаризма: прус-

ской реакции, царизма и бонапартизма. И когда он смог наконец посвятить себя исследовательской работе и приступить к написанию задуманного двадцать лет назад труда, он разоблачил фетишизм денег, развив теорию капитала. В этом труде, словно Немезида, возникает сила, призванная искоренить два изъяна человеческого общества, отмеченные еще в 1844 году: Пролетариат – антипод Государства и Капитала.

III

Идея пролетариата, наделенного освободительной миссией, предшествовала, следовательно, у Маркса социологическому осмыслению рабочего класса как оно представлено в «Капитале»: явления, связанного, подобно буржуазии, со всей системой капиталистического производства. Однако Маркс никогда не отказывался от того, что можно назвать этической сущностью концепции пролетариата: идеи пролетарской миссии, выработанной им еще до начала экономических исследований и вновь возникшей в его главном труде, где речь идет об «экономическом законе движения современного общества». Возникает вопрос: как этот закон можно сопоставить с идеей о классе, чье «историческое предназначение» – уничтожить капиталистический способ производства и само деление на общественные классы? Вопрос вполне закономерный, ибо, не удовольствовавшись разработкой социальной теории и критикой буржуазных институтов, Маркс активно занимался политической деятельностью, вплоть до принятия на себя полномочий лидера партии.

Streit um Marx, дискуссии вокруг интерпретаций марксовой мысли – как внутри марксистской школы, так и между адептами и противниками марксизма – проистекают из глубокой двойственности: с одной стороны, Маркс выстроил теорию, выявил общественные «законы»; с другой, он сообразовывал праксис с этой теорией; и тут, и там можно выделить постулаты, предположения *этического* порядка. Посвященная Марксу критическая литература редко могла преодолеть это препятствие и понять, что творение ума плодотворно лишь тогда, когда оно неоднозначно: в этом секрет его освободительной силы.

IV

Отчуждение человека в двух формах – политической и экономической – таков образ пролетариата, возникший перед Марксом в революционном Париже. И таким же был образ его собственного существования за рамками официального общества. Но одновременно он ощущал в этом отрицание условий, доводящих человека до состояния стадного животного, раба Государства и Денег. Два точных факта, кроме его шаткого положения интеллигента в изгнании, могут объяснить поведение Маркса: встречи с рабочими и публикация за четыре месяца до его приезда в Париж «Рабочего союза» Флоры Тристан.[3] Нет также никакого сомнения, что на него произвели сильное впечатление исполненные интуитивных прозрений статьи Генриха Гейне, с которым Маркс подружился во время пребывания в Париже, о социалистических идеях и школах во Франции.

Так что на лицах французских рабочих Маркс прочел не только неприятие нечеловеческого существования; он увидел у них потребность более важную, ибо она являлась всеобщей. Узнал ли он просто на этих лицах собственную ностальгию, вскормленную из философских источников времен учебы в университете? Как бы то ни было, впервые в истории рабочего движения в протестных и мятежных коллективных действиях были обнаружены движущие силы и возвышенные цели. Вот эти движущие силы: пролетариат страдает от всех изъянов общества; его положение – грандиозный скандал; он свидетельствует о явном преступлении всего общества; он опутан цепями; он олицетворяет собой распад всех сословий буржуазного общества; его бунт носит универсальный характер, ибо страдания его универсальны; и поскольку он терпит не частную, а абсолютную несправедливость и воплощает собой полное подавление человека, его освобождение станет освобождением человечества.

---

[3] Tristan F. Union ouvrière. P., 1843.

Таков первый образ пролетариата в работах Маркса. В дальнейшем он не будет описываться в подобных патетических выражениях, но это драматическое видение незримо присутствует во всех марксовых теоретических разработках понятия пролетариата, посвященных классовой борьбе в современном обществе. Образ пролетариата в борьбе несет эмоциональную смысловую нагрузку, раскрытую в эпическом повествовании его ранних работ.

V

Однако этот образ претерпел изменения, когда Маркс предпочел чисто этическим размышлениям социальную и политическую борьбу. При своей первой встрече с пролетариатом он видел в нем лишь пассивный элемент революции, материю, нуждающуюся в мысли, которая оживила бы ее, латентную силу, пробудить которую способна лишь теория. Тогда революция представлялась ему как синтез двух движений: действий масс и активности духа, точнее, некой радикальной философии, гуманизма, который видит в исчезновении пролетариата условие sine qua non всеобщего освобождения.

Именно эту идею Маркс четыре года спустя подверг критике в «Манифесте Коммунистической партии»; начав изучение политической экономии и социалистических доктрин, он сделал выбор в пользу определенной традиции рабочего движения и общественной мысли. Когда он упрекал утопистов в том, что они выдумывают коммунистические системы, видят в пролетариате лишь «самый страдающий класс», Маркс уже отказался от своего первоначального представления о пролетариате как пассивном предмете революционных умозрительных представлений. Его новая точка зрения полностью противоречила предыдущей: революционная теория является лишь проявлением стихийного, независимого движения рабочего класса, исторического Selbsttatigkeit пролетариата.

Основы того, что можно назвать «материалистической» социологией Маркса, были заложены в «Немецкой идеологии»,

«Немецкой идеологией», написанной им в соавторстве с Энгельсом в 1845-1846 гг., но за отсутствием издателя оставленной на милость «грызущей критики мышей». Эта работа знаменовала собой значительный прогресс в понимании пролетариата по сравнению со «Святым семейством» (1844 г.), в котором присутствует двойственная концепция пролетариата, строго подчиненного историческому детерминизму, – идея, давшая повод некоторым критикам учения Маркса к обвинениям в историцизме.[3] Энгельс, являвшийся редактором отдельных частей этой работы, склонялся к иному: *не дух, даже не гений критики* творит историю, но народные массы, предписывающие истории ее задачи, и значение их возрастает по мере роста их активности. Энгельс писал: «*История не делает ничего*, [...] Действительный, живой человек – вот кто делает все это.» Человек – не пассивное орудие истории, которая будто бы преследует собственные цели. «История – *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека».[4] Маркс, главный автор «Святого семейства», на первый взгляд, считал иначе. Действительно, его определение пролетариата очень походит по стилю на прежние патетические заявления. Новое содержится в том, что извлек он из своих исследований экономики. Его рассуждения можно свести к следующему: институт частной собственности обречен на исчезновение в силу своей собственной динамики, ибо она порождает силу, являющуюся его собственным отрицанием: пролетариат. В условиях существования пролетариата сконцентрирована вся бесчеловечность современного общества. Осознание пролетариатом своего положения, своей крайней нищеты подталкивает его к выбору крайнего средства: чтобы освободиться самому, ему необходимо освободить все общество, ибо лишь уничтожив бесчеловечные жизненные условия последнего, он может обрести человечность, которой был лишен.

---

[3] См., напр.: Поппер К. Открытое общество и его враги.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

В этом тексте 1844 года мы видим основные положения так называемого закона пауперизации пролетариата, сформулированного двадцать лет спустя в «Капитале» в более научных, точных терминах. Кроме того, мы обнаруживаем там описанную с беспредельным лиризмом знаменитую диалектику отрицания, также нашедшую отражение в «Капитале». Но нигде больше Маркс не выразил с такой силой этическую суть своей теории общественного движения, как в строках из «Святого семейства»: «Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»[5].

VI

Императив самоосвобождения пролетариата красной нитью проходит через работы Маркса, начиная с антигегелевского манифеста и «Святого семейства» 1844 года и заканчивая «Учредительным манифестом Международного Товарищества Рабочих» с его девизом: «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом», «Гражданской войной во Франции» и последними размышлениями о судьбе крестьянской общины в русской революции. Тот же постулат нашел отражение и в чисто социологических представлениях Маркса о рабочем классе и рабочих партиях.

На различных этапах освободительной борьбы пролетариата главным является, по мнению Маркса, фактор ее стихийной динамики. В отличие от буржуазии, чей генезис и историческое развитие как общественного класса подчинены слепому автоматизму, присущему самому функционированию капиталистического способа производства, пролетариат в ходе своего развития

---

[5] Там же, с. 40.

переживает структурную метаморфозу: являясь первоначально инертной массой «по отношению к капиталу», он «конституируется в ходе борьбы в класс для себя».[1]

Созидательное описание этой борьбы и социального «самопреобразования» пролетариата содержится в «Манифесте Коммунистической партии». Маркс говорит об «организации пролетариев в класс», добавляя: «и тем самым — в политическую партию». Здесь в очередной раз подчеркивается историческая специфика революционного предназначения пролетариата: ему, единственному «подлинно революционному» классу, «принадлежит будущее (человечества)», ибо его движение, в отличие от всех социальных движений прошлого, является движением «огромного большинства в интересах огромного большинства».[2] Буржуазия, развивая крупную промышленность и сосредоточивая богатство в руках меньшинства, подрывает социальную основу собственного существования: она порождает собственных могильщиков, пролетариев, чья победа так же неизбежна, как и упадок правящего класса.

VII

Класс, классовое сознание, классовая партия: эти три понятия тесно связаны между собой в социологическом и политическом учении Маркса. Определение сущности этих понятий применительно к пролетариату образует основу его политической теории, которая вовсе не является однозначной. Тщательное изучение этой теории, ставшее возможным в особенности благодаря посмертной публикации важных работ Маркса, оставшихся неопубликованными, и многочисленной его корреспонденции, позволяет выявить в ней два противоречивых аспекта: веру в творческую способность рабочих, с одной стороны, и тенденцию к переоценке роли политической составляющей в рабочем движе-

[1] Маркс К. Нищета философии// Соч., т. 4., с. 183.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии// Соч., т. 4, с. 433, 435.

нии, с другой. Эта вторая черта особенно заметна в поведении Маркса – партийного деятеля, лидера (более морального, чем признанного официально) группы немецких коммунистов, которая часто именовалась как некоторыми сторонниками, так и полицией «партией Маркса». Неудивительно, что второй аспект добавился к первому в тот момент, когда Маркс решил не ограничиваться ролью теоретика пролетариата и принять участие в политической деятельности или, по меньшей мере, выносить суждения и отдавать политические директивы от имени партии, лидером которой его считали. Именно это поведение побудило некоторых интерпретаторов и критиков говорить о «якобинизме» Маркса, видя в нем родоначальника той или иной партийной идеологии (например, ленинизма).[8] В то же время примитивное понимание стихийного динамизма рабочего класса вызвало к жизни два течения антиполитического марксизма: революционный синдикализм и коммунизм советов.

VIII

За неимением социологического исследования партий, которое Маркс планировал написать в заключение III тома «Капитала», нам приходится использовать для реконструкции массовой концепции пролетариата разрозненные отрывки, как теоретического, так и политического характера, содержащие различные формулировки, которые использовались автором при разработке им своей теории истории.

Одно из редких лаконичных определений обнаруживается в примечании к тому I «Капитала»: «Под «пролетарием» в экономическом смысле следует понимать исключительно наемного рабочего, который производит и увеличивает «капитал» и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей возрастания стоимости «господина капитала»».[9]

---

[8] Cf.: Korsch K. Karl Marx. New-York, 1938.

[9] Маркс К. Капитал, т. 1// Соч., т. 23, с. 628.

Когда Маркс говорит о нищете рабочих, он подразумевает два аспекта: общественный и индивидуальный. Общественная нищета рабочих поправима, ибо относительна, исторически обусловлена. Цепь, приковывающая рабочего к капиталу, может быть «позолочена», ему может быть обеспечена относительная и временная безопасность, не угрожающая самому существованию системы, которая делает его рабом. Вот почему рабочие союзы, ведущие лишь экономическую борьбу (за улучшение условий жизни наемных работников) предают свою историческую миссию: ликвидацию наемного труда и создание общества, где «свободное развитие каждого является условием для свободного развития всех».[10] В этом смысле уничтожение общественной нищеты есть условие исчезновения нищеты индивидуальной.

Таким образом, марксова концепция пролетариата вырастает из этического учения, ориентированного на обретение человеком, жертвой стремительного развития техники, человеческих условий существования. Оригинальность этики Маркса – отчасти унаследованной от целой плеяды его французских и английских предшественников – в ее социологическом обосновании. Но она не лишена двойственности, ибо Маркс совмещал в себе революционного теоретика и партийного деятеля – при доминировании первой из этих испостасей.

---

[10] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии, с. 447.

Пролетарская партия

Нетрудно заметить, что проблемы социологии в XX веке никогда не обсуждались без упоминаний, прямых или косвенных, идей Карла Маркса. В связи с этим представляется странным, что основная, на его взгляд, проблема – проблема политических партий – как правило, игнорировалась социологами и интерпретаторами, будь то марксисты или немарксисты.

Для Маркса, как известно, понятие *партии* постижимо только в контексте современного общества и, как таковое, коррелируется с понятием класса. В то время как проблема общественных классов чаще всего рассматривалась и исследовалась в XX веке со ссылкой на марксизм, редкий социолог связывал с ним проблему политических партий. Знаменитая фраза из «Манифеста Коммунистической партии», где идет речь об организации пролетариев в класс и тем самым – в политическую партию», остается непроясненной.[1]

Впервые опубликовано в: *Revue française de sociologie*, II, № 3, 1961.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии// Соч., т. 4, с. 433. Интересная вещь: Р. Дарендорф в своей любопытной работе «Общественные классы и классовый конфликт» (Штутгарт, 1957), цитирует почти все значимое, что Маркс написал об общественных классах, но не затрагивает при этом проблему политических партий. Впрочем, следует признать, что проблеме партий не посвящено практически и ни одной серьезной работы марксистской школы. Маркс Адлер проводит различие между классовой и партийной борьбой. Эта борьба осмысливается на различных уровнях социологического анализа; в отличие от Ганса Кельсена («Социализм и государство», 1920), он отмечает, что она не поддается чисто юридической интерпретации; содержание понятий партии и класса раскрывается лишь в контексте изучения социально-экономических процессов. (Die Staatsauffassung des Marxismus, Marx-Studien IV (2), p. 107).

Мы не намерены рассматривать здесь эту проблему, даже в общих чертах. Наша задача – высветить некоторые основные черты представлений Маркса о пролетарской партии, не забывая также о вкладе Фридриха Энгельса, который после смерти своего друга стал советником первых «марксистских» партий в Европе, представители которых часто обращались к нему.

1. Чтобы понять маркcову идею пролетарской партии, необходимо знать ход его политической мысли. Маркс начал свою литературную деятельность как либеральный журналист, сторонник философии свободы, вдохновленной Гегелем и переосмысленной школой младогегельянцев; уже с момента написания докторской диссертации он открывает в философии волю к освобождению мира, которая одновременно ведет к гибели самой философии. Критическая нота звучит в этой рукописи как двойной протест: против мира и против философии; это – утверждение осознания себя, своей личности перед лицом философии, которая сковывает ее определенной «системой» – явный намек на Гегеля. Такая двойственность самосознания находит опору в двух течениях мысли, представленных либеральной партией, которая выступает в качестве критики, и позитивной философией, которая замыкается в самой себе: обе они раскрывают изъяны мира и философии. Однако: «По содержанию только либеральная партия, как партия понятия, может привести к реальному прогрессу, между тем как позитивная философия в состоянии привести только к таким требованиям и тенденциям, форма которых противоречит их значению».[2]

Преследуемый цензурой, Маркс затем временно отказывается от журналистики и переосмысливает представительную систему как практическое требование «крупной партии», которая вынуждена будет прийти к самоотрицанию, «так как ее победа есть в то же время и ее конец».[3]

---

[2] Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура// Соч., Из ранних произведений, с. 79.
[3] Маркс К. Письма из «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»// Соч., т. 1, с. 381.

2. Эта радикальная позиция приводит Маркса к разграничению, за пределами либерализма и его партии, *социального* освобождения, касающегося личности в целом, и *политического* освобождения, которое служит его средством. Гегель уже констатировал такое отделение гражданского общества от государства, бюрократии от личности, «непосредственного и конкретного класса труда» от власти.[4] Поскольку права человека не исключают привилегий частной собственности, политическое освобождение не кладет конец отчуждению, а лишь сводит человека к эгоистическому индивидууму, с одной стороны, и абстрактному и «нравственному» гражданину, с другой. Маркс требует, следовательно, чтобы абстрактный гражданин исчез, уступив место личности в ее эмпирической жизни, деятельности, отношениях с другими. Только человеческое освобождение позволит человеку как виду организовать «свои собственные силы» в качестве общественной силы, отбросив чуждую ему политическую власть.[5]

В то время Маркс еще не стал на позиции коммунизма. Но критическое переосмысление им идей Гегеля и его школы, а также восприятие принципов демократии только упрочили его философские и этические убеждения. Демократия становится в его представлении постулатом политического *праксиса* общественного класса, который «в силу своего универсального характера» и «универсальных страданий» является разрушителем буржуазного общества – класса пролетариев.[6]

3. Таким образом, социальная революция уже рассматривается Марксом как «категорический императив». Когда он внесет в коммунизм научную теорию, придав ему «материалистическую» основу, то сохранит верность этическому содержанию революционной идеи, и все его работы и политическая деятельность будут отмечены этим глубинным дуализмом, дающим читателю возможность сделать свободный выбор экзистенциального характера.

---

[4] См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение.
[5] См.: Маркс К. К еврейскому вопросу.
[6] См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение// Соч., т. 1, с. 414-429.

В силу своей универсальной миссии пролетарская революция так же отличается от революций предшествующих, как сам пролетариат от других классов. Но возникает вопрос: если эта универсальная миссия естественным образом вытекает из хода эволюции общества, которое проходит последовательные стадии своего развития под воздействием динамики «производительных сил», то каковы могут быть роль и *праксис* пролетарской партии, также подчиняющейся этому социальному детерминизму? И в чем состоит роль «коммунистов», которые, согласно Марксу, образуют не рабочую партию, отличную от других, а своего рода интеллектуальную элиту, обладающую знанием и осознанием того, что он называет Selbsttätigkeit, автономия и реальное движение рабочего класса?[7] Если исчезновение капитализма и наступление коммунизма неизбежны, а пролетарская революция так же исторически необходима, как необходима в обществе ее движущая сила, рабочий класс, то какое место эта теория, это видение «естественного процесса» исторического развития оставляет для деятельности коммунистов? Для Маркса здесь, кажется, не было никакой проблемы: их роль заключается в том, чтобы активизировать процесс созревания революционной сознательности рабочих и, следовательно, рабочих партий. Исходя из этого, можно понять постоянно подчеркиваемое Марксом различие, которое он проводил между классовым движением и политическим *праксисом*, а также его видение их соотношения, при котором политическое движение рабочих партий является для пролетариата лишь средством достижения им собственного освобождения и, таким образом, освобождения всего общества.[8] Как же тогда объяснить, что «Манифест», на-

---

[7] «Точно так же, как *экономисты* служат учеными представителями буржуазного класса, *социалисты и коммунисты* являются теоретиками класса пролетариев» (Маркс К. Нищета философии// Соч., т. 4, с. 146).

[8] Вот характерная фраза из резолюции «О политическом действии рабочего класса», принятой Лондонской конференцией МТР 1871 года: «Принимая во внимание, что во введении к Уставу сказано: «Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено *как средство*»;

писанный им (в сотрудничестве с Энгельсом) от имени Союза Коммунистов, озаглавлен «Манифест Коммунистической партии»? Вопрос обоснованный, если учитывать также марксово видение функции теории, которая выступает как оружие критики и «превращается в материальную силу, когда овладевает массами».[9] Эта радикальная теория является продуктом элиты, не являющейся чуждой *рабочим партиям*, но представляющей собой их самую радикальную фракцию в силу выражения глубинной направленности движения к коммунизму. Категорический императив относится, таким образом, не к революции как таковой, а к ее ритму, подразумевает содействие ускоренной реализации политических задач, связанных со спонтанной динамикой реального движения, которое вызывается способом производства, порождающим своих собственных «могильщиков».

что Учредительный манифест Международного товарищества рабочих (1864 г.) гласит:
«Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса»;
что на Лозаннском конгрессе (1867 г.) была принята следующая резолюция: «Социальное освобождение рабочих неразрывно связано с их политическим освобождением»; [...]
Принимая во внимание:
что против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами;
что эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижения ее конечной цели – уничтожения классов;
что то объединение сил, которое уже достигнуто рабочим классом в результате экономической борьбы, должно служить ему также рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров, –
конференция напоминает членам *Интернационала*,
что в борьбе рабочего класса его экономическое движение и политическое действие неразрывно связаны между собой»// Соч., т. 17, с. 426-427.

[9] Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение// Соч., т. 1, с. 422.

4. Экономический закон движения буржуазного общества четко прописывает политические задачи рабочих партий. Предназначение пролетарской партии становится ясным в свете как теории, так и реального движения. Никакая партия не способна сама по себе выполнить то, что является «исторической» задачей класса. Однако следует проводить различие между классом как таковым и «классом для себя» или, если не использовать гегельянский язык, между пассивным пролетариатом, продуктом развития самого капитализма, и пролетариатом, объединенным в борьбе.[10] Крестьянство, например, не может стать классом и вести собственную политическую борьбу[11], но пролетариат, настаивает Маркс, должен «организоваться в класс». Эту формулировку можно найти уже у Флоры Тристан, чей «Рабочий союз» был опубликован в Париже за несколько месяцев до приезда Маркса во Францию.

В свете этих теоретических пояснений можно понять неизменно критическое отношение Маркса к собственной политической деятельности и деятельности первых рабочих партий, а также его постоянное предпочтение спонтанных пролетарских движений тактике и программам партийных структур. Аксиома, провозглашенная в Уставе Первого Интернационала, совершенно однозначна: «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом». Здесь также заключена причина, по которой Маркс, начиная с 1847 года, когда он вел полемику против Прудона, подчеркивает значение *тред-юнионов*, чья борьба сопровождается политической борьбой рабочих, «составляющих в наше время под именем *чартистов* большую политическую партию».[12] В процессе становления класса «для себя» именно спонтанная деятельность рабочих рассматривается как решающий фактор: «Из всех орудий производства наиболее могучей производительной силой является сам революционный

---

[10] См.: Маркс К. Нищета философии, с. 65-185.
[11] См.: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта// Соч., т. 8, с. 115-217.
[12] Маркс К. Нищета философии, с. 182.

класс». При этом Маркс подчеркивает, что сама природа рабочего движения подразумевает его развитие: «Организация революционных элементов как класса предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества».[13]

Этой позиции Маркс неизменно придерживался в Интернационале: отсюда его резкие выступления против Бакунина. На Гаагском конгрессе (1872 г.) он не пренебрег даже закулисными маневрами, чтобы добиться исключения русского анархиста и утвердить свое понимание принципов организации рабочих. Эти принципы подразумевали, что рабочее движение должно быть интернациональным, легальным, демократически организованным, открытым для всех течений и мнений, борющимся за повседневные интересы рабочих, то есть за социальные реформы, а не ширмой для подпольной деятельности заговорщиков или вождя, играющего роль spiritus rector[14], как того хотел Бакунин.[15]

5. Признание естественных закономерностей в общественном развитии подразумевает установление политических норм, обуславливаемых самой структурой общества, в котором возникают и развиваются рабочие партии. Именно эту необходимость Маркс постоянно выдвигал на первый план в своих конфликтах с противостоящей фракцией Союза Коммунистов, в критике бланкистских предприятий и сектантских экспериментов, представая, таким образом, в качестве апологета буржуазного либерализма

---

[13] Маркс К. Нищета философии, с. 184. Более двадцати лет спустя: «Профсоюзы никогда не должны быть привязаны к политической организации. [...] Профсоюзы – это школы социализма. [...] Только они способны представлять подлинную рабочую партию и служить оплотом против власти капитала». (Volksstaat, 1869, No 17) [Высказывание Маркса в беседе с секретарем немецкого профсоюза металлистов Хаманом, запись которой была напечатана в газете «Фольксштаат», но не включена в советское собрание сочинений Маркса и Энгельса – *Прим. ред.]*

[14] Spiritus rector – направляющий дух (лат.) – *Прим. ред.*

[15] См.: Маркс К. Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих (1873 г.)

и его исторических функций. Он отстаивал эту концепцию как в защитительной речи перед присяжными в Кельне (1849 г.), так и в ходе кампании поддержки его друзей, членов Союза Коммунистов, обвиненных в заговоре (1852 г.).[16] В 1847 году, утверждая, что господство буржуазии даст пролетариату не только оружие против нее самой и прусской демократии, но и «положение признанной партии», коммунистической, он делал вывод, что пролетариат соединится с этой партией и сумеет воспользоваться свободами, необходимыми для его развития: свободами печати, ассоциаций, реальным представительством и т. д. «[Д]ля пролетариата, – писал тогда Маркс, – который не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости – важнее хлеба».[17] Одновременно Маркс и Энгельс сделали логический вывод из своего понимания демократии: завоевание политической власти пролетариатом путем всеобщих выборов. Эта цель, впрочем, вовсе не являлась революционной, ибо ее достижение должно была лишь положить начало процессу революции: «Необходимым следствием демократии во всех цивилизованных странах, – писал Энгельс, – является политическое господство пролетариата, а политическое господство пролетариата есть первая предпосылка всех коммунистических мероприятий».[18] Здесь – ключ к формуле «Манифеста коммунистической партии»: «завоевание демократии». Это политическое завоевание станет промежуточным этапом; по Марксу, речь будет идти о «моменте самой буржуазной революции, – как это было в 1794 году, – до тех пор, пока в ходе истории, в ее «движении» не создались еще материальные условия, которые делают необходимым уничтожение буржуазного способа производства, а следовательно также, и окончательное свержение политического господства

---

[16] Karl Marx devant les jures de Cologne: revelations sur le proces des communists, 1853. P., 1953.
[17] Маркс К. Коммунизм газеты «Rheinische Beobachter»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 204-205.
[18] Энгельс Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен// Соч., т. 4., с. 276.

буржуазии». Маркс не боялся ссылаться на историческую необходимость, которая диктует людям, что «в самом ходе своего развития должны они сперва произвести материальные условия нового общества», ибо «никакие могучие усилия мысли или воли не могут освободить их от этой участи».[19]

Таким образом, если рабочие и их партия поддерживают буржуазию в борьбе против неприемлемого прошлого, то потому, что знают: «буржуазия не только должна будет сделать им более широкие политические уступки, чем абсолютная монархия»; «их собственная борьба с буржуазией может начаться лишь в тот день, когда буржуазия сама окажется победительницей».[20]

Только после этого начинается борьба за социальную революцию. Еще до написания «Манифеста» Маркс провел различие между политической революцией – свержением власти буржуазии – и революцией социальной: последовательным преобразованием капиталистического общества; первая – условие для второй.[21] Роль партии заранее ограничена в этой концепции двухэтапной революции; сама сущность задач, которые ей приходится решать, неизбежно придают ей якобинский характер. «Бывают в истории поразительные аналогии. Якобинец 1793 года стал коммунистом в наши дни».[22]

Здесь следует рассмотреть некоторые проблемы, не получившие в работах Маркса целостного освещения: *рабочая* партия; взятие и осуществление власти; власть; законность; насилие; «марксистская» партия.

---

[19] Маркс К. Морализирующая критика и критизирующая мораль// Соч., т. 4., с. 299.

[20] Там же, с. 313. Эту концепцию Маркс будет энергично отстаивать в полемике с Лассалем, который из ненависти к буржуазии был готов пойти на политический союз с Бисмарком и прусской монархией. (См. письма Маркса Энгельсу 11 и 30 июля 1862 г.; Маркса Кугельману 23 февраля 1865 г.)

[21] См.: Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа»// Соч., т. 1, с. 430-448.

[22] Маркс К., Энгельс Ф. О польском вопросе// Соч., т. 4., с. 488.

Анализ источников, в которых отражены мысли Маркса по этим вопросам, показывает, что, с его точки зрения, политические задачи – подготовка ко взятию власти и овладение ею – не могут быть решены иначе, чем «демократическим» путем – именно в силу доминирования буржуазных институтов, по крайней мере, пока продолжается их нормальное функционирование.

Однако рабочие партии имеют свое историческое предназначение и, следовательно, специфические задачи; если шансы революционной политики в демократических рамках оказываются слабыми, сломить сопротивление может только сила.

С самого момента возникновения «марксистских» партий Маркс понял, что его революционная теория не будет воспринята как руководство к действию в повседневной политике каждой страны. Франция догматизирует теорию, лассальянская Германия заражает сектантством рабочее движение. Сам Маркс мог заметить только первые симптомы этого. После его смерти Энгельс не щадил марксистов из французской секты и все более сближался с немецким массовым движением; ему казалось, что оно гарантированно идет к победе на выборах: подрывная деятельность, писал он, оказывается более эффективна, если в нее вносят легальные методы[22].

6. Образование рабочих партий в Германии и во Франции предоставило Марксу и Энгельсу возможность противопоставить свои позиции воззрениям тех интеллектуалов, которые, недооценивая революционный потенциал пролетариата, пытались превратить социализм в моральную доктрину с тем, чтобы обрести сторонников в среде «образованных и имущих классов». Так, в циркулярном письме 1879 года Маркс и Энгельс критиковали подобных деятелей, ссылаясь на «Манифест Коммунистической партии»: «К борющемуся пролетариату присоединяются отдельные лица из господствующего до сих пор класса и доставляют ему элементы просвещения», в практическом или теоретическом плане; однако принцип самоосвобождения рабочих несовместим с поведением тех выходцев из буржуазии, кто утверждает, будто

---

[22] Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»// Соч., т. 22.

бы «рабочий класс не в состоянии добиться своего освобождения собственными руками, [...] должен подчиниться руководству «образованных и имущих» буржуа, так как только они «имеют время и возможность» изучить то, что может принести пользу рабочим».[24]

Разрабатывая позднее программу французской рабочей партии, Маркс в очередной раз резюмировал свою политическую позицию: «коллективное присвоение [средств производства] может осуществиться лишь в результате революционного действия класса производителей, – или пролетариата, – организованного в самостоятельную политическую партию»; «нужно добиваться подобной организации всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, в том числе с помощью всеобщего избирательного права, превращаемого таким образом из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения».[25]

Если стихийность пролетариата подчеркивалась столь энергично, что же следовало думать борющимся рабочим о роли теории Маркса и Энгельса в этом процессе обретения классового сознания?[26] Энгельс ясно ответил на данный вопрос в своих пись-

---

[24] Маркс К., Энгельс Ф. Циркулярное письмо А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др.// Соч., т. 19, с. 173, 170.

[25] Маркс К. Введение к программе французской рабочей партии// Соч., т. 19, с. 246. Здесь же можно напомнить о решении Генерального Совета рабочего Интернационала поддержать Лигу реформы, кампанию которой в защиту всеобщего избирательного права Маркс всячески одобрял. (См. его письма Энгельсу 1 мая 1865 г. и Кугельману 15 января 1866 г.)

[26] Маркс и Энгельс, кажется, так много ожидали от партии, понимаемой «в высшей степени историческом смысле», что к ним можно было бы применить их собственную критику утопистов, изобретателей социальной науки. В этом плане важным документом является письмо Маркса Фрейлиграту 29 февраля 1860 года. Вот несколько отрывков из него: «С тех пор, как, в ноябре 1852 г., *по моему предложению*, Союз был распущен, я больше *никогда* не принадлежал и не принадлежу ни к какому *тайному* или *открытому* обществу, и, следовательно, *партия* в этом совершенно эфемерном смысле слова вот уже восемь лет как перестала для меня существовать. [...] Союз, так же как и Общество времен года в Париже, как и сотни других обществ, был лишь эпизодом в истории партии, которая повсюду стихийно вырастает на почве современного общества. [...] Под партией я понимал партию в великом историческом смысле»// Соч., т. 19, с. 400, 401, 406.

мах уже после смерти Маркса, когда в США возникла первая «марксистская» группа. Возражая против превращения марксовой теории в сектантскую догму, он напомнил ее основополагающий постулат: «Массы должны иметь время и возможность развиваться, а эту возможность они получат лишь тогда, когда у них будет собственное движение – безразлично, в какой форме, лишь бы это было *их собственное* движение»[27] . И еще: «Для ясности теоретического понимания нет лучшего пути, чем учиться на своих собственных ошибках. [...] Самое главное – это добиться того, чтобы рабочий класс вступил в движение *как класс*; а раз это будет достигнуто, он скоро найдет верное направление. [...] Один или два миллиона рабочих голосов, которые были бы поданы в ноябре за действительную рабочую партию, в данную минуту бесконечно важнее, чем сотня тысяч голосов, поданных за безукоризненную в теоретическом отношении платформу»[28]. Речь здесь идет практически о том же, о чем и в письме 1851 года: «Революция – это чистое явление природы. [...] И лишь только выступаешь в качестве представителя какой-либо партии, втягиваешься в этот водоворот непреодолимой естественной необходимости».[29]

Таким образом, рабочие партии не всегда являются инструментами политической борьбы пролетариата, однако пролетарское движение может иметь институционализированное представительство в «историческом» смысле слова. Возникая чаще всего

---

[27] Письмо Энгельса Зорге 29 ноября 1886 года// Соч., т. 36, с. 489. О том же, хотя в данном случае речь идет о профсоюзном движении, Маркс писал Больте (23 ноября 1871 года): «Всякое движение, в котором рабочий класс противостоит как *класс* господствующим классам и стремится победить их путем давления извне, есть политическое движение» (Соч., т. 33, с. 280). Отдельная забастовка – это «чисто экономическое» движение, в то время как «движение, имеющее целью заставить издать *закон* о восьмичасовом рабочем дне и т. д., есть *политическое* движение».

[28] Письмо Энгельса Ф. Келли-Вишневецкой, 28 декабря 1886 г.// Соч., т. 36, с. 497-498.

[29] Письмо Энгельса Марксу 13 февраля 1851 года// Соч., т. 27, с. 177.

вне пролетариата, рабочие лиги, партии и пр. не могут, таким образом, рассматриваться как проявление самодеятельности класса и реального движения. Именно идея *спонтанности* является центральной для понимания различия, которое проводил Маркс между рабочими партиями, по своей структуре не отличающимися от всех остальных политических партий *при либеральном режиме*, и пролетарской партией: возвышаясь в некотором роде над существующими общественными условиями, последняя не может отождествляться с реальной организацией, неизбежно подверженной политическому отчуждению. Побудитель и орудие пролетарской стихийности, она никогда не будет органом классового сотрудничества. Это объясняет, почему Маркс в переписке и некоторых воззваниях говорит о «нашей партии», в то время как друзья, объединенные вокруг «партии Маркса»,[30] не входили ни в какую официальную организацию. У этой политической группы отсутствовал устав, зато она имела кредо – коммунизм, и задачей Маркса было подвести под него теоретические основы.

Итак, марксово понимание взаимоотношений пролетариата и пролетарской партии может быть резюмировано следующим образом:

Пролетарская борьба проявляется в трех формах, выступающих одновременно как исторические стадии «реального движения», самостоятельной деятельности трудящихся: Selbsttatigkeit,

1. экономическая и политическая борьба за социальные реформы в рамках существующего строя (всеобщее избирательное право, социальное законодательство и т. д.);

2. завоевание, легальным или насильственным путем, политической власти и принятие переходных мер с целью разрушения буржуазных производственных отношений;

3. диктатура пролетариата, призванная сломить сопротивление экспроприированного класса и обеспечить переход к общественному устройству, свободному от экономического и политического гнета.

---

[30] Это выражение было распространено в немецких коммунистических кругах, а также использовалось в отчетах прусской полиции.

[illegible] труда, созданием коммуны [illegible] — на место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.»[illegible]

[illegible] в политическую теорию Маркса [illegible] с наличием в его концепции пролетарской партии двух аспектов, которые, впрочем, никогда не имели между собой четкого разграничения, равно как и марксовы ипостаси теоретика и партийного деятеля. Однако нам представляется продуктивным отметить в этой концепции разницу между практическим понятием рабочей партии, с одной стороны, и аналитическим понятием коммунистической партии, с другой.

Первое применимо к организации, которая, вписываясь в буржуазное общество, подчинена его общим условиям: по своей структуре (но в противоположность собственной программе) рабочая партия несет на себе «буржуазный» отпечаток, и ее лидеры быстро усваивают правила политической игры. Функция (буржуазная) создает орган (буржуазный).[illegible]

Аналитическая концепция пролетарской партии вытекает из определения, данного Марксом коммунистам и имеющего характер скорее посылки и символа веры, чем эмпирической констатации: «С одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они [коммунисты] выделяют и отстаивают общие, не-

---

[illegible] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии// Соч., т. 4, с. 447.

[illegible] Чисто социологическое объяснение Энгельсом происхождения государства может быть применимо [illegible] к концепции партии: «Общество порождает известные общие функции. [...] Предназначенные для этого лица образуют новую отрасль разделения труда внутри общества. Тем самым они приобретают особые интересы также и по отношению к тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним, и — появляется государство» (Письмо Энгельса К. Шмидту 27 октября 1890 г.// Соч., т. 37, с. 416). Очевидно, что здесь Энгельс рассматривает феномен, который Роберт Михельс назвал «железным законом олигархии». См.: Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии// Диалог, 1990, № 3-18.

зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, [...] на различных ступенях, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом».[33]

Таким образом, их роль не является политической в традиционном смысле слова: они не образуют особую организацию, подчиняющуюся формально принятым правилам и уставам; они вырабатывают теорию движения, не придумывая системы; их влияние – чисто моральное, основывающееся на достижениях ума. Они участвуют в общем движении, не обязательно подчиняясь при этом указаниям существующих партий; в крайнем случае, они могут работать вне всякого официального движения. Такое понимание роли коммунистов Маркс имел в виду, когда, принимая делегацию представителей своей партии, сказал им от имени себя и Энгельса: «Наш мандат представителей пролетарской партии мы *получили от нас самих*, а не от кого-нибудь еще. И он подтвержден за нами той исключительной и всеобщей ненавистью, которую питают к нам все фракции и партии старого мира».[34]

В будущем остается проделать социологический анализ того, как соотносятся у Маркса подобная концепция харизматического избранничества и его представления о политических сектах.

---

[33] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии// Соч., т. 4., с. 437. То, что в числе общих целей коммунистов и пролетарских партий Маркс называет «формирование пролетариата в класс», может показаться удивительным. Однако речь здесь идет, по сути, о формировании пролетариата в революционные профсоюзы!

[34] Письмо Маркса Энгельсу 18 мая 1859 года// Соч., т. 29, с. 355.

Хартия Первого Интернационала

Этос «марксизма»
в Международном Товариществе Рабочих

«В партийных программах следует
избегать явной зависимости
от отдельных авторов или трудов».
(Письмо Маркса Гайндману, 2 июля 1881 г.)[1]

По причинам, которые историкам общественных движений и идеологий выяснить не удалось, система идей, известная как «марксизм», стала в XX веке после ряда превратностей доминирующей повсюду. Ее происхождение, до сих пор малоизвестное социологам, изучающим коллективное сознание, овеяно легендами. Но широко распространенное представление, не лишенное логики, состоит в том, что еще при жизни Карлу Марксу удалось создать свою школу, то есть возникновение «марксизма» было каким-то образом связано с самим Марксом. И хотя к его зарождению причастен Фридрих Энгельс, имя последнего приносится в жертву: деятельность и труды основоположников сливаются в единое целое, но для его названия используется фамилия «первой скрипки» (выражение Энгельса).

Однако исследователю, которого не удовлетворяет это мифическое объяснение генезиса марксизма, обязательно придется по-

---

Впервые опубликовано в: *Le mouvement social*, № 51, 1965.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М., 1964, т. 35, с. 166.

ставить перед собой три вопроса: создал ли Маркс свою школу в процессе научной и партийной работы? Если предположить, что такая школа существовала, считала ли она себя «марксистской»? Что думал об этом сам Маркс? И дополнительный вопрос: что думал об этом Энгельс?

На эти вопросы нельзя ответить, не определив возможную степень влияния трудов и деятельности Маркса при его жизни. Мы же в своем социологическом исследовании генезиса феномена, получившего название «марксизм», ограничимся одной важной, быть может, решающей фазой карьеры Маркса: его ролью как автора учредительных документов Первого рабочего Интернационала. И в подобных рамках наше эссе ставит своей целью лишь методологическое исследование, которое позволило бы наметить подходы к этим проблемам, некую схему направлений поиска – их систематический анализ потребовал бы длительной работы. Такой способ исследования позволяет избежать искушения рассматривать Маркса через призму его посмертной славы. Обратный подход – от следствия к причине – уже вызывал полное непонимание реальной роли Маркса в Интернационале.[2]

Чтобы понять эту роль, необходимо рассмотреть различные аспекты деятельности Маркса в Интернационале: в Генеральном совете, на конгрессах и конференциях, посредством личных контактов с людьми, прямых и эпистолярных. Тогда можно увидеть, что Марксу, твердо решившему оставаться «за кулисами», нелегко было сохранять анонимность, тем более, что он являлся автором практически всех документов (отчетов, резолюций, обращений, манифестов), принимавшихся – чаще всего по его инициативе – Генеральным советом; и когда эффект, произведенный «Гражданской войной во Франции», вынудил его раскрыть анонимность, он стал, вопреки собственному желанию, основной личностью, вокруг которой разворачивались процессы, приведшие к выделению двух главных идеологических течений в Интернационале – коммунизма и анархизма. В этой связи вновь, и в

---

[2] См.: Rubel M. Karl Marx et la Premiere Internationale. Une chronologie. Premiere partie (1864-1869)// Cahiers de l'ISEA, serie S, No 8; Bibliographie de la Premiere Internationale// Ibid., p. 249-275.

еще более определенном виде, возникла ситуация, имевшая место за двадцать лет раньше, когда фракцию, к которой он принадлежал, его противники порой называли «партией Маркса».[3]

Отсюда совершенно естественно вытекает вопрос о происхождении ярлыков «марксистский» и «марксизм»: когда и кем они были использованы впервые и в каком смысле? Легко понять, что речь здесь идет о социологической проблеме в буквальном смысле слова: использование этих ярлыков отвечало потребности определить или осудить либо *группу* личностей, подчиненных «вождю», либо *коллективную ментальность* тех, кто объявлял себя учениками этого «вождя». Хотя сегодня, опираясь на существующие исследования, трудно заявить с уверенностью, когда и кто первым использовал эти термины, их возникновение можно, по-видимому, отнести к началу 1870-х годов, когда конфликт, вызванный юрскими диссидентами,[4] вступил в свою острую фазу. Как в 1846 и в 1851 годах, именно противники Маркса испытывали необходимость навесить ярлык на то, что представлялось им «котерией», сформировавшейся вокруг Маркса, и тогда под пером одного из анонимных адептов Бакунина возникает термин «марксистский»,[5] уже используемый

---

[3] Термин, применявшийся во время конфликта Маркса с Вейтлингом по поводу Германа Криге, связанного с кампанией, которую вел Брюссельский корреспондентский комитет против нью-йоркской «Фолькс-Трибун» (1846 г.). См. письмо Гесса Марксу 29 мая 1846 г. в: Moses Hess Briefwechsel/ La Haye, 1959, p. 157. Он часто мелькает в полицейских документах во время процесса коммунистов в Кельне, одновременно с термином «общество Маркса». См.: К. Маркс «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» (Соч., т. 8).

[4] Имеются в виду сторонники М.А. Бакунина в I Интернационале, члены Юрской федерации, образованной в 1870 г. в горных районах французской части Швейцарии. – *Прим. ред.*

[5] См.: La Premiere Internationale. Recueil des documents/ Pub. Par J. Freymond. Geneve, 1962, II, p. 311, где также используются выражения «династия Марксидов» и «марксистский закон» и основной мишенью является Поль Лафарг. Говоря о «Капитале» как о «добросовестном и научном труде, хотя и написанном в заранее заданной системе координат», автор этой диатрибы замечает: «Сколько их [...] в Генеральном совете, марксистов, никогда не открывавших книг Маркса!» (с. 315).

неким полицейским в донесении от 7 сентября 1871 года (Cf: Verdès-Leroux J. Engels vu par la police francaise// Cahiers de l'ISEA, II, No 12, 1968). Начиная в этого момента «антиавторитарный» лагерь охотно использует этот термин, как, впрочем, и слово «марксизм»; и когда в 1882 году Поль Брусс публикует брошюру, озаглавленную «Марксизм в Интернационале»[6] – насколько нам известно, первый текст, где это слово использовалось в заглавии, – термин уже имеет почти официальное признание. Действительно, слова «марксистский» и «марксизм», хотя и придуманные противниками Маркса, уже использовались к тому времени некоторыми его сторонниками и учениками. Но если Марксу пришлось свыкнуться с этим, то надо думать, использование подобных слов он не одобрял.[7]

Показательный факт: подобно Бакунину, Брусс критикует Маркса как «главу партии» и «авторитарную личность» (вместе с его «агентами» и «тактиками» вроде Поля Лафарга), одновременно восхищаясь им как мыслителем. Так, у него можно найти определение марксизма, которое провидчески высвечивает всю двусмысленность этого понятия: «Марксизм не состоит в том, чтобы быть сторонником идей Маркса. Тогда многие из его нынешних противников, в частности, автор этих строк, были бы марксистами».[8]

---

[6] P., Bureau du journal "Proletaire", 32 p.

[7] Слова Маркса: «Я не марксист», – приводятся Энгельсом, который воспринимал их всерьез и цитировал неоднократно (см. письма Энгельса Бернштейну (3 ноября 1882 г.), К. Шмидту (15 августа 1890 г.), П. Лафаргу (27 августа 1890 г.), Г. Лопатину (Marx-Engels. Werke, XXI, p. 489.). В письме Лауре Лафарг (11 июня 1889 г.) он пишет: «И будут же они (анархисты) беситься, что дали нам это название!» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 194). Энгельсу, таким образом, пришлось принять вызов, и из ругательства он пытается сделать почетное имя ab absurdo. Это одна из причин, и немаловажная, для утверждения, что отцом марксизма является Энгельс.

[8] Op. cit., p. 7. Брусс добавляет: «Марксизм представляет собой, главным образом, систему, которая стремится не к распространению марксистской доктрины, но к детальному ее навязыванию». Для того времени это явное преувеличение со стороны Брусса, но его критика ценна для будущего.

Таким образом, Брусс указывает на факт, который, не будучи никогда сформулированным, признавался, тем не менее, всеми членами Интернационала, принадлежавшими к различным школам: приняв на Женевском конгрессе Хартию Интернационала в том виде, в каком она была утверждена в 1864 году Центральным советом, они стали «марксистами», сами о том не подозревая.

Если обстоятельства внешнего порядка, которые привели Маркса к написанию трилогии в виде Учредительного Манифеста, Введения и Устава МТР – того, что мы отныне будет называть «хартией Интернационала», – достаточно известны, характер и глубокий смысл этого труда еще не стали объектом серьезного исследования.[9] Лакуна тем более очевидная, что именно тезисы и постулаты этой хартии определили, по меньшей мере, на уровне конфликтов различных течений, судьбу Интернационала. Можно понять трудность, но также и пользу исследования, призванного выявить, в какой мере принципы, определенные в учредительном акте Интернационала, были поняты входившими в него группами и отдельными лицами, сторонниками различных, даже враждебных друг другу социальных доктрин и революционных традиций.[10]

---

[9] Назовем, однако, две важные работы, расчищающие поле для подобного рода исследования: Riazanov D. Zur Geschichte der Ersten Internationale. I. Die Entstehung der Internationalen Arbeiterassoziation. Marx Engels-Archiv, I, 1926, p. 119-202; и В.А. Смирнова. Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1963. сс. 280-342.

[10] Типичный пример: в сентябре 1866 года (Женевский конгресс) Джеймс Гильом не знал даже «о самом существовании Карла Маркса». Он услышал на нем только на Лозаннском конгрессе (1867 г.) (L'Internationale. P., 1905. t. 1, p. 5.). В 1870 году Гильом еще не был знаком со «знаменитым манифестом, написанным Карлом Марксом в 1864 году», Учредительным Манифестом (Ibid., p. 477.). По поводу фразы о завоевании политической власти, фигурирующей в Учредительном Манифесте, Миклош Молнар (Le declin de la Premiere Internationale. La Conference de Londres de 1871. Geneve, 1963, p. 190.) пишет: «Представляется, эта декларация осталась в то время незамечен-

Несомненно, Франция была изначально представлена в Интернационале значительным количеством прудонистов, в то время как Англия – в основном профсоюзными лидерами с некоторым чартистским и оуэнистским уклоном, а Италия – сторонниками Мадзини. Секретарь-корреспондент по Германии, Маркс, как представляется, привнес в Интернационал очень важное направление социальной и политической мысли: коммунизм. Но кроме сторонников «исторического» коммунизма, которых можно было пересчитать по пальцам, о прошлом Маркса – теоретика коммунизма и автора основного манифеста движения – знали лишь несколько посвященных.[11]

ной: по крайней мере, те, кто был с ней знаком, не придавали ей большого значения». О сопротивлении, которое впоследствии оказывали прудонисты распространению хартии МТР во Франции, см.: Желубовская Э.А. Крушение Второй Империи и возникновение Третьей Республики во Франции. М., 1956, с. 174. Тем не менее заявления обвиняемых на процессах МТР показывают, что изначально «марксизм» был явлением, органически присущим элите рабочего движения, и французы, включая прудонистов, не считали нужным отказываться от хартии Интернационала.

[11] После распада Союза коммунистов (ноябрь 1852 года) немецкая коммунистическая партия существовала в глазах Маркса лишь в «высшей степени историческом смысле», а не как формальная и структурированная организация. Однако практически с самого начала в Центральный совет Интернационала вошли, кроме Маркса и Эккариуса (благодаря предложенной ими кооптации) несколько других старых членов Союза коммунистов: Лесснер, Пфендер, Лохнер, к которым вскоре присоединились некоторые представители лондонского Deutscher Arberiterbildungsverein, с которым Маркс возобновил прерванные за десять лет до того отношения и от которого он был делегирован в Центральный совет в качестве корреспондента по Германии. Чтобы лишний раз продемонстрировать свои чисто представительские функции, Маркс даже одно время думал о том, чтобы после Лассаля возглавить Всеобщий германский рабочий союз. См.: Rubel M. Marx et la Premiere Internationale, op. cit., p. 13. Единственным будущим членом МТР, не входившим в лондонскую группу сторонников Маркса, которому была известна карьера автора «Манифеста Коммунистической партии», являлся Бакунин.

Ничто не свидетельствует о том, что с самого начала Маркс собирался разрабатывать основополагающие документы Интер-национала. Легче доказать обратное. Назначенный в комитет по разработке Устава (rules and regulations) новой ассоциации и в Подкомитет девяти на первом заседании Совета (5 октября), он не смог из-за болезни присутствовать на первых заседаниях этих комитетов. В его отсутствие (8 октября) Подкомитет обсуждает «декларацию принципов», написанную Уэстоном, и устав Итальянских рабочих обществ, зачитанные мадзинистом Вольфом. Подкомитет одобряет этот устав и рекомендует его Совету. Маркс по-прежнему отсутствует на заседании Совета, когда Уэстон зачитывает свою переработанную декларацию принципов, а Вольф – английский перевод итальянского устава. Хотя эти тексты восприняты одобрительно, Совет решает возвратить их в подкомитет.[12] И только на следующий день Эккариус сообщает Марксу, что его отсутствие кажется «всем» загадочным. Он считает присутствие Маркса на следующем заседании Подкомитета «абсолютно необходимым» и объясняет:

«Ты помнишь, что Уэстон уже предлагал в прошлую среду обсудить введение к декларации принципов, и что у него возникло несколько идей, которые он готов предложить на обсуждение комитета по материалам. Вчера вечером мы увидели, что у него уже готов текст, мешок плевел с горсткой зерен, но даже последние не представляют собой чего-либо значащего. Подкомитет поручил ему сделать текст более сжатым, но и сокращенный вариант оказался не лучше оригинала: это сентиментальная и пафосная статья о программе, но отнюдь не сама программа. Кремер публично заявил, что проект следует сократить на три четверти. Кроме того, майор Вольф перевел и предложил проект устава итальянских рабочих обществ, воспринятый в целом положительно. Эти два документа были отправлены обратно в подкомитет, чтобы изменить их и извлечь из них суть, создав один текст – одновременно декларацию принципов и устав. Пос-

---

[12] См.: Генеральный совет Первого Интернационала, 1864-1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы. М., 1961, с. 35.

ле заседания Кремер конфиденциально заметил, что Уэстона следует отстранить от этой работы, а редакцию проекта поручить комиссии максимум из трех человек, которые по своему усмотрению будут или не будут использовать существующие документы. Оджер и другие согласились с этим мнением. The right man in the right place[13] был бы, бесспорно, доктор Маркс. Уэстон – старый оуэнист, который, правда, ограничивает сентиментальную доктрину старой школы одними трудящимися и инстинктивно ненавидит угнетение, но который, кажется, не видит иной основы рабочего движения, чем избитые слова «истина и справедливость».»[14]

Маркс, несомненно, должен был отметить для себя повелительную фразу в начале письма Эккариуса: «Ты обязательно должен наложить печать *глубокой лаконичности* на этого первенца европейской организации трудящихся». На следующий день У.Р. Кремер, генеральный секретарь Совета, сообщает Марксу, что члены комитета были бы счастливы видеть его на следующем заседании. Предупрежденный слишком поздно, Маркс не смог присутствовать на этом заседании (15 октября), где Ле Любе представил тексты, основывавшиеся на декларации принципов Уэстона и уставе, предложенном Вольфом. Они были вынесены на следующее заседание Центрального совета (18 октября); любопытно, что Маркс поддержал предложение Кремера одобрить программу, зачитанную Ле Любе![15] Затем последовало обсуждение одного отрывка из текста Ле Любе, а потом «основа программы» была одобрена единогласно, подкомитету было поручено придать окончательную форму введению и уставу. Ничто в поведении Маркса, как можно судить по протоколу этого собрания, не дает повода заподозрить его в намерении полностью переделать проек-

---

[13] Нужный человек в нужном месте (англ.).

[14] Karl Marx und die Grundung der I. Internationale. Dokumente une Materialen. Berlin, 1964, p. 30-32.

[15] См.: Генеральный совет Первого Интернационала..., с. 42. В.А. Смирнова упоминает об этом заседании, но забывает указать на поведение Маркса. Она ограничивается цитатой из письма Маркса Энгельсу 4 ноября 1864 г. См.: Из истории..., с. 293.

ты, «основу» которых только что одобрил Центральный совет и отправил в Подкомитет лишь для окончательной доработки.

Однако то, что несколько месяцев спустя об этом собрании пишет Маркс Энгельсу, совершенно не соответствует тому, что отражено в протоколе: в последнем отмечается, что Маркс присоединился к мнению Кремера, предложившего одобрить программу, переработанную Ле Любе; в письме же говорится об «ужасе» Маркса, когда он слушал, как «милейший Ле Любе» зачитывал «чрезвычайно фразистое, плохо написанное и совершенно незрелое введение, претендующее быть декларацией принципов, в котором то и дело проглядывал Мадзини сквозь оболочку самых расплывчатых обрывков французского социализма». Более того, в письме Маркса содержится деталь, отсутствующая в протоколе, но ясно раскрывающая его видение роли Генерального совета Интернационала. Говоря о мадзинистском уставе, Маркс сурово критикует предложенную Вольфом резолюцию, направленную на то, чтобы превратить Генеральный совет в «центральное правительство рабочих классов *Европы* (конечно, с Мадзини на заднем плане)».[16] Это замечание, как видно, заранее отвечает на основные пункты обвинения, которое «антиавторитарные» члены Интернационала выдвинут позднее против «властности» Маркса. «Я в мягкой форме возражал, – добавляет далее Маркс, – и после долгих переговоров Эккариус предложил снова передать эти документы «на редакцию» Подкомитету. «Sentiments» (взгляды), содержавшиеся в декларации Ле Любе, были вотированы».[17]

Можно полагать, что в этом рассказе, написанном через две недели после заседания 18 октября, отражена окончательная точка зрения Маркса, сформировавшаяся после изучения различных текстов, предложенных на рассмотрение Совету. Если не брать в рас-

---

[16] По необъяснимым причинам эта резолюция, предложенная Вольфом, не фигурирует в протоколе заседания 8 октября 1864 года. О ней имеется отметка У.Р. Кремера на чистой странице английского перевода итальянского устава. Cf: Grundung..., op.cit., p. 123.

[17] Письмо Маркса Энгельсу, 4 ноября 1864 г.// Соч., М., 1963, т. 31, с. 12.

чет возможность какого-то «маневра» с его стороны, Маркс, голосуя за одобрение проекта Ле Любе, похоже, еще не представлял, какой хирургической операции этому тексту предстоит подвергнуться после нового тщательного рассмотрения (хотя именно этого ожидали от него Кремер, Эккариус и, без сомнения, другие).[18]

Хотя Маркс и сожалел впоследствии, что сохранил в своей редакции Устава МТР некоторую фразеологию, он, все-таки, прежде всего постарался не отразить в этом документе ничего, что могло бы дать повод к теоретическим разногласиям и, как следствие, привести к возникновению противоборствующих фракций и тенденций в Интернационале. «Сделать приемлемыми» для различных представителей рабочего движения элементы своей теории было для него, впрочем, тем более легко, что теория эта не стремилась ни к чему иному, кроме как к выражению «реального движения» на определенной стадии его развития.

Несомненно, именно после ознакомления с документами, переданными ему Подкомитетом, у Маркса должна была возникнуть мысль начать работу с нуля.[19] Дело было вовсе не в по-

---

[18] Freymond J. Op. cit., p. xxi.

[19] Заседание подкомитета 20 октября 1864 г. на квартире Маркса. В его распоряжении, как мы видим, находились проект устава Итальянских рабочих обществ, предложенный Вольфом и переделанный Ле Любе, и проект декларации принципов, разработанный Дж. Уэстоном и также переделанный Ле Любе. Эти документы не сохранились. См.: Founding of the First International. N.-Y., 1937, p. 75-78 (отрывки из английского перевода итальянского устава). Из текстов Ле Любе Маркс, кроме «взглядов», взял идею о всеобщем изучении положения и требований рабочих. Центральный совет, единогласно одобрив тексты, написанные Марксом, поздравил кроме него Уэстона и Ле Любе за «их труды по составлению столь замечательного манифеста» (заседание 1 ноября 1864 г. В кн.: Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864-1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы. М., 1961, с. 11.). Вопрос о предложениях мадзинистов, специально поставленный Марксом, стал предметом дискуссий в Центральном совете, и Маркс сделал по этому поводу интересное замечание («Вольф высказался за централизацию, но, говоря о рабочих ассоциациях, имел в виду только общества взаимопомощи») (там же, с. 171.).

шихся использовать хартию в качестве инструмента индоктринирования, прозелитизма, то есть путем ловкого маневра представить Интернационалу *новый коммунистический манифест*. Однако Маркс взял из Манифеста и вложил в хартию 1864 года основополагающую идею, возможно, саму квинтэссенцию: *требование взятия политической власти*![20]

Здесь мы подходим к главной проблеме всякого исследования, касающегося «марксистского» феномена в начальный период деятельности Интернационала. Действительно, целая плеяда социалистов и коммунистов до Маркса заслуживала бы названия основателей «марксизма», если бы последний сводился к формуле или лозунгу взятия политической власти. Что же касается постулата о «диктатуре пролетариата», он потерял всякую двусмысленность, когда Парижская Коммуна стала его историческим примером.[21]

Чтобы ясно дать понять, что взятие политической власти не является сектантским лозунгом, выдуманном с некой тайной целью, Маркс настаивает на народном характере этого требования, напоминая об усилиях, предпринятых английскими, немецкими, итальянскими и французскими рабочими в целях «реорганизации рабочей партии»: это требование прочитывается

---

[20] Это требование станет предметом резолюции IX, принятой на Лондонской конференции в сентябре 1871 года и войдет в 7 статью статутов Гаагского конгресса в сентябре 1872 года. См. выступление Маркса на Лондонской конференции, подчеркивающее важность представительства рабочих в парламентах. См.: La Premiere Internationale..., op. cit., t. II, p. 194-196. На Гаагском конгрессе Гильом напомнил, что в резолюции о политической деятельности имеются «фразы, основанные на «Манифесте Коммунистической партии»» (ibid., p. 369). О поведении бланкистской группы (Вальян и другие) во время и после конгресса см.: Verdes J. Les delegues francais aux Congres et Conference de l'AIT// Cahiers de l'ISEA, serie S, No 8, 1964, pp. 149, 162 (брошюра Вальяна «Интернационал и революция», 1872 г.).

[21] Cf. Draper H. Marx and the Dictatorship of the Proletariat// Cahiers de l'ISEA, serie S, No 6, 1962, p. 5-73. Cf. Andrieu J. Introduction// Notes pour servir l'histoire de la Commune de Paris en 1871. P., 1971, p. xvii.

в намерениях и действиях представителей рабочего движения во Франции, Англии и Германии. Необходим был очень ясный аналитический ум, чтобы предвидеть в хартии Интернационала 1864 года характер и цели будущих *национальных* рабочих движений. Итоги рабочей борьбы в Англии Маркс интерпретирует как двойную победу политической экономии труда над политической экономией капитала: политическую победу в форме билля о десятичасовом рабочем дне и экономическую победу, достигнутую благодаря системе кооперативов, предвещающих способ производства будущего – экономику без хозяев и наемных работников. В заключительной части Учредительного Манифеста нет ничего ни оригинального, ни «марксистского»: проблема независимости Польши обсуждалась на англо-французских встречах в 1862-1863 гг. и являлась одной из основных тем митинга в Сент-Мартинс-холле. На митинге 22 июля 1863 года Джордж Оджер так же недвусмысленно, как и Маркс в Манифесте, заявил, что мир не может быть долговременным, и Россия станет хозяйкой Польши.[22] Тот же самый Оджер в «Обращении к французским трудящимся», написанном через три месяца после этого митинга, говорил, как и Маркс, о необходимости «предупредить интриги тайной дипломатии».[23] Короче, хотя Маркс в 1862-1863 гг. не участвовал во встречах английских и французских активистов в Лондоне и, возможно, даже не был знаком с произнесенными там речами и «Манифестом шестидесяти» 1862 года, первой политической хартией французского рабочего движения,[24] он в течение более десяти лет, как об этом свидетельствуют сотни статей, написанных им и Энгельсом для «Нью-Йорк Дейли Трибюн», достаточно тщательно следил за экономической и политической ситуацией в Европе и мог со знанием дела высказываться о перспективах этого движения.[25]

---

[22] См.: Рязанов Д. Ук. соч., с. 167. Автор подчеркивает воинственный характер речи Оджера.

[23] Bee-Hive, 5 December 1863.

[24] Цитируя и комментируя «Манифест шестидесяти», Рязанов приходит к выводу: «Видно, что в этом манифесте не содержится ничего, кроме изложения и повторения основных идей Прудона». Ibid., p. 180.

[25] О статьях Маркса, посвященных Второй Империи, см.: Rubel M. Marx devant le bonapartisme. P.-La Haye, 1960.

Итак, в так называемом Учредительном Манифесте нет ничего специфически «марксистского»; введение и Устав были написаны в соответствии со стремлениями рабочих, как они открыто выражались в Англии, «метрополии капитала», и менее четко во Франции, где режим Наполеона III явно клонился к закату. Постулат о самоосвобождении столь же стар, что и пролетарский социализм, его можно найти в утопическом варианте у Вейтлинга, у Оуэна в период поддержки им кооперативного движения или, с четкой политической завершенностью, у Флоры Тристан.

То, что Маркс предпочитал избегать некоторых слов, излюбленных учениками Прудона и Оуэна, соответствовало его презрению ко всякому фразерству, слова «права» и «обязанности», а также «Истина, Справедливость и Нравственность», вырванные из контекста и используемые в качестве эмоциональных украшений, сами по себе ничего не означали: этот язык мог использовать кто угодно, будь то сторонник или противник рабочего движения. Маркс не согласился выйти из тени и появиться на политической арене, чтобы предложить новую социальную доктрину или новое политическое евангелие, но это ничуть не мешало ему желать внести в «реальную силу», возникновение которой он видел во Франции и Англии, «элементы культуры».[26] После 1843 года у него сложилось понимание своеобразного характера рабочего движения, определяе-

---

[26] «Коммунисты [...] не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение [...]. В борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата. [...] Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира. Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения.» (Манифест Коммунистической партии// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. с. 437-438.) Всегда ли сам Маркс следовал этой деонтологии коммунизма? Наличие в «марксизме» различных школ с их двусмысленными и даже взаимопротиворечащими трактовками одних и тех же проблем, как представляется, говорят об обратном.

мого согласием между «страдающим человечеством, которое мыслит», и «мыслящим человечеством, которое подвергается угнетению».[27]

Эффективность и анонимность – таким, наверное, мог быть в период до Лондонской конференции МТР девиз Маркса, члена Генерального совета и секретаря-корреспондента по Германии. Если рабочие и ремесленники, работавшие вместе с ним в Интернационале, с благодарностью приняли его «литературные» услуги, то потому, что Маркс обладал талантом придавать прокламациям исполнительного органа МТР достоинство и энергию, соответствующие крупномасштабному историческому движению.[28] Когда какой-то интеллектуал-член Совета вносит в Обращение о Польше тезисы, противоречащие исторической истине, Маркс не довольствуется отдельными импровизированными замечаниями, он тут же по поручению Совета пишет курс дипломатической истории, чтобы показать: от Людовика XV до Наполеона III французская внешняя политика не способствовала восстановлению независимости Польши. Научная работа – именно так понимал ее Маркс – и одновременно политический акт.[29] Точно так же, защищая профсоюзное движение и определяя его революционные цели, Маркс излагает перед Советом свои воззрения на политэкономию, причем его выводы предвосхищают хартию революционного синдикализма.[30] Когда

---

[27] Письма из «Deutsch-Franzosiche Jahrbucher». Маркс к Руге, май 1843// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 378.

[28] По поводу Обращения к Линкольну Маркс писал Энгельсу 2 декабря 1864 года: «И мне пришлось опять составить его (что гораздо труднее, чем написать содержательную работу) для того, чтобы те несколько фраз, к которым сводятся подобного рода сочинения, по крайней мере, отличались от вульгарно-демократической фразеологии» (Маркс К., Энгельс Ф. Ук. соч., т. 31, с. 28).

[29] Сразу после восстания 1863 года Маркс начал изучать историю разделов Польши. См. его рукопись «Польша и Франция» (вероятно, ответ П. Фоксу-Андре) в: Marx K. Die polnische Frage. La Haye, 1961. Именно по просьбе Маркса Энгельс написал для «Коммонвелт» (март-май 1866 г.) статьи «Какое дело рабочему классу до Польши?».

[30] «Заработная плата, цена и прибыль» (1865 г.).

знать, что в этих текстах он резюмировал теорию, изложенную в «Ка-
питале», можно лишь удивляться, что они получили мало известности в
то время и даже не обсуждались на конгрессах Интернационала. Прав-
да, сам Маркс, который ожидал тогда выхода своего труда, не спешил
сделать их известными. Вплоть до Лондонской конференции 1871 года
он работал, как сам говорил, «за кулисами»,[31] никогда не выступал пуб-
лично, и лишь давление обстоятельств вынуждало его нарушить ано-
нимность, как это было после публикации «Гражданской войны во Фран-
ции». Такое поведение может иметь несколько объяснений: эмигрант,
бежавший в Лондон, Маркс, разумеется, не желал привлекать к себе
внимание британских властей; но он также не стремился стать трибу-
ном: сознавая частный характер своей деятельности как коммуниста,
он старался не афишировать себя в качества автора манифестов, напи-
санных по просьбе и от имени Генерального совета. Он рассматривал
себя как безымянного глашатая, а не как харизматического вождя «ре-
ального движения».[32] В его интерпретации глубинных стремлений

[31] Письмо Маркса Энгельсу 7 июля 1866 г., Кугельману 9 октября 1866 г.

[32] Вплоть до конференции 1871 года в отчетах конгрессов МТР очень редко упоминается Маркс и его деятельность в Генеральном совете. Первое упоминание о «Капитале» фигурирует в отчете о Брюссельском конгрессе (1866 г.) (выступление Лесснера в ходе обсуждения доклада о последствиях использования машин (cf: La Premiere Internationale, op. cit., I, p. 297)). На другом заседании, говоря о докладе прудонистов по поводу бесплатного кредита, Мозес Гесс рассказал об идеях, изложенных Марксом в «Нищете философии» (1847 г.), но его выступление прошло незамеченным. В то время как работы Прудона широко осуждались на этом конгрессе, труд Маркса был упомянут только на административном заседании, которое одобрило предложенную немецкими делегатами резолюцию, рекомендовавшую чтение «Капитала» «людям всех национальностей» и его перевод «на те языки, на которые он еще не переведен». В ней Маркс именовался «первым экономистом, научно проанализировавшим капитал» (ibid., p. 430). Отметим также, что на Конференции 1865 года Маркс воздержался от зачтения доклада по Германии, посланного ему Либкнехтом. «Что касается твоего доклада, – писал он Либкнехту 21 ноября 1865 г., то я не мог огласить его на конференции, так как мне лично уделялось в нем слишком много внимания». Текст доклада опубликован в: Генеральный совет Первого Интернационала. 1864-1866. Лондонская конференция: Протоколы, с. 183-190.)

трудящихся можно обнаружить не только элементы, основанные на наблюдении и исследовании экономического и политического развития Европы после 1848 года, но и плоды личных убеждений, общих представлений об этом развитии и его будущих перспективах; представления эти отражены, в частности, в статье 1 Устава, где определяются задачи Интернационала: «Защита, развитие и полное освобождение рабочего класса».[33]

Почти во всех документах Интернационала, бесспорным автором которых является Маркс, заметна забота как о документированной научности, так и об оценке перспектив, одним словом, стремление политического учителя связать повседневную борьбу с осознанием революционной конечной цели. Принцип самоосвобождения, провозглашенный во введении к Уставу, не позволял интеллигенту, готовому сражаться в рядах рабочего класса, заниматься иной деятельностью, кроме политического просвещения в самом широком смысле слова: содействия осмыслению существующего общества и стремлению к полному освобождению.

Этому двойному принципу Маркс следовал при подготовке Лондонской конференции (сентябрь 1865 года) и Женевского конгресса (сентябрь 1866 года). От имени Постоянного комитета Маркс рекомендовал Центральному совету (31 июля 1865 года) одобрить программу, разработанную парижской секцией, и одновременно обсудить представлявшийся ему важным вопрос о политическом положении в Европе, подчиненной влиянию дипломатии русского царизма. Однако по этому вопросу конгресс 1866 года встал в четкую оппозицию «марксизму» лондонского Совета, отказавшись, как гласила формулировка французской делегации, от поддержки Интернационалом «старой политики, которая противопоставляет один народ другому», и заявив,

[33] Общий устав Международного Товарищества Рабочих// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 13.

что желает социального освобождения как в России, так и в Польше.[34]

Именно на этом конгрессе имя Маркса было впервые произнесено публично. Во время дискуссии по статье 11 особого Регламента («Каждый член Товарищества имеет право участвовать в голосовании и быть избранным») Толен настаивал, чтобы делегаты избирались исключительно из среды рабочих; Перрашон добавил к этому, что «избирать делегатом гражданина, не являющегося рабочим, означало бы желать гибели Товариществу».[35]

В последовавшей за этим дискуссии два влиятельных члена Генерального совета, Кремер и Картер, упомянули Маркса: по мнению Кремера, без преданности некоторых граждан, занимающихся интеллектуальной работой, «Товарищество не смогло бы полностью сформироваться в Англии. Из этих членов я назову вам только одного, гражданина Маркса, который всю свою жизнь посвятил делу торжества рабочего класса»; Картер отметил, что Маркс отказался на Совете стать делегатом этого первого Конгресса, «значение которого он прекрасно понимает», но «в котором должны участвовать лишь рабочие делегаты». Маркс не стал возражать, когда Толен заявил: «Как рабочий, я благодарю гражданина Маркса за то, что он отказался от полномочий делегата, которые ему предлагали. Поступив подобным образом, гражданин Маркс показал, что в рабочих конгрессах дол-

---

[34] См. французскую программу (подписанную Фрибуром и Лимузеном) в брошюре, опубликованной парижской секцией в октябре 1865 г.; воспроизведена в: La Premiere Internationale, op. cit., p. 18-19. Что касается резолюции, составленной Марксом и Бобчинским и осуждающей «российский деспотизм в Европе», на конференции 1865 года она встретила сопротивление со стороны Ле Любе, Уэстона и Де Папа и затем была отвергнута Женевским конгрессом по инициативе французских делегатов. Cf: La Premiere Internationale, op. cit, I, p. 78. Рязанов не считает «марксистской» антироссийскую позицию Маркса, осуждающую «целый народ от имени МТР». См. его статью: Die auswartige Politik der alten Internationale und ihre Stellungnahme zum Krieg, III// Die Neue Zeit, 18 июня 1915 г.

[35] Cf: La Premiere Internationale, op. cit., I, p. 55.

жны участвовать лишь работники ручного труда. Если мы допустим сюда людей из других классов, не упустят сказать, что конгресс не отражает стремлений рабочих классов, что он работает не на благо трудящихся, и я думаю, надо показать миру, что мы достаточно передовые, чтобы действовать самостоятельно».[36] Это было отзвуком дискуссий, которые шли в феврале-марте 1865 г. в Центральном совете, когда разбирался конфликт в парижской секции, где «работники ручного труда» Толен, Фрибур и Лимузен противостояли «интеллигентам» вроде Лефора и Ле Любе – ссора, по словам Маркса, создававшая впечатление, что «французы действительно нуждаются в Бонапарте!»[37]

---

[36] Ibid., p. 55. О своем отказе ехать в Женеву Маркс писал Кугельману (23 августа 1866 года): «То, что даст эта моя работа, я считаю гораздо более важным для рабочего класса, чем все, что я мог бы сделать лично на каком бы то ни было конгрессе» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 437). Эту работу Маркс рассматривал как *следствие* рабочего движения и, соответственно, деятельности Интернационала: «Оно [Международное Товарищество Рабочих – *ред.*] не искусственное порождение какой-нибудь секты или теории. Оно – плод самопроизвольного роста пролетарского движения, которое, в свою очередь, порождается естественными и непреодолимыми тенденциями современного общества» (Четвертый годовой отчет Генерального совета МТР Брюссельскому конгрессу, 1868 г.// Генеральный совет Первого Интернационала. 1866-1868. Протоколы. М., 1963, с. 250). Вместе с тем теория, по мнению Маркса, могла стимулировать это движение, способствуя самообразованию трудящихся. «Что касается окончательной победы принципов, выдвинутых в «Манифесте», то здесь Маркс всецело полагается на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно было явиться неизбежным плодом совместных действий и обмена мнений» (Энгельс Ф. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 года// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 61.).

[37] Письмо Маркса Энгельсу 13 марта 1865 г. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 84). До этого Маркс уже критиковал французов за упорную недооценку ими пользы, которую могли принести интеллигенты в печати. «Хотя, с другой стороны, это простительно при непрерывных изменах literary men» (25 февраля 1865 г.) (Там же, с. 69). В Женеве именно рабочий Джеймс Картер, кажется, лучше всех понял «науч-

Представления Маркса о политической роли, которую призван был играть Генеральный Совет Интернационала, хорошо иллюстрирует эпизод, связанный с положением в Англии. В этой стране, где промышленный пролетариат был многочислен, но лишен политических прав, он мог, как мыслилось Марксу, используя наследие чартизма, выполнить свою революционную миссию; однако начатое в 1865 году радикальной буржуазией движение за вторую парламентскую реформу привело в 1867 году, после двух лет борьбы, в которую рабочие массы были вовлечены профсоюзными лидерами, лишь к сравнительно незначительному расширению избирательных прав. Обманувшись в своих надеждах – чартистское требование всеобщего избирательного права не было поддержано Лигой реформы, – Маркс, тем не менее, пишет в 1870 году: «Англичане обладают всеми необходимыми *материальными* предпосылками для социальной революции. Чего им недостает, так это *духа обобщения и революционной страсти*».[38] Роль Генерального Совета, по мнению Маркса, заключалась как раз в том, чтобы способствовать «усилению» революционного движения в странах, где в наибольшей степени имелись социальные условия для решающей борьбы между трудом и капиталом.

ное» значение деятельности Маркса: «Пусть люди, которые занимаются экономическими проблемами и которые признают правоту нашего дела и необходимость социальных реформ, участвуют в рабочем конгрессе, пробивая брешь в буржуазной экономической науке». Cf: La Premiere Internationale, op. cit., I, p. 56. См. также отчет Дж. Карда, ibid., p. 80.

[38] Генеральный Совет – Федеральному Совету романской Швейцарии//Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868-1870 гг. Протоколы. М., 1964, с. 276. После поражения движения за вторую реформу – которое Маркс объяснял в основном «предательством» профсоюзных лидеров – он увидел рычаг английской социальной революции в разрыве вынужденного союза между Англией и Ирландией (см. тот же циркуляр); этот его прогноз оказался столь же ошибочным. Но если его предвидения в том, что касалось некоторых *политических* побед английского рабочего движения, в целом за длительное время не сбылись, они, тем не менее, сегодня как и вчера, сохраняют свой характер *революционных постулатов*.

Составляя резолюции Совета, Маркс стремился сделать так, чтобы они могли получить единогласное одобрение делегатов на будущих конгрессах. Учитывая это, кажется удивительным, что, несмотря на почти полное согласие по вносимым на голосование вопросам в Интернационале все же смогли возникнуть конфликты течений, в частности, по поводу функций Генерального Совета, являвшегося, согласно Уставу, исполнительным органом Интернационала. «Марксизм», который можно признать за Интернационалом, содержится в текстах, составленных Марксом, лишь в той мере, в какой он отражал настрой различных групп, чьи идеологические воззрения могли быть самыми разнообразными. И двусмысленность некоторых текстов Маркса отражала именно фундаментальные разногласия в рядах Товарищества. Типичный пример – конфликт, который в итоге разделил секции МТР на «авторитарные» и «антиавторитарные». Взятые в кавычки названия на самом деле представляли собой только эмоциональные термины, которые слегка прикрывали реальное основное различие: между теми, кто видел в «политических средствах», отраженных в уставе 1864 года, решающее оружие в грядущей борьбе, и теми, кто искал такое оружие в других сферах, например, в организации взаимопомощи (кассы, народные банки и т. п.). Однако «политические средства» были открыто или по умолчанию признаны конгрессами в Женеве, Лозанне, Брюсселе и Базеле; и хотя это трудно понять, учитывая имевшиеся в Интернационале разногласия, делегаты, например, Женевского конгресса, не раздумывая проголосовали за предложенную Советом резолюцию об образовании и труде молодежи.

В этой резолюции действительно чувствуется «марксизм», то есть *стиль* Маркса: «Как бы то ни было – наиболее передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса и, следовательно, человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения. Они знают, что в первую очередь надо оградить работающих детей и подростков от разрушительного действия современной системы. Это может быть достигнуто лишь путем превращения *общественного сознания* в *общественную силу*, в данных условиях этого можно добиться только посредством

общих законов, проводимых в жизнь государственной властью. Проведением в жизнь таких законов рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, он превращает в свое орудие ту власть, которая теперь используется против него, он осуществляет путем общего законодательного акта то, чего напрасно добивался бы путем множества разрозненных индивидуальных усилий».[39]

Речь здесь идет, если можно так выразиться, о диалектической или, скорее, революционной интерпретации реформистской программы – о концепции, которая не была отвергнута, по меньшей мере, открыто ни в Женеве, ни даже на последующих конгрессах. Как будто члены Интернационала, вне зависимости от их принадлежности к различным тенденциям и разнообразия теоретических предпочтений, поняли диалектическую силу марксовой аргументации, которая ощущается в некоторых частях доклада о кооперативном труде; вот его начало: «Международное Товарищество рабочих ставит себе целью объединить, направить в общее русло, *стихийное движение* рабочего класса, но отнюдь не диктовать или навязывать ему какие бы то ни было доктринерские системы. Поэтому конгрессу не следует провозглашать какую-либо *особую систему* кооперации, а следует ограничиться изложением некоторых общих принципов.»[40] Продолже-

---

[39] Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864-1866 гг. Лондон-
ская конференция 1865 года. Протоколы. М., 1961, с. 265. Как сообща-
ет нам отчет Дж. Карда, «Конгресс голосует за резолюции в соответ-
ствии с предложениями лондонского Центрального комитета и
французских делегаций» (ibid., p. 76), что служит еще одним свиде-
тельством одобрения *политического* характера хартии Интернациона-
ла (если отбросить предположение о том, что голосования происходи-
ли в атмосфере всеобщего замешательства).

[40] Там же, с. 266. С тех же позиций в марте 1869 года, во время дела
бакунинского «Альянса» Маркс пишет циркуляр, наиболее характер-
ный и наименее «марксистский» отрывок из которого мы приводим:
«Общность действий, установленная Международным Товариществом
Рабочих, обмен идеями, облегчаемый органами печати различных
национальных секций, и непосредственные дискуссии на общих конг-
рессах должны постепенно привести к созданию общей теоретичес-

ние текста написано в том же духе, так что его единогласное одобрение означало полную «капитуляцию» перед «авторитарным коммунизмом»: «Однако, ограниченная карликовыми формами, которые только и в силах создать своими усилиями отдельные рабы наемного труда, кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество. Для того, чтобы превратить общественное производство в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда, необходимы *общие социальные изменения, изменения основ общественного строя*, которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям.»[41]

Здесь можно различить идею диктатуры пролетариата (хотя само слово и не произнесено) – олицетворение которой Маркс, по словам Энгельса, видел в Парижской Коммуне 1871 года, – как этапа развития на пути к обществу, освобожденному от государства и капитала. В тезисах по поводу профсоюзов просматривается социологический аргумент: концентрированной общественной силе капитала трудящиеся при условии осознания ими своей «великой исторической миссии» могут противопоставить собственную, численно превосходящую общественную силу. Так тезис о «полном освобождении» связывается со спонтанной борьбой профсоюзов, которые Маркс приглашает «поддерживать всякое социальное и политическое движение, идущее в этом направлении».[42]

кой программы» (Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868-1870 гг. Протоколы. М., 1964, с. 236). См. также «Мнимые расколы в Интернационале»: устав Интернационала признает лишь «просто «рабочие общества», преследующие одинаковую цель и признающие одну и ту же программу, которая ограничивается тем, что намечает основные линии пролетарского движения, тогда как теоретическая разработка их осуществляется под воздействием потребностей практической борьбы и в результате обмена мнениями в секциях, в их органах и на их съездах, где допускаются все без различия оттенки социалистических убеждений» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 31.

[41] Генеральный Совет..., М., 1961, с. 266.

[42] Там же, с. 267.

Ни один из этих тезисов и постулатов никогда не оспаривался, даже в самые критические моменты междоусобной борьбы «антиавторитаристов» и «авторитаристов».[63] Но если не подлежит сомнению, что в этом конфликте личные антипатии и глубинные, даже национальные[64] фобии исказили суждения противников, не менее верно, что в лице Маркса и Бакунина столкнулись две по существу непримиримые концепции, два метода рабочей борьбы. Переход от изолированной, непоследовательной, спорадической, прерывистой и даже заговорщи-

---

[63] Юрцы признали этот факт, объявив, что до Базельского конгресса «некоторое проявление инакомыслия [...] представлялось нам [...] лишь легкими нюансами во мнениях, а не серьезной принципиальной оппозицией. Генеральный совет, состоявший исключительно из коммунистов, казался нам естественным союзником...» (Cf: Memoire presente par la Federation Jurassienne de l'AIT. Sonvillier, 1873, p. 1). По наивности или незнанию автор этого доклада Дж. Гильом называет *политический*, в сущности, характер хартии Интернационала, который постоянно подчеркивался в резолюциях, предлагавшихся Генеральным Советом, «легкими нюансами»!

[64] Если в своих похвалах Марксу как мыслителю Бакунин превосходит наиболее преданных учеников-«марксистов», которых учитель имел при жизни, то в своих инвективах против Маркса – «еврея и немца» он предвосхищает самую вульгарную юдофобию, какую только знал XX век. Но и Марксу были присущи элементы русофобии, когда он преувеличивал опасности, которыми угрожала Интернационалу заговорщическая деятельность Бакунина. Что касается бакунинской марксофилии и юдофобии, см.: Archives Bakounine, I, Michel Bakounine et l'Italie, 1871-1872, Leiden, 1961, особенно второй том: «La Premiere Internationale en Italie et le conflit avec Marx», 1963, p. 105-111, 115-119, 121-128, 216-220. (Нельзя не сожалеть, что комментатор Артур Ленинг в своих примечаниях поддерживает некоторые «анархистские» мании, искажая облик Маркса. Как иначе понимать, и это лишь один пример, что Ленинг не поместил в приложении такой важный документ, как циркуляр Генерального совета от 9 марта 1869 года, написанный Марксом? Ограничившись цитированием отрывков из него в предисловии (op. cit., p. xxvi), *не указав имени автора*, не хотел ли издатель тем самым скрыть от читателя, что в этом документе Маркс выступил против какой бы то ни было теоретической монолитности?)

ческой деятельности к массовой, скоординированной, сознательной борьбе, организованной как в профсоюзах, так и в рабочих партиях, – такова была суть концепций и методов, определенных уставом 1864 года и неоднократно подтверждавшихся в большей или меньшей степени на конгрессах. Маркс видел в этом смысл рабочего движения своего времени, как, впрочем, и «коллективисты», которые, к тому же, были полностью согласны с «коммунистами» по такому важному вопросу, как национализация земли.[45] Что касается Бакунина, он неоднократно честно заявлял о верности теоретических основ, заложенных Марксом и предназначенных обогатить и усилить революционную сознательность, способствующую движению трудящихся к их освобождению. Если Бакунин отказывался извлечь из разделяемого им теоретического учения политические выводы, которые Маркс считал единственно эффективными в условиях того времени, то не потому, что мог противопоставить им более обоснованную теоретическую концепцию революционных методов и перспектив, но потому, что неспособен был отказаться от склонности к романтизму, сделавшей из него профессионального заговорщика. Конечно, в своей критике определенных сторон поведения Маркса и его учеников Бакунин предвосхитил нынешнюю критику марксистских методов и тактики, но это вовсе не служит аргументом против необходимости революционного просвещения, составляющего элемента «материалистической» социологии. Торжество марксизма означает лишь торжество политической идеологии, которая, объявив себя наследницей идей Маркса, не может избежать разоблачения со стороны социологии, впервые поднявшей социальную критику на высоту этики. Включив тезис о завоевании политической власти в Учредительный Манифест и устав, Маркс вдохнул в хартию рабочего Интернационала критический дух, который сохраняет свою силу перед лицом политических идеологий (не только «марксистских») нашего времени: «Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономичес-

[45] Сезар Де Пап, вожак «коллективистов», на некоторых конгрессах МТР выступал как столп «марксизма». См. его письмо Марксу 16 февраля 1969 года, где он признает, что постепенно «депрудонизируется». Cf: Entre Marx et Bakounine, P., 1974, p. 79.

ских монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата.»[46]

В итоге Первый Интернационал с его интеллектуальными и идеологическими дискуссиями и борьбой оказался более плодотворен в плане того, что он дал для будущего, чем по практическим результатам своей деятельности. Столетие его создания было отмечено появлением множества разнообразной литературы, научных трудов и политических пропагандистских публикаций, но влияние Интернационала на общественную мысль нашего времени в большей степени оказано тем, чего он стремился достичь, чем тем, чего достичь удалось. Историческая роль Интернационала определяется как его деятельностью, так и общим значением его существования, но более предвидениями, нежели достижениями.

Историческое значение Интернационала выходит, следовательно, за временные и пространственные рамки его реального существования. В своей хартии он предвосхитил реалии рабочего движения, каким оно стало в период с 1880 года, когда начался «золотой век» капитализма. Интернационал стал интеллектуальным перекрестком, куда вливались течения прошлого и откуда расходились пути будущего. Роль Маркса состояла в том, что он провозгласил в хартии Интернационала принципы будущего общественного движения, обновив для рабочего класса дух и смысл политической деятельности и определив революционную конечную цель: полное преобразование экономических и социальных, материальных и моральных структур общества. Учредительный манифест и Устав выявили основные тенденции и смысл движения будущего столетия. «Гражданская война во Франции» расширила видение, выраженное в предшествующих текстах. Вся совокупность прокламаций Генерального Совета, написанных Марксом с единственной целью – выразить потребности «реального движения», и образует хартию Интернационала. Только мифотворчество и мистификация могут породить трактовки этой хартии как плода «марксизма», иными словами, готовой

---

[46] Резолюция об уставе, принятая на Гаагском конгрессе МТР, 1872 г.// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 18, с. 143.

доктрины, навязанной извне всезнающим умом аморфной и инертной массе людей в качестве социальной панацеи.[47]

Благодаря Марксу социальные и революционные идеи, которые смутно и отрывочно проявлялись прежде в разношерстной литературной продукции и сектантских опытах, отражавших параллельное развитие промышленности и европейского рабочего движения с первой половины XIX века, обрели гармонию и выкристаллизовались в социальную и политическую теорию, очищенную частично, если не целиком, от идеологического шлака, унаследованного от прошлого. Мечта и утопия претворились, таким образом, в революционную идею-силу, подхваченную массовым движением, имеющим четко определенные политические и экономические цели. Таково важнейшее значение хартии Интернационала, которая отражает в большей степени дух общественного движения, нежели гений политического вождя.

---

47 « Генеральный Совет – не папа римский, [...] мы предоставляем каждой секции придерживаться своих собственных теоретических взглядов на действительное движение, исходя, однако, из предположения, что в них не выдвигается никаких положений, прямо противоречащих нашему Уставу» (письмо Маркса Полю Лафаргу, 19 апреля 1870 г.) (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 564). Накануне Маркс написал то же самое по поводу создания новой секции в Париже (Анри Верле): «Пусть он не дает новой секции [...] никакого *сектантского «названия»*, ни «коммунистическая», ни любое другое. Нужно избегать в Международном Товариществе сектантских *«ярлыков»*. Общие чаяния и стремления рабочего класса проистекают из реальных условий, в которые он поставлен» (Там же, с. 560). И с тем же желанием поставить Интернационал над партиями и доктринами сентябрьская конференция 1871 года принимает резолюцию, запрещающую «отделениям, секциям и группам [...] впредь именоваться сектантскими названиями, как, например, позитивисты, мютюэлисты, коллективисты, коммунисты и т. п.» (Документы Первого Интернационала. Лондонская конференция Первого Интернационала, 17-23 сент. 1871 г.: Протоколы и документы. М., 1988, с. 293). Что касается заявления Энгельса о роли Маркса-«основоположника», можно процитировать замечание иного порядка: «Таким образом, посредством изображения человека как «подлинного основоположника», в то время как на самом деле заложению основ способствовало множество людей и факторов [...], глобальное историческое видение тайно подменяется видением тоталитарным, за которым стоит культ героев и принцип фюрерства.» (Hirsch H. Aufstieg und Niedergang der Ersten Internationale// Denker und Kampfer. Frankfurt, 1955, p. 142.

Легенда о Марксе, или Энгельс-основоположник

Введение

В ознаменование 150-й годовщины со дня рождения Фридриха Энгельса, в мае 1970 года в городе Вуппертале была организована международная научная конференция; собравшиеся по этому случаю пять десятков специалистов из ряда европейских стран, а также из Израиля и США, попытались определить состояние современных исследований идей того, кого повсеместно считают, вместе с его другом Карлом Марксом, одним из основоположников «марксизма». Приглашенный на эту конференцию, я решил представить в качестве дискуссионного текста ряд критических тезисов на тему ответственности Энгельса за генезис господствующей в XX веке идеологии, «марксизма». В рамках более «научного», нежели мемориального мероприятия я счел естественным и необходимым высказать свои критические замечания собранию, знакомому с проблемами, которые ставит эволюция идей в их связи с событиями и потрясениями, отметившими историю XX века. Так что я передал организаторам текст на немецком языке, который озаглавил: «Точка зрения по проблеме «Энгельс как основоположник».

Прибыв в Вупперталь, я, к своему удивлению, был приглашен на встречу организаторами конференции, которые сообщили мне о возникшем затруднении: оказывается, мои советские и восточногерманские коллеги после чтения «Точки зрения» почувствовали себя лично оскорбленными и грозились покинуть

Впервые опубликовано в: *Cahiers de l`ISEA*, serie S, № 15, 1972.

конференцию, если мое выступление не уберут из программы! После долгих переговоров мы пришли к соглашению, призванному успокоить возмущение «ученых» представителей «социалистических» стран: текст не будет зачитан с трибуны, однако допускается его комментирование и обсуждение; возможно составление подробного отчета о дискуссии вокруг «Точки зрения», если высказанные замечания заслужат эпитета «научных», и некоторые участники не откажутся категорически от дебатов, в ходе которых могут быть поставлены под сомнение идеологические позиции «марксизма-ленинизма» в целом. Сам факт такого резко негативного, если не оскорбительного отношения к представленному мною тексту уже может навести непредвзятого наблюдателя на мысль о верности критики, направленной против самого использования понятия «марксизм», злоупотребление которым как раз и осуждается в моей «Точке зрения».[1]

Итоги конференции еще раз подтвердили обоснованность этой критики, которая представляла собой на самом деле защиту социальной теории Маркса от марксистской мифологии. Действительно, организаторы не погнушались даже нарушить элементарные правила общепринятого в «буржуазной» демократии издательского кодекса: «криминальный» текст по просьбе ответственных лиц не вошел в опубликованный сборник материалов конференции, хотя заблаговременно был прислан в Вуппераль.[2]

---

[1] О дискуссии в Вуппертале см.: Skrzypczak H. Internationale wissenschaftliche Engels-Konferenz in Wuppertal// Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der Deutschen Arbeiterbewegung (IWK). Berlin, No 10, 1970, p. 62-81.

[2] Friedrich Engels 1820-1970. Referate-Diskussionen-Dokumente. Internationale wissenschaftliche Konferenz in Wuppertal vom 25-29 Mai 1970. Hannover, 1970. На стр. 255 и далее моя «позиция» прокомментирована следующим образом:
«Чтобы успеть выполнить программу последнего дня, Совет конференции решил отказаться от дискуссии после VI заседания и провести общую дискуссию после VII заседания. Во-первых, Максимильен Рюбель должен был продолжить (?) изложение своей концепции. Он представил на конференцию текст, содержащий дискуссионные фор

Habent sua fata libelli.[3]

Ниже мы публикуем текст, не принятый конференцией в Вуппертале, снабдив его некоторыми комментариями.

мулировки и направленный против Энгельса, но затем не стал зачитывать его перед аудиторией (и неспроста! – М.Р.). Его восемь тезисов, призванных по первоначальному замыслу вызвать дискуссию о сущности марксизма в наше время, можно резюмировать следующим образом: после смерти Маркса Энгельс начал активно использовать термин «марксизм», придуманный врагами Маркса, придав данному понятию позитивное значение. Таким образом, Энгельс стал основоположником гибридной системы мышления, что вовсе не входило в намерения самого Маркса. После смерти Энгельса идеологические зародыши этой системы превратились в концептуальную методологию, неизбежно подчиненную классовым влияниям». Затем в отчете сообщается о критике, которой подверг меня восточногерманский марксист Эрих Хан по вопросу об интерпретации понятия «исторической миссии», хотя отмечено, что «Энгельс в данном случае не был главным объектом дискуссии» (там же).

Можно было бы многое сказать об этом «кратком отчете», резюмирующем мои тезисы, и «критике», которую они вызвали. Но достаточно отметить, что, вовсе не являясь «направленным против Энгельса», мой текст – посредством критики объективно *имевшего негативные последствия* поступка самого близкого и деятельного сотрудника Маркса – метил в ту «марксистскую школу», само существование которой является отрицанием всего того, что Маркс и сам Энгельс сделали для социалистической мысли и рабочего движения. Я по-прежнему считаю, что мой доклад более всех прочих соответствовал подлинной концепции этой конференции: разве не предполагалось на ней «научно» почтить память того, кто придумал понятие «научный социализм», но при этом сознавал, что данное понятие равнозначно «критическому социализму»? Конференция могла по-настоящему воздать почести человеку, чей юбилей она знаменовала собой, лишь руководствуясь следующими словами юбиляра: «Рабочее движение основано на острейшей критике существующего общества; критика является его жизненной стихией; как же может оно само избежать критики, стремиться запретить споры?» (Письмо Энгельса Герсону Триру 18 декабря 1889 г.// Соч., т. 37, с. 277).

[3] Книги имеют свою судьбу (лат.) – *Прим. ред.*

«Точка зрения по проблеме "Энгельс как основоположник"»

Что касается окончательной победы принципов, выдвинутых в «Манифесте», то здесь Маркс всецело полагается на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно было явиться неизбежным плодом совместных действий и обмена мнений.
Ф. Энгельс.
«Предисловие к 4-му изданию "Манифеста Коммунистической партии"», 1 мая 1890 г.
(Соч., т. 22, с. 60)

I

Марксизм явился в мир не как продукт размышлений самого Карла Маркса, он был, бесспорно, порождением ума Фридриха Энгельса. Если термин «марксизм» действительно имеет некое рациональное содержание, то вложено оно не Марксом, а Энгельсом; и хотя спор о Марксе продолжается, сегодня, как и вчера, он затрагивает главным образом проблемы, которых Энгельс совершенно не касался либо же нашел им только частичное разрешение. Помочь проникнуть в эти проблемы – если только они в принципе разрешимы – может только сам Карл Маркс. Речь, конечно, не идет об игнорировании Энгельса, но возникает обоснованный вопрос: в какой мере следует обращаться к нему в ходе всякой дискуссии о тех работах Маркса, которым он в свое время не уделил внимания? В более общей форме вопрос этот можно сформулировать следующим образом: каковы пределы компетенции Энгельса как бесспорного исполнителя интеллектуального завещания Маркса, к которому до сих апеллируют в поисках разрешения материальных и моральных проблем нашего времени?

II

Поставленный вопрос требует рассмотрения в первую очередь характера интеллектуальных взаимоотношений Маркса и Энгельса, «основоположников» совокупности идеологических и политических концепций, искусственно сгруппированных под названием «марксизм». Необходимость постановки такого вопроса определяется склонностью нашей эпохи к мифологизаторству. К тому же напомним, что «основоположники» порой сами обращались к заимствованиям из мифологии, чтобы подчеркнуть особый характер своей дружбы и интеллектуального сотрудничества. Разве Маркс не упоминал иронически пример античных «Диоскуров» или Ореста и Пилада, а Энгельс не высмеивал слухи о том, что «Ахриман-Маркс» совратил «Ормузда-Энгельса» с пути истинного?[4] Можно констатировать также и обратную тенденцию – учащаются попытки противопоставить Маркса Энгельсу: первый, будто бы, является «подлинным» основоположником, а второй принижается до уровня «псевдодиалектика».[5]

---

[4] См.: Письма Маркса Энгельсу 20 января 1864, 24 апреля 1867 гг.; письмо Энгельса Э. Бернштейну 23 апреля 1883 г. Случалось даже, что о двух друзьях говорили как об одном человеке: «Маркс и Энгельс *сказал*» (см. письмо Маркса Энгельсу 1 августа 1856 г.).

[5] См., напр., противопоставление Ирингом Фечером «философии пролетариата» у Маркса и у Энгельса: автор обнаруживает у них различия в подходах к «отрицанию философии» и в интерпретации соотношения между человеческой историей и развитием природы; говорится также о неприемлемости для Маркса концепции «объективной» диалектики природы, трактовки мысли как отражения действительности и т. д. Cf.: Fetscher I. Karl Marx und der Marxismus: Von der Philosophie des Proletariats zur proletarischen Weltanschauung. Munchen, 1967, p. 132. См. также: Hodges D.C. Engels Contribution to Marxism// The Socialist Register, 1965, p. 297-310; Hosky V. Der neue Mensch in theologischer und marxistischer Anthropologie// Marxismusstudien, VII, 1972, p. 58-86.

III

Всякое исследование взаимоотношений Маркса и Энгельса будет заранее обречено на провал, если не отвергнет легенду об «основоположниках» и не возьмет в качестве методического отправного пункта критический анализ самого понятия «марксизм». Заслугой Карла Корша можно считать то, что он, находившийся двадцать лет назад накануне радикального пересмотра своих интеллектуальных воззрений, предпринял попытку критики марксизма, которая была равнозначна объявлению войны. Однако он не осмелился сделать последний шаг: избавить понятие марксизма от мифологических наслоений. Вместо этого он попытался, не без некоторого замешательства, преодолеть затруднение при помощи лингвистических уловок, стремясь сохранить и спасти «важные элементы марксовой доктрины» с целью «реконструкции революционной теории и практики». В его «Десяти тезисах о марксизме сегодня» речь идет то об «учении Маркса и Энгельса», то о «марксистской доктрине», «доктрине Маркса», «марксизме» и т. п.[6] В пятом тезисе, где говорится о предшественниках, зачинателях и продолжателях социалистического движения, Корш даже забывает упомянуть Энгельса, alter ego Маркса! Тем не менее, он был не далек от истины, когда писал:

«Все попытки восстановить марксистское учение как единое целое и в его изначальной функции теории социальной революции рабочего класса являются сегодня реакционными утопиями» (2-й тезис).

Вместо «реакционными утопиями» Корш мог бы сказать «ошибочной мифологией» и тогда приблизился бы к истине.

IV

Ввиду невозможности рационально определить смысл понятия «марксизм» представляется логичным предать забвению сам этот термин, как бы часто и повсеместно он ни использо-

---

[6] Korsch K. Dix theses sur le marxisme aujourd'hui// Arguments, No 16, 1959, p. 26. Текст датирован: «Цюрих, 4 сентября 1950 г.».

вался. Это слово, настолько обесцененное практикой ег
употребления, что превратившееся всего лишь в обманч
вый лозунг, изначально несло на себе печать обскуранти
ма. Сам Маркс пытался отмежеваться от него в последни
годы жизни, когда была прорвана стена молчания вокру
его работ; он безапелляционно заявил тогда: «Я знаю толь
ко то, что *сам я* не марксист».[7] Тот факт, что Энгельс за
вещал потомству это предупреждение, говорит о многом,
но все же не снимает с него ответственность за то, что он

---

[7] Энгельс уточнял, что заявление это было сделано Марксом в адре
того «марксизма» который на рубеже 70-80 гг. XIX века цвел буйным
цветом «среди некоторых французов», но оно в равной степени отно
силось и к группе интеллектуалов и студентов в немецкой Партии,
щеголявших, как и «оппозиционная» печать, «до неузнаваемости иска
женным «марксизмом»» (См. письмо Энгельса в редакцию
«Sozialdemokrat» 7 сентября 1890 г., опубликованное в этой газете 13
сентября 1890 г.// Соч. т. 22, с. 74). «Шутка» Маркса – в которой нема
лая доля предчувствия! – повторялась Энгельсом всякий раз, когда
представлялся случай: см. его письма Бернштейну 3 ноября 1882 г., К.
Шмидту 5 августа 1890 г., Полю Лафаргу 27 августа 1890 г. Русский
революционер Г.А. Лопатин, встречавшийся с Энгельсом в сентябре
1883 г. и беседовавший с ним о революционных перспективах России,
рассказывал впоследствии одному из членов «Народной воли» следу
ющее: «Я вам уже говорил однажды, вы, может быть, помните, что
сам Маркс никогда не был марксистом. Энгельс рассказал, что во вре
мя борьбы Бруса, Малона и Ко против других Маркс однажды, сме
ясь, сказал: «Могу сказать только одно – я не марксист!» » (письмо
Ошаниной см. «Русские современники о Марксе и Энгельсе». М., 1969,
с. 200). Однако отнюдь не в шутливом тоне Маркс описывал впечатле
ние, которое произвели на него во время путешествия по Франции ссоры
социалистов на проходивших одновременно, осенью 1882 г., конгрессах в
Сент-Этьене («поссибилисты») и Роанне («гедисты»). Он писал: «"Маркси
сты" и "*антимарксисты*" [...] – *оба сорта социалистов* – сделали все воз
можное, чтобы затруднить мне пребывании во Франции» (Письмо
К. Маркса Ф.Энгельсу 30 сентября 1882 г.// Соч., т. 35, с. 82). Что каса
ется разногласий Маркса с русскими «марксистами», см. его письмо
Вере Засулич 1881 г. о будущем крестьянской общины в России.

поддался искушению «санкционировать» неоправданное употребление данного термина своим авторитетом. Призванный быть хранителем и последователем теории, в разработке которой он, по его собственному признанию, принял весьма скромное участие,[8] и убежденный в том, что исправит ошибку, восславив имя Маркса, Энгельс пошел на риск содействия генезису суеверия, губительные последствия которого предвидеть не мог. Сегодня, через семьдесят пять лет после его смерти, эти результаты вполне ощутимы. Когда Энгельс решил перенять у своих противников такие выражения, как «марксист» и «марксизм», с целью превратить враждебный ярлык в почетное звание, он и помыслить не мог, что, взяв на себя такую смелость – или, наоборот, уступив обстоятельствам? – станет крестным отцом мифологии, господствующей в XX веке.

---

[8] Формальные заявления Энгельса по этому поводу слишком многочисленны, чтобы приводить их здесь. Скажем лишь, что они не оставляют ни малейшего сомнения в авторстве великих научных открытий, которые все без исключения приписываются Энгельсом одному Марксу. Самым показательным из этих заявлений является, возможно, замечание, включенное Энгельсом в работу, призванную продемонстрировать преемственность немецкой философии провозглашением ее достойнейшего наследника, Карла Маркса, основоположником новой системы. (См.: Энгельс Ф. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».) Именно в этой работе Энгельс официально окрестил теорию именем Маркса: «Но при разложении гегелевской школы образовалось еще иное направление, единственное, которое действительно принесло плоды. Это направление главным образом связано с именем Маркса». То же самое Энгельс повторил в примечании и уточнил: «А того, что сделал Маркс, я никогда не смог бы сделать. [...] Маркс был гений, мы, в лучшем случае, таланты» (Соч., т. 21, с. 300-301). После этого уже не удивляет сделанный в работе вывод, объявляющий Маркса одновременно наследником и создателем философской школы: «Немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии» (там же, с. 317). Так Энгельс сделал крутой вираж.

V

Можно проследить генезис марксистского мифа в связи с развитием конфликтов в Интернационале; потребность поразить противника и его сторонников побудила «антиавторитаристов» вместе с Бакуниным придумать такие словесные конструкции, как «марксиды», «марксисты», «марксизм» и пр. Постепенно ученики Маркса во Франции привыкли к названию, которое не они придумали и которое, будучи призвано поначалу отличать их от других социалистических фракций, в итоге превратилось в политический и идеологический ярлык. Отныне не хватало лишь авторитета Энгельса, чтобы санкционировать использование термина, двусмысленность которого не сразу поняли те, кто употреблял его. Поначалу Энгельс был настроен в отношении использования подобной терминологии резко негативно; он лучше кого бы то ни было сознавал риск вербального обесценивания теории, считавшейся подлинным выражением общественного движения, а отнюдь не доктриной, придуманной некой личностью в интересах интеллектуальной элиты. Сопротивление его ослабло только в 1889 году, когда разногласия между «поссибилистами», «бланкистами», «бруссистами», с одной стороны, и «коллективистами» и «гедистами», с другой, поставили французское рабочее движение под угрозу окончательного раскола, поскольку каждая фракция решила организовать «свой» международный рабочий конгресс. Энгельс находился в явном замешательстве; он попытался воздействовать на ситуацию, впадая в словесную и идеологическую путаницу, то употребляя слово «марксисты» в кавычках, то говоря о «так называемых марксистах». Когда Поль Лафарг выразил опасение, что его группу в рабочем движении будут считать всего лишь одной из многих «фракций», Энгельс ответил ему: «У нас никогда не было для вас иного имени, как «*так называемые* марксисты», и я не знаю, как иначе вас именовать. Если у вас есть другое наименование, столь же краткое, сообщите нам его, и мы охотно будем его применять в надлежащих случаях».[9]

---

[9] Письмо Энгельса П. Лафаргу 11 мая 1889 г.// Соч., т. 37, с. 167. Единожды совершив эту словесную уступку, Энгельс уже не мог пойти на

Если Ницше, боявшийся быть однажды канонизированным своими учениками, опубликовал «Ecce homo», то Маркс не видел необходимости в подобной предосторожности, хотя он успел написать и издать лишь часть всего им задуманного. Опубликованные и рукописные материалы, которые он завещал потомству, равнозначны формальному и решительному запрету на то, чтобы дело, за которое он боролся, и учение, разработку которого он считал служением анонимным массам современного пролетариата, идентифицировались с его именем. Если бы Энгельс уважал данный запрет и, будучи исполнителем посмертной воли Маркса, наложил вето на использование ложного термина «марксизм», такого вселенского недоразумения никогда не произошло бы; однако Энгельс совершил непростительную ошибку – он санкционировал это словесное злоупотребление, заслужив, таким образом, сомнительную славу стать первым «марксистом». Считая себя наследником, он являлся на самом деле основоположником, разумеется, невольным (в связи с этим можно вспомнить о «каре судьбы»). «Ирония истории», столь часто поминаемая Энгельсом, сыграла с ним злую шутку, превратив в пророчество ис-

---

попятный, и ему осталось лишь сделать последний шаг. Он решился на него в тот момент, когда торжество «коллективистов» под руководством Геда и Лафарга, казалось, не вызывало сомнений: «Но позиция, отвоеванная у анархистов после 1873 г., подверглась теперь нападению со стороны их преемников – и, таким образом, выбора у меня не было. Теперь мы победили, мы доказали миру, что почти все социалисты Европы являются «марксистами» (и будут же они беситься, что дали нам это название!), а они, отвергнутые, остались одни с утешителем Гайндманом» (Письмо Энгельса Лауре Лафарг 11 июня 1889 г.// Соч., т. 37, с. 194). Ирония судьбы – тому же самому Гайндману Маркс в свое время отсоветовал использовать его имя в программе новой английской партии: «В партийных программах следует избегать явной зависимости от отдельных авторов или трудов» (Письмо Маркса Гайндману 2 июля 1881 г.// Соч., т. 35, с. 166).

полненные сожаления слова, произнесенные им по случаю своего семидесятилетнего юбилея: «Судьбе было угодно сделать так, что, пережив других, я пожинаю лавры за дела моих умерших предшественников и прежде всего Маркса».[10] В год его стопятидесятилетнего юбилея мы действительно вынуждены признать за ним сомнительную заслугу «основания марксизма».

VII

В истории марксизма как культа Маркса Энгельс стоит в первом ряду. История их глубокой человеческой дружбы, в которой было даже нечто религиозное, исследована в достаточной степени. Однако интересно было бы изучить воздействие этих отношений как на самого Маркса, так и на его отдаленных эпигонов и учеников. Всегда готовый действовать как пионер в изложении и систематизации марксовых теорий, Энгельс, тем не менее, являлся автором многих идей, которые Маркс не мог принимать безоговорочно; молчание Маркса в этих случаях можно объяснить его неизменным стремлением уважать дружбу. Проблему эту, конечно, не стоит преувеличивать, памятуя нескрываемое восхищение Маркса интеллектуальной одаренностью своего друга: он дошел даже до того, что считал себя его учеником.[11] Однако то, чего сам Маркс себе не позволял, становится сегодня совершенно необходимым для преодоления наваждения «марксистской» легенды; это нужно и для определения истинного места работ Энгельса в развитии интеллектуальной традиции социализма и теории рабочего движения.

---

[10] Письмо Энгельса Э.М. Вайяну 5 декабря 1890 г.// Соч., т. 37, с. 434.

[11] «Ты знаешь, что, во-первых, у меня все приходит поздно и что, во-вторых, я всегда следую по твоим стопам» (письмо Маркса Энгельсу 4 июля 1864 г.// Соч., т. 30, с. 342).

VIII

Только если уяснить себе значение того факта, что Энгельс смог превратиться в «основоположника», станет понятно, почему выполнение им задачи издателя и продолжателя рукописей Маркса не может не заслуживать критики.[12] Работы Маркса, которыми Энгельс пренебрег (в их числе подготовительные записи для докторской диссертации, антигегелевская Кройцнахская рукопись, экономическо-философские наброски, сделанные в Париже и Брюсселе, первая редакция «Экономики» 1857-1858 гг., многочисленные тетради заметок и переписка с третьими лицами), не только ставят новые проблемы и открывают новые возможности перед исследователями и специалистами; они также вызывают интерес со стороны новых категорий и поколений читателей, не способных и не желающих больше довольствоваться стереотипной фразеологией профессиональных марксистов, когда речь идет о потребности понять мир, жить и действовать в нашу эпоху идеологических манипуляций, неприкрытого насилия и вызываемых ими страданий.

IX

Изложенные выше тезисы представляют собой приглашение к дискуссии, основной темой которой должна быть проблема марксизма как мифологии нашей эпохи. Сам вопрос о степени ответственности Энгельса за генезис этого мирового суеверия представляется в этой дискуссии второстепенным, ибо, уважая заветы Маркса-«материалиста», можно утверждать, что идеологии, к которым мы относим все варианты марксизма, не с луны сваливаются: все они по сути своей связаны с классовыми интересами, а значит, с интересами господства. Достаточно признать в Энгельсе законного наследника идей Маркса, чтобы именем его и его славы осудить марксизм, ставший школой заблуждений и путаницы нашего железного века.

---

[12] Маркс никогда не приписывал себе ни «основание» «исторического материализма», ни открытие «прибавочной стоимости». Однако он молчаливо одобрил заявившего об этом Энгельса. См., напр., статью 1877 г. для альманаха «Volks-Kalender» (Энгельс Ф. Карл Маркс// Соч., т. 19, с. 105-115.

Большевизм и марксизм

Тему, сформулированную в заглавии данной статьи, можно рассматривать в трех различных аспектах: 1) исследовать отношения между большевизмом и другими российскими марксистскими течениями, например, «легальным марксизмом» и меньшевизмом, (учитывая также тенденции внутри самой большевистской партии); 2) провести сопоставление большевизма с западной марксистской школой; 3) сопоставить большевизм с так называемым классическим марксизмом, то есть с учением Маркса и Энгельса.

Сосредоточившись на последней теме, я вынужден буду лишь слегка коснуться двух первых. Поэтому я не претендую на большее, чем изложение ряда общих тезисов, из которых вытекают, однако, вполне определенные выводы.

Первый вопрос, который предлагается на рассмотрение: действовали ли большевики в 1917 году в соответствии с общественной теорией Маркса и Энгельса? Для ответа на этот вопрос необходимо четко представить себе эту теорию и сравнить ее не только с большевистским марксизмом, как он отображен, например, в теоретических работах Ленина, но и с политикой партии большевиков в 1917 году.

В том, что писали Маркс и Энгельс о социальном будущем царской России, нашла точное отражение их общая концепция исторического развития. Поэтому следует напомнить об их отношении к России. Известно, какую ненависть вызывала у них идея самодержавия. Царизм являл собой законченное воплощение

Впервые опубликовано в: *Revolutionary Russia*/ Ed. by R. Pipes. Cambridge (MA), 1968.

этой идеи, еще более яркое, чем прусская монархия и бонапартизм. У Маркса недоверие к русским граничило с фобией, хотя позднее это не помешало российским либералам и даже революционерам (сам Маркс не раз жаловался на это) обратить не него свои пристальные взгляды. Разве не предостерегал он на протяжении четверти века относительно мессианских претензий России на мировое господство? В 1856-1857 гг. он написал для «Фри Пресс», органа отъявленного русофоба Дэвида Уркарта[1], историческое исследование в совершенно уркартовском стиле. Достаточно одного отрывка, чтобы составить представление об этой работе, озаглавленной «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»:

« Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала virtuoso в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира».[2]

---

[1] Уркарт Д. (1805-1877) – английский политический деятель, дипломат, публицист. Находясь в оппозиции правительству Великобритании, выступал за активное противодействие внешнеполитической экспансии царской России. Придерживался протурецкой ориентации. – *Прим. ред.*

[2] Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века// Вопросы истории, 1989, № 4, с. 11. Впервые опубликовано: Revelations of the Diplomatic History of the Eighteenth Century// Free Press, 25.02.1857. Работа печаталась с продолжением с 23 августа 1856 по 1 апреля 1857 гг. Она задумывалась как введение к более обширному труду (см. К. Маркс, «Господин Фогт»). Переиздана под заголовком “Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century” в 1969 г. в Лондоне. «Разоблачений» нет ни в первом, ни во втором советском издании «Сочинений» Маркса и Энгельса, отсутствуют они и в аналогичных изданиях, публиковавшихся в Восточной Германии. Подробный перечень того, что писал Маркс и Энгельс о России, можно найти в: Krause H. Marx und Engels und das zeitgenossische Russland. Giessen, 1958.

Можно обнаружить, что отношение Маркса стало менее негативным, когда он наблюдал за первыми признаками социальной революции в России: освобождением крестьян после Крымской войны и царской политикой в отношении крестьянства в 1860-е годы. Но социальные и экономические проблемы России по-настоящему привлекли его внимание лишь после его знакомства с русскими революционерами. Возникал вопрос: удастся ли этой стране избежать судьбы Западной Европы, то есть капитализма, частной собственности, буржуазного государства? Сумеет ли она решить фундаментальную задачу строительства нового общества, основанного на общинной собственности и кооперации производителей, свойственных крестьянской общине?

Побуждаемый экономистом Н.Ф. Даниельсоном, переводчиком «Капитала», Маркс погрузился в исследование архаичных и азиатских форм собственности на землю. И сделал вывод, согласившись в данном случае с народниками, что при определенных условиях российская крестьянская община может стать отправной точкой для грядущей социалистической революции и даже позволить стране миновать стадию капиталистического накопления. Уступив настоятельным просьбам Маркса, Энгельс в 1875 году опубликовал ответ на критику со стороны П. Ткачева, российского ученика Огюста Бланки. В форме открытого письма Ткачев упрекал Энгельса в непонимании социального устройства России и ее революционных перспектив. Россия – земля обетованная для социализма, утверждал Ткачев, поскольку она никогда не знала ни буржуазии, ни пролетариата и основывалась, напротив, на общинных институтах, *артели* и *мире*. Оставалось лишь решить политическую задачу: революционное меньшинство должно свергнуть царизм и взять в свои руки государственную власть. Вот что, вкратце, отвечал на это Энгельс: безо всякого сомнения, социальная революция в России стоит в повестке дня, но при отсутствии мощного городского пролетариата и сильной капиталистической буржуазии эта революция не сможет обрести социалистический характер. Иными словами, подобная перспектива невозможна, ибо производительные силы недостаточно развиты; именно в их развитии заключе-

стся функция капитала и буржуазии. У Энгельса не вызывало никакого сомнения, что общинные формы труда и собственности свидетельствуют о глубинном стремлении русского народа к производственной кооперации, однако это едва ли служило доказательством наличия у него мессианской устремленности к социализму или независимости российского движения от западных. Хотя развитие капитализма угрожает *мифу*, последний может стать основой русского социализма – но лишь при одном условии: прежде пролетарская революция должна победить в Западной Европе. А пока русским (и европейским) революционерам следует мобилизовать все силы народа на свержение царизма.[3]

Два года спустя Маркс лично вступил в дискуссию. Публицист Н.К. Михайловский подверг критике его философскую систему, тезис о неизбежности капиталистического этапа в развитии любой страны. Стремясь раз и навсегда положить конец подобной интерпретации своих идей, Маркс заявил, что анализировал западный капитал и вовсе не выводил из своего исследования «историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы». Чтобы понять историю, следует рассматривать информацию эмпирически, в деталях и в целом, а не полагаться на какую-то особую философскую теорию. Что касается социального будущего России и надежд на русскую общину, Маркс высказывал свое мнение, основанное на длительном исследовании российских и других источников: «...Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, – а за последние годы она немало потрудилась в этом направлении, – она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы».[4] До самой свой смер-

---

[3] Энгельс Ф. О социальном вопросе в России// Соч., т. 18. Cf: Pipes R. Russian Marxism and its Populist Background: The Late Nineteenth Century// The Russian Review, October 1960, p. 316-337.

[4] Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок»// Соч., т. 19, с. 120.

ти Маркс не скрывал симпатий к стремлениям народников, несмотря на серьезные теоретические и политические разногласия, возникшие в связи с этим между ним и первыми русскими марксистами. Он с сарказмом относился к тем революционерам, «кто *добровольно* покинул Россию [...], чтобы вести *пропаганду в России*, они уезжают *в Женеву*! Что за *quid pro quo*![5] Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они подготовляют этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина».[6]

Следует отметить, что в данном случае Маркс имел в виду русских социалистов в Женеве, объединившихся после раскола «Народной воли» вокруг журнала «Черный передел». К этой группе принадлежали Г. Плеханов, П.Б. Аксельрод и Вера Засулич, три будущих «Нестора» русского марксизма: люди, которых Маркс называл анархистами и утопистами, одновременно восхищаясь террористической группировкой «Народной воли», чьи активисты рисковали жизнью, на месте борясь против царизма. Прежде чем искать убежища в Женеве, Вера Засулич покушалась на жизнь Петербургского градоначальника, присяжные ее оправдали. Она присоединилась к женевской группе «Черного передела» и от ее имени написала Марксу, чтобы узнать его мнение по «вопросу жизни и смерти», который заключался в следующем: либо сельская община способна привести к социализму, и в этом случае революционеры должны отдать все свои силы на благо ее освобождения и укрепления; либо же она обречена на исчезновение, и русским социалистам остается лишь прогнозировать скорость развития капитализма на их родине, а их деятельность должна заключаться в пропаганде среди городского пролетариата. Второй тезис, утверждала Вера Засулич, поддерживают «марксисты», но согласен ли с ним сам Маркс?[7]

---

[5] *Quid pro quo* – подмена одного другим, путаница (лат.).
[6] Письмо Маркса Ф.А. Зорге, 5 ноября 1880 г.// Соч., т. 34, с. 380.
[7] Письмо В. Засулич Марксу, 16 февраля 1881г.// К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

В своем ответе, несколько набросков которого сохранилось, Маркс попытался обрисовать общие направления своего анализа. Это очень краткое изложение, и мы можем предполагать, что болезнь помешала ему продолжить работу: два года спустя он умер. Отказываясь объявлять капитализм заведомо «исторически необходимым» повсюду, он отвечал Вере Засулич: «Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.»[8]

Так Маркс провел черту между собой и своими российскими учениками, «марксистами», которые не желали больше видеть альтернативы развитию России по капиталистическому пути. По его мнению, капитализм являлся для России лишь одним из возможных вариантов развития, другой же олицетворяла крестьянская община. Год спустя он написал вместе с Энгельсом предисловие к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии», где говорилось: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития».[9]

После смерти Маркса Энгельс продолжил дискуссию с русскими народниками и марксистами, но не выступил решительно в поддержку той или иной концепции.

---

[8] Письмо Маркса В. Засулич, 8 марта 1881 г.// Соч., т. 35, с. 137.

[9] Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии»// Соч., т. 19, с. 305.

Безо всякого преувеличения можно заметить в суждении Энгельса о первых шагах русского марксизма глубокую критику, если не осуждение, политической стратегии, отстаиваемой русскими учениками Маркса, и политической тактики нового поколения русских марксистов, сформировавшегося после смерти Маркса. Верность замечаний Энгельса и молчание большинства современных марксистов (особенно из «социалистических» стран) побуждают нас напомнить его высказывания.

Вот письмо Г.А. Лопатина, написанное через несколько месяцев после смерти Маркса. В нем рассказывается о разговоре с Энгельсом:

«Мы много говорили о русских делах и о том, как пойдет, вероятно, дело нашего политического и социального возрождения [...]. [Энгельс] тоже считает (как и Маркс, как и я), что задача *революционной* партии или партии *действия* в России в данную минуту не в пропаганде нового социалистического идеала и даже не в стремлении осуществить этот далеко еще не выработанный идеал с помощью составленного из наших товарищей временного правительства, а в направлении всех сил к тому, чтобы 1) или принудить государя созвать Земский собор 2) или же путем устрашения государя вызвать такие глубокие беспорядки, которые привели бы иначе к созыву этого *Собора* или чего-либо подобного. Он верит, как и я, что подобный Собор *неизбежно* приведет к радикальному, не только политическому, но и социальному переустройству. Он верит в громадное значение избирательного периода, в смысле несравненно более успешной пропаганды, чем все книжки и сообщения на ухо. Он считает невозможной чисто либеральную конституцию, без глубоких экономических перестроек, и потому не боится этой опасности. Он верит, что в *фактических* условиях народной жизни накопилось достаточно материала для перестройки общества на новых началах. Конечно, он не верит в моментальное осуществление коммунизма или чего-либо подобного, но лишь того, что уже назрело в жизни и в душе народа. Он верит, что народ сумеет найти себе красноречивых выразителей своих нужд и стремлений и т. д. Он верит, что, раз начавшись, это переустройство, или революция, не может быть

устранено никакими силами. Важно поэтому только одно: разбить роковую силу застоя, выбить на минуту народ и общество из состояния косности и неподвижности, произвести такой беспорядок, который принудил бы правительство и народ заняться внутренним переустройством, который всколыхнул бы спокойное народное море и вызвал бы всенародное внимание и всенародный *энтузиазм* к делу полного общественного переустройства. А результаты явятся сами собою, и именно те, которые возможны, желательны и осуществимы для данной эпохи. Все это чертовски кратко, но обстоятельнее я теперь писать не могу. К тому же все это, быть может, не вполне понравится Вам, а потому спешу передать Вам с буквальной точностью другие его [Энгельса] мнения, которые очень лестны для русской революционной партии. Вот они: «Все зависит теперь от того, что будет сделано в ближайшем будущем в Петербурге, на который устремлены ныне глаза всех мыслящих, дальновидных и проницательных людей целой Европы. Россия – это Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива *нового* социального переустройства».[10]

В феврале 1885 года Вера Засулич написала Энгельсу, чтобы узнать его мнение о книге Плеханова «Наши разногласия». Энгельс ответил, что прочитал лишь шестьдесят страниц, и этого оказалось достаточно, чтобы «более или менее ознакомиться с разногласиями, о которых идет речь». Далее он писал:

«Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса – основное условие всякой *выдержанной и*

---

[10] Письмо Г.А. Лопатина Н.М. Ошаниной, 20 сентября [1883] г.// Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 200-201.

последовательной революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны. [...] То, что я знаю или думаю, что знаю, о положении в России, склоняет меня к тому мнению, что страна приближается к своему 1789 году. Революция должна разразиться в течение определенного времени; она может разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной мине, к которой остается только поднести фитиль. Особенно – с 13 марта. Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова), и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-либо бланкистская фантазия – вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора – имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге. Раз уж порох будет подожжен, раз уж силы будут высвобождены, и народная энергия из потенциальной превратится в кинетическую (тоже излюбленный и очень удачный образ Плеханова), люди, которые подожгли фитиль, будут подхвачены взрывом, который окажется в тысячу раз сильнее их и будет искать себе выход там, где сможет, в зависимости от экономических сил и экономического сопротивления.

Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, – ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, – поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им большую силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что *сделанная* революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели. Посмотрите на Бисмарка – этого революционера поневоле – и Гладстона, который в конце концов запутался со своим обожаемым царем.

По-моему, самое важное – чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подаст ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, для меня не столь важно. Пусть это будет дворцовый заговор, он будет сметен на другой же день. В стране, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом, все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, – стоит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год».[11]

В разговоре с Каутским Энгельс снова коснулся книги Плеханова. Вот что пишет об этом Каутский в письме Бернштейну:

«Энгельс сейчас читает новую брошюру Плеханова. Он находит ее очень интересной, в целом теоретически верной, а местами совершенно замечательной. В устах Энгельса это, конечно, великая похвала. Однако, хотя брошюра очень нравится ему в плане *теоретическом*, он считает ее *тактические* положения – не скажу неверными, но несвоевременными. Сегодня в России, утверждает Энгельс, речь идет не о какой-то программе, а о *революции*. Когда она начнется, к власти в России придут не социалисты, а либералы. И лишь когда под воздействием этой революции в Западной Европе победит революция социалистическая, такая победа получит резонанс в России и подтолкнет ее к социализму.

Те, кто будет делать революцию в России, не смогут довести ее до конца. И важно даже не столько понимание ими теории, сколько их энергия. Что сегодня необходимо в России, так это объединить все динамичные элементы, без различия программ,

---

[11] Письмо Энгельса Вере Засулич, 23 апреля 1885 г.// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1964, т. 36, с. 260, 263.

и перейти к действию. Плеханов не прав, нападая на «Народную волю», людей, которые сейчас единственные могут что-то сделать в России, даже если с точки зрения теории правота на его стороне. Сегодня в России речь идет о свержении царизма и всеобщем союзе ради достижения этой цели. Энгельс всегда будет на стороне тех, кто *действует* подобным образом, даже если программы их непоследовательны. Впрочем, Плеханову не следует забывать, в каких условиях эти программы писались и что, в конце концов, в решающий момент (март 1883 г.) именно те, на кого он нападает, составили программу, достойную лучших людей государства. Вот что заявил мне Энгельс».[12]

Особенно интересны размышления о перспективах капитализма в России, изложенные Энгельсом в письмах к Даниельсону, который упорно возлагал надежды на будущее русской общины. Вот что писал ему Энгельс:

«Могла бы Россия в 1890 году существовать и удерживать независимое положение в мире как чисто сельскохозяйственная страна, живущая за счет экспорта своего зерна и покупающая за него заграничные промышленные изделия? Я думаю, что мы с уверенностью может ответить – *нет*. Стомиллионный народ, играющий важную роль в мировой истории, не мог бы при современном состоянии экономики и промышленности продолжать оставаться в том состоянии, в каком Россия находилась вплоть до Крымской войны. Введение паровых двигателей и машинного оборудования, попытки изготовлять текстильные и металлические изделия, хотя бы только для отечественного потребления, при помощи современных средств производства, *должны* были иметь место раньше или позже, но во всяком случае в *какой-то* момент между 1856 и 1880 годами. Если бы этого не произошло, ваша домашняя патриархальная промышленность все равно была бы разрушена конкуренцией английского машинного производства, и в результате получилась бы Индия – страна, экономически подчиненная великой центральной мастерской – Англии. [...]

---

[12] Письмо Каутского Бернштейну, 30 июня 1885 г. Cf: Eduard Bernstein Briefwechsel mit Friedrich Engels/ hrsg. von H. Hirsch. Assen, 1970, p. 437.

Все правительства, даже самые абсолютистские, *в конечном счете* только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они могут делать это по-разному – хорошо, плохо или посредственно; они могут ускорять или замедлять общественное развитие с вытекающими из него политическими или юридическими последствиями, но в конечном итоге должны следовать за этим развитием. Были ли те средства, с помощью которых осуществилась промышленная революция в России, наилучшими для данной цели, это особый вопрос, обсуждение которого завело бы нас слишком далеко. Для моей цели достаточно, если я смогу доказать, что эта промышленная революция была сама по себе неизбежна»[13].

Хотя социологическому и политическому учению Маркса и Энгельса действительно присуща определенная двойственность, их интеллектуальное завещание своим российским ученикам, народникам и марксистам, совершенно однозначно. Они привлекли внимание народников к тому факту, что выживание и развитие сельской общины зависит как от падения царизма, так и от пролетарской революции на Западе; и в то же время они советовали русским марксистам отбросить всякое идеологическое сектантство и сосредоточить свою деятельность на достижении одной цели: объединении всех динамичных элементов российского общества в борьбе за свержение самодержавия. В разговоре с А. Воденом Энгельс напомнил ответ Маркса Михайловскому, выразив надежду, что взятие власти социал-демократией на Западе совпадет по времени с политической и аграрной революцией в России. Ему же он выказал свое недовольство тем, что марксисты, русские и не только, выдергивают цитаты из работ Маркса или его собственных вместо того, чтобы задуматься о том, как бы сам Маркс поступил на их месте[14].

---

[13] Письмо Энгельса Н.Ф. Даниельсону, 18 июня 1892 г.// Соч., 1965, т. 38, с. 313-314.
[14] Воден А. На заре «легального марксизма»// Летописи Марксизма, 1927, № 4.

созрела для утверждения в ней социалистической экономики, и следовательно, необходимо было пройти через первые этапы капиталистического накопления; обе марксистские партии были готовы войти в правительство и управлять страной, в которой подавляющее большинство населения составляло крестьянство. С самого начала обе партии поверили в харизму интеллектуальной элиты, в свою роль в деле преобразования России на европейский лад. Основатели РСДРП первоначально колебались, думая назвать ее просто «рабочей партией»; но воздержались от этого и правильно сделали, потому что в ее рядах не было практически ни одного настоящего рабочего.

Революционная деятельность являлась прежде всего делом интеллектуалов, которые зачастую выражали недовольство участием российских рабочих в чисто «экономической» борьбе. Политическая литература 1890-х годов полна утверждений об ограниченности российского пролетариата: он не шел дальше защиты своих сиюминутных интересов. Струве сделал из этого выводы и стал либералом. Ленин сделал свои – в корне отличные. Следуя за Плехановым и Аксельродом (учениками Каутского), он мыслил партию как элиту, наделенную основной – интеллектуальной или научной – миссией: внушить трудящимся «социалистическое сознание». Так благоговение перед пролетариатом оборачивалось нарциссическим восхищением самими собой, и гегемония пролетариата, за которую ратовали «научные социалисты», становилась гегемонией, поначалу интеллектуальной, а вскоре политической, профессиональных революционеров. Понятно, почему Аксельрод хотел предложить демократам и либералам временный союз ради свержения самодержавия, не осуждая при этом Ленина, который предпочитал методы конспирации и якобинской централизации руководства.

Являлись ли большевики, строго говоря, марксистами? Или большевизм следует рассматривать как искажение марксизма? Эти вопросы можно интерпретировать двояко. Представляли ли себе большевики грядущую русскую революцию как революцию буржуазную? Следовали ли они в своей политической практике советам, которые Маркс и Энгельс давали своим российским

ученикам? Парадоксально, но на первый вопрос можно ответить утвердительно – в том смысле, что большевики думали и действовали как буржуазные революционеры не только до 1917 года, но и после взятия ими власти. Используя «марксистскую» лексику, можно сказать, что они были «объективно» буржуазными. То же самое справедливо и в отношении другого течения в российской социал-демократии – меньшевиков. Боготворя пролетариат и одновременно не доверяя спонтанным инициативам российских рабочих, их «экономическому» движению, русские марксисты инстинктивно благоговели перед капитализмом, вплоть до возведения в догму частного случая развития капиталистического способа производства, описанного Марксом. Эта двойственная со всех точек зрения позиция отражала саму суть идеологии, принявшей окончательную форму лишь после октября 1917 года, – русского марксизма[15].

Маркс предвидел, что, упустив шанс на возрождение при опоре на крестьянскую общину, Россия переживет опыт буржуазно-капиталистической революции; те, кто будет стоять у власти в переходный период, кем бы они ни были, вынуждены будут принимать меры, необходимые для быстрого развития промышленности. Именно так поступили большевики и их союзники, марксисты или не марксисты: выполняя «историческую» роль побежденного класса буржуазии, они объективно действовали согласно «закону экономического развития буржуазного общества». Можно сказать, что они были такими же «марксистами», как и «ньютонианцами», поскольку двигались и падали, подчиняясь закону всемирного тяготения. Маркс оказался пророком,

---

[15] См. превосходные замечания Дитриха Гейера о первых учениках Маркса в: Lenin in der russischen Sozialdemokratie. Die Arbeiterbewegung im Zarenreich als Organisations, problem der revolutionaren Intelligenz 1890-1903. Koln-Graz, 1962, p. 16-35. На происхождение русского марксизма проливает свет ряд недавних работ, в частности: Haimson L.H. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge (MA), 1955; Keep J.L.H. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963; Pipes R. Social Democracy and the St Petersburg labor Movement 1885-1897. Cambridge (MA), 1963.

ства», начали отказываться «выполнять свою капиталистическую [...] функцию».[10] Этой функции соответствовал теперь новый тип государственной власти, империалистическое государство, основывающееся на производственных отношениях государственного капитализма. Возникновение этой новой формы капитализма доказывает, что начинается эра коммунизма; задача пролетариата, воспринимающего в данном случае капиталистические методы, – установить свою диктатуру, организоваться в качестве государственной власти. «Переходный период» представляет собой широкомасштабный социальный кризис, отмеченный частичным разрушением производства, гражданской войной, параличом производственного процесса, но также и формированием новой общественной структуры и новой системы человеческого труда как единственно возможной предпосылки этапа «первоначального социалистического накопления». Осуществляемая посредством этого «мобилизация живой производительной силы» не менее необходима социализму, чем капитализму. Она является основным фактором «первоначального социалистического накопления»,[11] включающего в себя подавление эксплуатации и добровольную организацию трудящихся масс.

В своих теоретических построениях Бухарин не забыл ни Гегеля, ни Маркса. Поскольку, согласно Марксу, переход от феодализма к капитализму сопровождался использованием государственного принуждения и насилием, выступавшим в качестве повивальной бабки при рождении нового общества, Бухарин также видит в революционном насилии повивальную бабку, способствующую возникновению нового экономического устройства. Аналогия с переходными периодами прошедших эпох доведена до предела, но на сей раз все формы принуждения объявляются порождениями «самодеятельности» рабочего класса; «свобода труда», будучи при капитализме чистой фикцией, ликвидирована и заменена трудовой повинностью и государственным распределением рабочей силы согласно приказаниям аппарата диктатуры.

[10] Там же, с. 126.
[11] Там же, с. 161.

Философу-большевику потребовалось десять глав из одиннадцати, чтобы подготовить читателя к главному – теоретическому обоснованию пролетарского и социалистического характера русской революции. Не упущено ни одной диалектической хитрости, чтобы свести на нет материалистическую концепцию истории – причем со ссылками на ученого, который, по словам Энгельса, ее открыл. Маркс считал, что неравномерность экономического развития предоставляет высокоразвитым и пролетаризированным странам исторический приоритет на пути к коммунизму через промежуточный этап диктатуры, осуществляемой хорошо организованным и составляющим значительное большинство населения пролетариатом. Однако, на взгляд Бухарина, это экономическое неравенство благоприятствует если не «строительству социализма», то уж точно пролетарской революции в наименее развитых странах! Вот весь теоретический секрет открытия большевиков: *экономическая* незрелость промышленно отсталой страны гарантирует *политическую* зрелость ее пролетариата, хотя и более малочисленного, чем крестьянство. Однако «победоносная революция» вовсе не ведет здесь к победе более прогрессивного типа экономики. Таковы непрочные основы пресловутой «теории» «самого слабого звена», которую Бухарин самостоятельно, не прибегая к модификации, то есть «исправлению» взглядов учителя,[12] попытался примирить – с помощью явных трюизмов – с социологическими принципами «научного социализма».

Исходный постулат Бухарина – это процесс распада капитализма как мировой системы, достигшей стадии наивысшей концентрации в форме государственного капитализма. Практически интегрированный в социальную структуру экономики, пролетариат становится, так сказать, сообщником буржуазии, однако вследствие кризисов и войны мировая экономика терпит крах. «С каких звеньев должен был начаться этот крах? Само собой понятно, что он должен был начаться как раз с тех звеньев, кото-

---

[12] П. Тольятти приписывал заслугу «исправления» Маркса Ленину. См. его доклад ЦК Компартии Италии, «Унита», 26 июня 1956 г.

рые были финансово-капиталистически наиболее слабы. Действительно, благодаря концентрации власти в руках буржуазии государственный капитализм сумел оказать мощное сопротивление рабочему движению. «Поэтому крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народнохозяйственных систем с наименее развитой государственно-капиталистической организацией».

«Хронологическая» последовательность пролетарских революций не зависит от высоты «типа революции». Чем более концентрирован пролетариат, тем выше будет тип революции – но тем труднее станет ее победа! В России, не имевшей колоний (эксплуатация которых могла приносить выгоду даже пролетариату), имело место лишь зарождение государственного капитализма, государственный аппарат был относительно слаб; поэтому именно здесь «революция пролетариата произошла раньше всего». Но причины этой легкой победы «диалектически» оборачиваются причинами значительных трудностей: отсталая экономика, разобщенный труд мелких собственников, жаждущее земли крестьянство. В Германии, например, такого не будет. Победа в ней пролетариата станет более трудной и придет позднее, однако «тип» революции окажется «выше». И Бухарин формулирует «общее положение» относительно революционного процесса в мировом масштабе:

«Мировой революционный процесс начинается с низших по своему уровню частичных систем мирового хозяйства, где победа пролетариата легче, но кристаллизация новых отношений труднее; скорость наступления революции обратно пропорциональна зрелости капиталистических отношений и высоте типа революции».[13]

Не только выдумкой данного «принципа», но, главное, своими концепциями «мобилизации живой силы труда», «момента первоначального социалистического накопления» и «внеэкономического принуждения в переходный период» (глава X) этот «любимец партии» заложил основы политической идеологии большевизма; в течение семнадцати лет он пользовался долготерпением Сталина, обязанного ему самыми красивыми костю-

---

[13] Бухарин Н.И. Там же, с. 200-202.

мами для роли «гениального вождя народов». Сталин, правда, ничуть не нуждался в диалектических тонкостях, чтобы осуществить на практике тезисы и постулаты, сформулированные Лениным, Троцким, Преображенским, Бухариным и другими теоретиками большевистской партии; это теоретическое наследие в его глазах годилось лишь для оправдания насильственной коллективизации, безудержной милитаризации и физической ликвидации людей, и в этом смысле бухаринское определение – «самое слабое звено» – обретает значение истины.

II

Экономическое и общественное развитие является эмпирическим фактом, выявление законов этого развития может стать результатом исследовательского труда, основанного на наблюдении и анализе исторических явлений. Маркс достаточно рано описал свой исследовательский метод, но достиг методологической ясности лишь в процессе постоянного пересмотра и обновления своих открытий. Его, дитя XIX века, привлекала модель естественных наук, но одновременно он сознавал различия между аналитическими методами физика, химика, биолога, анатома и методами экономиста. Он согласился – быть может, слишком поспешно – с восторженной интерпретацией одного русского критика, утверждавшего, будто обнаружил в трудах Маркса аналогии между экономическим развитием и биологическими явлениями, и признал за этим интерпретатором заслугу удачного описания диалектического метода, использованного в «Капитале» и «прямо противоположного» методу Гегеля. В своем анализе внутренних отношений процесса капиталистического производства Маркс стремился не ограничиваться очевидным, а раскрывать скрытый механизм явлений, познаваемых непосредственно на опыте. Очевидное – это неравномерность развития капиталистического способа производства, грубое насаждение которого в привилегированных районах земли открывает, в силу собственных законов развития, эру его всемирной экспансии. Скрытый механизм – это совокупность факторов, определяющих процесс эволюции капиталистической системы:

«Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой ступени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране картину ее собственного будущего».[14]

Таким образом, допустить существование «закона» неравномерного развития (в работах самого Маркса упоминаний о таком «законе» нет) значит одновременно признать необходимость для слаборазвитых стран следовать примеру стран, исторически оказавшихся в лучшем положении. Поскольку ход и направление процесса развития заданы с неизбежностью, его «законы» и «тенденции», выявленные путем научного анализа, должны, в конечном итоге, навязать свое воздействие классам и личностям, вовлеченным в революционную и политическую деятельность. Исследование и анализ неравномерного развития как эмпирического явления, могут, конечно, подсказать некие экономические и политические меры, но применять их необходимо с учетом социальных условий и границ исторически возможного – в противном случае самые «революционные» на вид меры лишь усугубят «муки родов» вместо того, чтобы «облегчить» их, и даже приведут к роковому поражению.

Вовсе не являясь рецептом «перескакивания» и «отмены декретами» этапов, предначертанных историей каждому развивающемуся обществу, *этический* постулат, подразумеваемый марксовым пониманием неравномерного развития, приглашает к поиску средств «сократить» и «смягчить» страдания, которые всякая глубокая мутация вызывает у живого организма.[15]

---

[14] Маркс К. Предисловие к первому изданию первого тома «Капитала»// Соч., т. 23, с. 6-9.

[15] Мы не устанем напоминать, что социалистическая этика – определенная Марксом и Энгельсом как «утопическая» – содержится в сохраненном и сублимированном виде (aufgehoben) в так называемом научном социализме, который является не чем иным, как термином, обозначающим теоретическую функцию этического социализма. Cf: Rubel M. Introduction/ Pages de Karl Marx pour une ethique socialiste. P., 1970.

Редко употребляемый Марксом термин «неравномерное развитие» связан с центральным тезисом материалистической концепции истории; мы обнаруживаем его в различных формулировках, как то «разное развитие», «фазы» или «уровни» развития и т. д. В числе прочих «неравномерностей» «материалиста» Маркса не перестают удивлять и интересовать «отсутствие прямой связи между материальным производством и развитием искусства», а также контраст между экономическими условиями и юридическими институтами: не в силах разгадать тайну «извечного шарма» греческого искусства, модели, которой постоянно подражали, так и не сумев превзойти, он приходит к отрицанию вульгарного представления о прямолинейности прогресса. Такая неоднозначность суждений, свидетельствующая об интеллектуальном любопытстве, свободном от всякой политической предвзятости, легко дает повод к критике и неверным толкованиям. Но хотя принципы «материалистической» теории допускают различные оттенки и нюансы, они категорически несовместимы с такими «модификациями», которые означают, в сущности, их отрицание.

Две формулировки «материалистического» принципа, одна сделанная в связи с социальным развитием Германии, а другая – России, позволяют проиллюстрировать наш тезис:

«[В]се исторические коллизии [...] коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения. Впрочем, для возникновения коллизий в какой-нибудь стране вовсе нет необходимости, чтобы именно в этой стране противоречие это было доведено до крайности. Конкуренция, вызванная расширенным международным общением с более развитыми в промышленном отношении странами, является достаточной причиной для того, чтобы породить и в странах, обладающих менее развитой промышленностью, подобное же противоречие (так, например, конкуренция английской промышленности обнаружила в Германии скрытый пролетариат).»[16]

---

[16] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология// Соч., т. 3, с. 74-75.

Показательно, что здесь Маркс использует лишь термины «коллизия» и «противоречие», а никак не «революция». Эта тема будет поднята затем снова в связи с Германией в «Манифесте Коммунистической партии» и связана с проблемой исторических этапов перехода от буржуазного общественного устройства к коммунистическому. Что касается России, Маркс сочувственно и внимательно наблюдал за перспективами крестьянской революции; с 1861 года аграрная реформа и освобождение крепостных, казалось, знаменовали собой необратимость процесса социальных трансформаций в царской Империи, ставшей отныне на путь капиталистического накопления, и именно к характеру грядущей русской революции относились суждения и прогнозы Маркса. Несмотря на известные элементы русофобии, он проявлял большой интерес к специфически российским социальным институтам и не остался равнодушным к революционным чаяниям народников, мечтавших об особой судьбе для своей страны, где общинный способ производства сохранялся в течение нескольких столетий. При этом он не прекращал выступать против антизападного и даже славянофильского мессианства некоторых российских интеллектуалов, в частности, против концепций анархиста Бакунина, ярого противника методов борьбы, к которым Маркс пытался привести рабочее движение с помощью Международного Товарищества Рабочих и рабочих партий, начавших образовываться, главным образом, после падения Парижской Коммуны.[17]

Труд Бакунина «Государственность и анархия», впервые изданный в Женеве в 1873 году и направленный в первую очередь против Маркса и сторонников «авторитарного» социализма, и сегодня сохраняет свою актуальность в силу ряда причин, в частности, благодаря предвидению перспектив рабочего движения, руководимого так называемыми «марксистскими» партиями. Однако значительный интерес представляет и реакция, которую эта работа вызвала у главного объекта ее критики.

---

[17] Cf. Rubel M. Postface// Marx-Engels. Die russische Kommune: Kritik eines Mythos. Munchen, 1972.

Комментарии последнего словно являются предупреждением поколению его российских учеников, выступившему на историческую арену через десятки лет после смерти обоих противников.

В глазах Бакунина Лассаль и его эпигоны являлись верными учениками Маркса; он также приписывал Марксу лассальянское требование «народного государства» (Volksstaat), подхваченное немецкой социал-демократией; по мнению Бакунина, его реализация означала бы установление диктатуры над городским пролетариатом и крестьянством или, как минимум, диктатуру первого над вторым. На самом деле Маркс рассматривал несколько исторических возможностей развития событий в европейских странах, где крестьянство составляло значительную массу частных собственников: победивший пролетариат, то есть рабочее правительство, должен был «принимать меры, в результате которых непосредственно улучшится положение крестьянина, и которые, следовательно, привлекут его на сторону революции», по возможности облегчая при этом превращение частной собственности на землю в коллективную. Меры принуждения (законодательная отмена права наследования или крестьянской собственности) представлялись Марксу излишними: переход к коллективизму должен был стать делом самих крестьян, исходящих исключительно из собственных социальных и экономических интересов. Единственное исключение представляла собой Великобритания: традиционное крестьянство здесь заменили капиталистические фермеры, земледелец стал пролетарием, точно таким же наемным работником, как и городской трудящийся. В этом случае отмена права наследования и частной собственности на землю могла быть полностью оправдана. Маркс резко осуждал бакунинский принцип захвата крупных поместий и раздела их на мелкие участки между крестьянами. Но его комментарии свидетельствуют о том, что он категорически отвергал любое использование рабочей властью насилия против крестьян, обрабатывающих свои участки и свободно, по крайней мере, в переходный период, распоряжающихся плодами своего труда. Предусматриваемые им не слишком «идиллические» меры касались стран с высокоразвитой промышленностью: необходимо

было лишить собственности обладавшую экономической и политической мощью олигархию, живущую за счет огромного большинства населения, городских и сельских наемных тружеников.

Переводя проблему межклассовых отношений в область отношений межнациональных, Бакунин обвинял немецких «марксистов» в желании подчинить отсталых «славян» немецкому пролетариату, выступающего в качестве хозяина государства. В ответе Маркса содержатся как политические постулаты, вытекающие из понимания им неравномерного развития, так и «материалистические» принципы его революционной этики:

«Радикальная социальная революция связана с определенными историческими условиями экономического развития; последние являются ее предпосылкой. [...] Он [Бакунин – *ред.*] хочет, чтобы европейская социальная революция, основывающаяся на экономическом базисе капиталистического производства, происходила на уровне русских или славянских земледельческих и пастушеских народов и чтобы она не переступала этого уровня. [...] *Воля*, а не экономические условия, является основой его социальной революции!»[18]

Эти записи Маркса были опубликованы в советской России через девять лет после образования так называемого «рабочего» правительства и спустя всего два года после смерти Ленина, когда борьба за власть вскоре уже вела к победе партийного деятеля, чьей диктатуре суждено было превратить СССР в самую мощную промышленную державу мира после США. Сталин совершенно не нуждался в том, чтобы представлять себя великим «марксистским» теоретиком и при помощи идеологии оправдывать насильственную коллективизацию сельского хозяйства и ускоренную индустриализацию страны, в которой в 1917 году восторжествовал мелкий крестьянин. Так называемая теория «перманентной революции», сформулированная за десять лет до того Троцким и в октябре 1917 года принятая на вооружение Лениным, пользовалась уважением Сталина в той мере, в какой,

---

[18] Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государсственность и анархия»// Соч., т. 18, с. 612, 615.

что бы ни думал об этом Троцкий, она содержала в себе оправдание «сталинизма»: разве она не проповедовала догматически «диктатуру пролетариата» в по существу крестьянской стране, никогда не знавшей «буржуазной» демократии, которая, по Марксу, являлась необходимым условием для политического созревания рабочего класса?

III

Необходимо еще раз подчеркнуть, что первым мыслителем, признавшим вклад Маркса в науку сопоставимым по своему значению с открытиями в области физики, был не кто иной, как Фридрих Энгельс. И он же еще при жизни своего друга указал на два фундаментальных открытия, которые, на его взгляд, представляли собой теоретические основы так называемого научного социализма:

1) материалистическое понимание истории, которое раскрывает «закон развития человеческой истории»;

2) «разоблачение тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости».[19]

По мнению Энгельса, первое из этих открытий имело для исторической науки такое же значение, как для физики – установление закона превращения энергии; таким образом, если всерьез относиться к неоднократным заявлениям Энгельса по этому поводу и к «разоблачению», которое Маркс, как он сам полагал, сделал, написав «Капитал», придется признать, что «исправление» теории и практики, предпринятое Лениным, представляет собой на самом деле полный отказ от марксовой теории общественного развития. Могут сказать: но разве тот факт, что теории эволюционируют и претерпевают изменения, обусловлен-

[19] См. работу, из-за которой Энгельса принято считать основателем марксистской идеологии: «Анти-Дюринг» (1878 г.). Терпение, с которым Маркс отнесся к затее своего друга, представляет собой проблему, масштабы которой начинают осознаваться лишь теперь. [См. также: Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса// Соч., т. 19, с. 350. – *Ред.*]

ные опытом, не является естественным и нередким феноменом в истории наук? Маркс полагал, что внес нечто новое в общественные науки, отвергнув метафизические концепции лучших представителей немецкой философии с Гегелем во главе и строго придерживаясь эмпирического принципа исследования исторических и социальных явлений; неплохо было бы сопоставить его предвидения – не будем говорить в данном случае об ожиданиях или надеждах – с историческими событиями нашего столетия, соблюдая правило-императив, которому сам Маркс следовал, распутывая клубок событий важного периода истории Франции: «Люди сами делают свою историю, но ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого».[30]

«Путеводная нить» его поисков, материалистическая концепция истории, изложенная в «Немецкой идеологии», включает в себя теорию социальной революции, верность которой подтвердила история русской революции 1917 года на всех ее стадиях, как до, так и после «Великого Октября». Экономическая структура России, иными словами, совокупность производственных отношений российского общества, не позволяла – вопреки идеологическим заявлениям стоящих у власти – создать в этой стране гуманные социалистические институты и отношения и превзойти таким образом материальный и интеллектуальный уровень, достигнутый рабочими классами более промышленно и культурно развитых стран в ходе длительной борьбы в рамках профсоюзных и политических организаций. Раскол II Интернационала показал политическую незрелость даже хорошо организованных рабочих масс. Могла ли в России деятельность одной партии, прошедшей школу западной социал-демократии, исключительно благодаря воле нескольких вождей придать освободительному движению крестьянских и рабочих масс характер пролетарской революции? Энергия и искренность «профессиональных» революционеров не в состоянии были пересилить экономическую ситуацию в стране и политическую незрелость трудового народа. Отныне именно «экономическому закону движения»

---

[30] Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта// Соч., т. 8, с. 119.

[illegible] общества предстояло определять весь ход развития способов производства и обмена в стране. В силу этого детерминизма большевистская партия вынуждена была взять на себя выполнение «исторической миссии» – четко определенной марксовой теорией накопления капитала, – которую не сумела выполнить слабая и устраненная с исторической сцены буржуазия: осуществляя государственную функцию, большевизм создал аппарат принуждения, поставщика «производительных сил», призванных дать отсталой России новое лицо, отмеченное печатью современной техники и отчуждения.[21]

Несомненно, Ленин был единственным из большевиков, кто прекрасно видел непреодолимые границы, вынуждавшие партию «обновить» теорию капиталистического накопления и сконструировать политический механизм, способный, по его мнению, выполнить двойную историческую миссию – или функцию: российской буржуазии, с одной стороны, и пролетариата, с другой. Большевистская

---

[21] Рисуя картину крестьянских восстаний в Германии XVI века и приводя в пример странную фигуру Томаса Мюнцера, Энгельс сформулировал ряд общих идей о «главе крайней партии», вынужденном взять власть «в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса. [...] То, что он *может* сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он *должен* сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий. [...] Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он *может* сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он *должен* сделать – невыполнимо. [...] Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно». (Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии// Соч., т. 7, с. 423.). Ленин и его партия после 1917 года не «погибли»: они «победили» как создатели экономической системы, которая, под маской «социализма», могла бы, если предвидение Маркса верно, подготовить предпосылки действительно освободительной революции, ведущей к социализму, то есть к исчезновению Государства и Денег.

партия должна была, по его мысли, обеспечить «переход» от государственного капитализма, созданного новыми управленцами, к социализму, созидательному творчеству трудящихся масс, прошедших школу планируемой сверху индустриализации. Никто лучше Ленина не сознавал отсталого, варварского, азиатского характера его страны в момент захвата власти, но никто не пребывал одновременно в более глубоком убеждении, что этот захват означает «приобретение» политической власти, не существовавшей ни в одной цивилизованной и передовой стране, государства, персонифицирующего власть масс, выступающего как инструмент их неосознанной воли и неопределенных стремлений. Если в экономическом плане Россия представляла собой «самое слабое звено», то в политическом плане она являлась «звеном» самым сильным; следовательно, в представлении Ленина, она могла одним махом перескочить через целый исторический этап развития – фазу буржуазной демократии: достаточно было создать материальные условия для социализма, иными словами, буржуазную экономику без буржуазии, капитализм без капиталистов! Впрочем, и Маркс предвидел подобную эволюцию традиционной капиталистической системы: на ее конечной стадии концентрация капитала должна была повлечь за собой массовое исчезновение капиталистов к выгоде капиталистической олигархии и даже «одного капиталиста». Тогда, в условиях противостояния обездоленным массам рабочих ничтожного меньшинства собственников «отрицание отрицания» стало бы простейшим делом.[22]

[22] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Капитал; Энгельс Ф. Анти-Дюринг, отдел III, глава 2: «Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути своей капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие остаются наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения» (Соч., т. 20, с. 290).

Последние размышления Ленина не оставляют никаких сомнений: большевистская партия в его лице, верила, что ей предстоит выполнить все исторические задачи, возложенные в марксистской теории на два общественных класса Нового времени, буржуазию и рабочий класс. За год до смерти, комментируя «Записки» Н. Суханова, Ленин дал волю возмущению, которое вызывал у него «педантизм» некоторых «марксистов», однако при этом он не в силах был скрыть замешательства перед столь упорным обращением оппонентов к «научному открытию» Маркса. Конечно, пишет он, «мы не доросли до социализма», «у нас нет [...] объективных экономических предпосылок для социализма». Но за пределами этой «очевидности» – не остаются ли вопросы, поле для воображения? «А не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»[23] – так ставит вопрос Ленин в уверенности, что избежал попадания в ловушку марксизма, игнорирующего «революционную диалектику».

Ленин ни на миг не сомневается, что развитие производительных сил еще недостаточно, чтобы дать России возможность стать социалистической, но он отказывается допустить, что этот бесспорный факт не оставляет никаких сомнений относительно буржуазного характера русской революции. Ибо Россия – благодаря мировой войне, а также революционным движениям, начавшимся в западных странах – находится в выгодной позиции; ситуация в ней близка к положению в Пруссии 1856 года, когда Маркс видел возможность союза между пролетариатом и крестьянством в будущей немецкой революции. Эти заметки Ленина на полях «марксистской» критики Суханова могли бы быть написаны любым меньшевиком! Обе партии не имели иной цели, кроме создания в России «основных условий для цивилизации»,

---

[23] Ленин В.И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)// ПСС, т. 45, с. 380.

хотя, с точки зрения меньшевиков, попытки установить на данной стадии «диктатуры пролетариата» были абсурдными и фальшивыми, равнозначными постановке телеги впереди лошади, иными словами, предательству марксизма. Маркс видел в пролетариях одновременно *создателей* и *наследников* материальных и интеллектуальных «предпосылок/условий» социализма и не уставал превозносить «исторические» заслуги буржуазии и капитала, инженеров этих «предпосылок», Voraussetzungen. С откровенной наивностью Ленин категорически опровергает диалектику своего учителя, заимствуя язык революционера-демагога, готового по-царски называть себя «мы», ибо вознесенного на командный пост волей народа:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?»[24]

Строительство социализма, безусловно, предполагает существование цивилизованного общества, и разве большевики не закладывают *основы* цивилизации, изгоняя русских помещиков и капиталистов? Почему же в таком случае нельзя идти к социализму? «В каких книжках вы прочитали, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?» – спрашивал Ленин.

Ответ на этот вопрос он ищет не в «книгах» своих идейных учителей, а в воспоминаниях о чтении этих книг и скорее в словах Наполеона, чем в текстах Каутского. Подобный «учебник, написанный по Каутскому», несомненно, принес в свое время большую пользу, признает Ленин, но лишь дураки продолжают верить, что из него можно сделать вывод обо всех формах последующего развития: «Помнится, Наполеон писал: «On s'engage

---

[24] Там же, с. 381.

«puis… on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот мы и ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу».[21] Ленинское «мы» – это, очевидно, партия и ее вожди, для которых рабочий *класс* является послушным инструментом в их политической авантюре.

В январе 1923 г., в период «торжества» нэпа, возвращения к испытанным методам частного капитализма, можно было, конечно, надеяться на «нормальную» эволюцию российского общества, уровень экономического развития которого приближался к уровню царской России 1914 года. Но сегодня, после более пятидесяти лет существования большевистского режима, встает вопрос: принесла ли русскому народу революционная и военная политика, принятая Лениным на вооружение в октябре 1917 года, осуществление надежд основателя этого государства «нового типа»? Ленин, как представляется, использовал вызванный болезнью вынужденный досуг, чтобы продолжить размышления, к которым его побудили «Записки» Суханова. Но интересовала его тогда единственная проблема – «улучшение нашего госаппарата» и отбор «человеческого материала действительно современного качества, не отстающего от лучших западных образцов». Его последняя статья, озаглавленная в форме настоящего лозунга – «Лучше меньше, да лучше» – знаменует собой возвращение к самым прозаическим реалиям и подчинение беспощадному детерминизму, основному посылу научной теории, опираясь на которую Маркс наметил революционные перспективы современной классовой борьбы: существующий «аппарат» вовсе не заслуживает названия «социалистический»; необходимо, чтобы «подготовленные и добросовестные лица» раздобыли в Англии и Германии «литературу» об «организации труда вообще и специально труда управленческого». Так, в ожидании победы социа-

[21] Там же.

листической революции в более развитых странах, бедная Россия с миллионами мелких крестьян, облагодетельствованных ею, с крайне низким уровнем производительности должна была добиться своими силами: «продержаться», сохранить что бы то ни стало «нашу рабочую власть» – власть над крестьянскими массами, привязанными к своим клочкам земли. Мировая социалистическая революция представлялась скорой, конфликт между «империалистическими государствами» Востока и Запада неизбежным. Разве население России, Индии и Китая не составляет большинство на Земле? Отныне на отсталые, но революционно и националистически настроенные страны возлагался один единственный долг: «цивилизоваться». «Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки. [...] Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств».[26]

Так, до самой своей смерти и вопреки очевидности Ленин верил во всемогущество «государственного аппарата», и его последнее усилие, призванное обеспечить в России экономическое развитие, способное вывести ее на уровень крупных промышленных и цивилизованных стран Запада, было направлено на совершенствование этого аппарата посредством «проверки, улучшения и пересоздания». В его «завещании» содержится такой последний совет: заменить «слишком грубого» Сталина другим генеральным секретарем, который будет «более терпим, более лоялен, более вежлив».[27] Судьба революции была поставлена в зависимость от исправления бюрократии, лояльности и вежливости генсека – это позволяло продолжать изначальную мистификацию и скрывать очевидное: не созрев для социализма, Россия 1917 года не созрела и до диктатуры пролетариата, которая,

---

[26] Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше// ПСС, т. 45, с. 389, 395, 402-405.

[27] Ленин В.И. Письмо к съезду// ПСС, т. 45, с. 346, 347.

согласно марксовой теории общественного развития, представляет собой исторический этап, а не политическую авантюру. Если Ленин ставил себе в заслугу «изобретение» новой государственной власти, Сталин мог поздравить себя со «строительством социализма в одной стране». Это «изобретение» и «строительство» оказались самым великим мифом столетия.

Идеологическая фикция «самого слабого звена» полностью противоречит теории общественного развития, которая была изложена Марксом в «Немецкой идеологии» за два года до издания «Манифеста Коммунистической партии». Эта важная работа была впервые опубликована полностью лишь в 1932 г.; правоверный марксист мог бы заключить отсюда, что незнание ее содержания разоружило организаторов Октябрьского восстания. Искушение сделать такой вывод тем более велико, что перед лицом «вульгарного» и «склеротического» марксизма своих соперников, точно так же не подозревавших о существовании этого текста, но достаточно хорошо знакомых с основными трудами Маркса, чтобы возвратить большевикам их обвинение в «предательстве» марксизма, большевистские лидеры постоянно ссылались на «подлинный» и «живой марксизм», стремясь теоретически оправдать свой политический праксис. Их сила заключалась не столько в теоретическом или «научном» превосходстве, сколько в нравственном преимуществе перед своими вчерашними сотоварищами, которые, солидаризировавшись с классовым врагом, сделали возможной мировую войну 1914 года. Таким образом, в обоих лагерях так называемый «научный» социализм обманным путем обрел видимость некой морали, дающей каждой из противоборствующих сторон возможность обвинять другую в «предательстве». Нравственная чистота Ленина, казалось, подпитывалась аморальностью руководителей западных социалистических партий; огромное большинство представителей обоих лагерей без колебаний рассуждало не о политических или профсоюзных лидерах, а об *общественных классах* – в соответствии с этическими постулатами Маркса, заслуга которого состояла как раз в том, что он показал приоритет борьбы общественных классов по сравнению с борьбой политических элит. И

если война 1914 года являлась результатом «предательства», то следовало вменить в вину скорее рабочим классам, чем их лидерам; согласно Марксу, понятие «исторической миссии» применимо лишь к пролетариату, а вовсе не к незаурядным людям, харизматическим вождям и вожакам толпы.[28]

Моральное превосходство Ленина не в силах было чудесным образом создать условия для цивилизации более высокого уровня; в существующей экономической системе, которая, согласно Марксу, должна была опираться на эксплуатацию живого труда и одновременно готовить собственное оружие, собственных могильщиков, за образец были приняты методы принуждения и дисциплины. Тот самый моральный принцип, который Ленин старался заимствовать из арсенала буржуазных ценностей – использование варварских средств, дабы искоренить само варварство, – Маркс превосходно выявил путем анализа одного специфического феномена, присущего капиталистическому способу производства: Verselbständigung, отчуждения материальных условий и общественных институтов от индивидуумов, иными словами, «подавления индивидуальности случайностью» в результате разделения труда.[29] Метафора «самое слабое звено» (имеющая бесспорную инструментальную ценность) точно так же не выдерживает критики – критики Маркса стотридцатилетней давности, направленной против систематического нигилизма Макса Штирнера. Действительно, жонглирование словами, которым изобилует труд последнего «Единственный и его собственность», странным образом напоминает использование революционной терминологии большевиками для оправдания отчуждения таких институтов, как государство, партия, промышленность, армия, полиция, искусство, печать, правосудие и т. д. от управляемых и подчиненных императивам экономической эксплуатации масс. Отрывок из «Немецкой идеологии», отобранный из других, спо-

---

[28] В связи с этим показателен пример Фердинанда Лассаля, чьи замашки харизматического вождя умаляли в глазах Маркса его заслуги по пробуждению рабочего движения в Германии.

[29] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология// Соч., т. 3, с. 440.

же важных для понимания социологического «материализма» Маркса, поможет нам увидеть бездну, отделяющую марксистско-ленинскую идеологию «самого слабого звена» от теории *капиталистического становления современного общества*:

«Превращение индивидуального отношения в его противоположность – в чисто вещное отношение, различение индивидуальности и случайности самими индивидами, представляет собой [...] исторический процесс и принимает на различных ступенях развития различные, все более резкие и универсальные формы. В современную эпоху господство вещных отношений над индивидами, подавление индивидуальности случайностью приняло самую резкую, самую универсальную форму, поставив тем самым перед существующими индивидами вполне определенную задачу. Оно поставило перед ними задачу: вместо господства отношений и случайности над индивидами установить господство индивидов над случайностью и отношениями. Оно не выдвинуло, как воображает Санчо [М. Штирнер – *ред.*], требования, чтобы «Я развивало Себя», что до сих пор проделывал всякий индивид и без благого совета Санчо, а властно потребовало освобождения от вполне определенного способа развития. Эта диктуемая современными отношениями задача совпадает с задачей организовать общество на коммунистических началах».[30]

Итак, материалистическая теория эволюции включает в себя тезис о приоритете в революционном процессе не «самого слабого», а «самого сильного звена», иными словами, обществ наиболее развитого капитализма. Подлинный характер русской революции раскрывается не в метафорическом языке большевистских идеологов, а в фактах и цифрах, непосредственно отражающих производственные и общественные отношения экономической и политической системы, навязанной России во время так называемой сталинской диктатуры. На самом деле последняя никогда не была и не могла быть диктатурой одной личности, это была диктатура политического аппарата, созданного сразу после Октябрьского восстания. То, что Маркс называет «задачей», пред-

---

[30] Там же.

ниченной общественными условиями эпохи, вытекает как из эволюции вещей, так и из развития людей. Для характеристики этой эволюции и развития материалистическая теория прибегает не к метафорам, а к точным понятиям, как то: «универсальность производительных сил» и «всестороннее развитие личностей».[31] Ни одна политическая власть, какой бы могущественной и дальновидной она ни была, не способна обеспечить то, что должно явиться завершением долгого материального и морального развития, эволюции человеческих отношений и общественных институтов. Процессу эволюции, описанному и проанализированному в «Капитале», потребовались столетия, чтобы возник фундаментальный антагонизм, ставящий человечество перед дилеммой: строить мировую экономику на основе общественного устройства, освобожденного от Денег и Государства, или погибнуть от последствий научно-технического прогресса, иррациональность которого обрекает человечество на самоубийство. Это всемирное общественное строительство подразумевает ликвидацию частной собственности и разделения труда, двух форм порабощения человека, которые должны достичь наивысшего уровня концентрации, прежде чем исчезнуть, уступая место более совершенному способу производства. Революция 1917 года, возможно, являла собой прогресс в том смысле, что положила конец образу жизни и способу правления, препятствовавшим быстрому развитию производительных сил; она позволила большевистской партии построить государственную машину, способную создать условия и общественные отношения, которые в странах Запада обеспечили правящему классу максимум выгоды и мощи. Таким образом, для Ленина, как и для сменившего его вождя, важно было не уничтожить российский пролетариат, а *создать* его; не преодолеть разделение труда, а максимально расширить сферу его применения; не осуществить «отрицание» государства, а, напротив, превратить его в совершеннейшее орудие принуждения; не отменить деньги, а сделать их основным стимулом профессионального труда;

---

[31] Понятия меняются, но требования к ним остаются в силе: сегодня «полное развитие человеческого ресурса» (Франсуа Перру) означает критерий экономичности.

...разрушить разнообразные профессиональные иерархии, а построить из них костяк нового общественного устройства.[27]

В этих условиях единственным средством, которое могло бы [illegible] большевистские [illegible] для доказательства правоты [illegible] теории развития, было [illegible] «сохранение» [illegible] рабочих и крестьянских масс [illegible] самоопределения, в [illegible] коммунистов во имя [illegible] «научного социализма», [illegible] интеллектуально и политически [illegible] формации способа производства, унаследованного от капиталистической экономики, достигшей пределов своего развития.

В серии лекций, прочитанных в Коммунистическом университете им. Свердлова после смерти Ленина и опубликованных в 1924 году под заглавием «Об основах ленинизма», Сталин окончательно придал ленинским положениям о пролетарской революции характер декретов. Единственно авторитетными признаются у него высказывания Ленина, который провозглашается основателем ленинизма», цитаты из Маркса и Энгельса используются лишь для того, чтобы подтвердить рассуждения, опирающиеся на противопоставление «раньше» и «теперь»: «Раньше принято было говорить о наличии или отсутствии объективных условий пролетарской революции в отдельных странах или, точнее, – в той или иной развитой стране. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о наличии объективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства как единого целого, причем наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым препятствием к революции, если система в целом или, вернее, – так как система в целом уже созрела для революции».[28]

---

[27] Чтобы уберечь миф об Октябре, Пьер Навиль пытается охарактеризовать экономическую систему в СССР с технологической точки зрения как «государственный социализм». Cf. Naville [illegible] Léviathan. P., 1967, 1970.

[28] Сталин И.В. Об основах ленинизма // Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. М., 1947, с. 96.

Затем следуют еще два примера антиномий с использованием тех же слов, но на сей раз иллюстрируемых пресловутой метафорой «цепи» и «звеньев». Сталинская аргументация все время опирается на «ленинскую теорию революции»: «раньше» утверждалось, будто бы революция начнется в странах, «где больше развита промышленность, где пролетариат составляет большинство, где больше культурности, где больше демократии», – этот тезис утратил свою значимость: «Фронт капитала [будет прорван] *не обязательно там, где промышленность больше развита*, и пр. Фронт капитала прорвется там, где цепь империализма слабее, ибо пролетарская революция есть результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в наиболее слабом ее месте. [...] В 1917 году цепь империалистического мирового фронта оказалась слабее в России, чем в других странах. Там она и прорвалась, дав выход пролетарской революции. [...] В России цепь оказалась слабее, хотя Россия была менее развита в капиталистическом отношении, чем, скажем, Франция, Германия, Англия или Америка».[34]

---

[34] Там же, с. 97. Упрощенный и примитивизированный вариант «теории» Троцкого, эта концепция включает в себя безоговорочное принятие ложного постулата, взятого из идеологической сокровищницы большевизма, – тезиса о «пролетарской диктатуре в отсталой стране», который тот же Троцкий удостоился сомнительной чести возвести в символ веры (см. статью Троцкого «Их мораль и наша»). Литературный талант Троцкого, приводивший его к злоупотреблению метафорами и историческими аналогиями, сослужил ему на этот раз плохую службу. Один из множества примеров: определяя режим Сталина как «советский бонапартизм», Троцкий невольно вынужден поставить в заслугу (!) своему антагонисту, новому «Цезарю», «сохранение» и «упрочение» «завоеваний Октябрьской революции» при подавлении правящей партии, интернационализма и Советов! (см. его статью: «Рабочее государство, термидор и бонапартизм»). Религиозная приверженность мифу о «пролетарском» Октябре мешает Троцкому признать очевидное: «сталинский бонапартизм» соответствовал *степени экономического развития* российского общества в 1917 году точно так же, как «якобинский бонапартизм» вписывался в революционный процесс во Франции, начавшийся в 1789 году. Октябрьская революция не была «предана» Сталиным, она, напротив, раскрыла благодаря

Никакими ссылками на Маркса, предназначенными подкрепить собой ленинскую «модификацию» теории перманентной революции, невозможно оправдать возможность и даже «необходимость» победы пролетариата в отдельных отсталых странах. Закономерен единственный вывод: политический фактор по-прежнему строго подчинен социально-экономическим императивам, и никакое «неравномерное развитие» не может позволить по существу аграрной стране *опередить* на пути к социализму страны промышленно развитые, она должна лишь *следовать* за ними. Русские ученики Маркса только подтвердили на практике подобную невозможность. С тех пор так называемый закон неравномерного развития не только не доказывает тезис об «исторической необходимости» упразднения в 1917 году российского пролетариата как класса, а напротив – в особенности благодаря ныне существующему «сталинизму» – демистифицирует историческую функцию Октября: формирование пролетариата в национальном масштабе.

Сталину свой подлинный характер, обусловленный исторически и экономически. Впрочем, прежде чем заметить «термидорианский» и «бонапартистский» характер правления Сталина, Троцкий утверждал, будто «исторические аналогии с Великой французской революцией (крушение якобинцев!), которыми питаются и утешаются либерализм и меньшевизм, поверхностны и несостоятельны» (Троцкий Л.Д. Новый курс). В 1927 году Сталин не упустил случая припомнить эту фразу Троцкому, который за три года «успел эволюционировать в сторону «меньшевизма» и «либерализма»» (Сталин И.В. Троцкистская оппозиция прежде и теперь// Сочинения, т. 10, с. 202).

Историческая функция новой буржуазии[1]

Ознакомившись с программой седьмой сессии Летней школы – работу которой я имел возможность оценить благодаря журналу «Праксис», – я подумал об острове Энтелехии, где Рабле, этот великий анти-Гегель, поместил царство Квинтэссенции, его жители не знают иной пищи, кроме абстракций, родов и категорий, изложенных на иврите. В конце своих паломничеств в поисках веры, которая могла бы избавить от бесплодных теологических споров, путешественники-гуманисты находят истину у оракула Бакбука и утоляют жажду в фонтане в форме человеческого сердца, чья волшебная вода обретает для каждого пьющего вкус его любимого вина. «Здесь вновь утверждается, – пишет Жан Сервье в своей «Истории Утопии», – вера гуманистов: человек – вот подлинное мерило установлений и религий. Все они равно плохи, в той степени, в какой не учитывают свободные устремления человека. Зачем строить, философствовать, мечтать, молиться – если человек не есть высшая цель каждого действия, и его счастье на земле не является предметом заботы?»[2]

Основной тезис настоящего доклада направлен против абстрактной философии квинтэссенции, гениальных словесных фокусов. Действительно, Гегель довел искусство диалектической магии до такого совершенства, что и сегодня еще привлекает

Впервые опубликовано в: *Praxis*, № 1-2, 1971.

[1] Текст выступления на VII сессии Летней школы в Корчуле (Югославия), август 1970 г., Опубликовано в журнале «Праксис», 1971 г., с. 257-268.

[2] Servier J. Histoire de l'Utopie. P., 1967, p. 121.

самые критические умы. Возьмем лишь пример Теодора Адорно, к сто двадцать пятой годовщине смерти философа нарисовавшего его портрет, в котором черты портретиста видны не менее, чем черты его модели. Адорно не вдается в рассмотрение того, что – по формальному признанию Гегеля – составляет «теодицею» бога, природа которого находит свое проявление во всемирной истории; главное в его интерпретации – народы, движимые предопределением свыше и приносимые в жертву капризам Мирового духа (Weltgeist), – государства как воплощение морального разума и войны, уберегающие народы от распада, вызываемого длительным миром! Космополитизм и братание достойны осуждения, преступник становится существом разумным и свободным – и даже обретает честь – через наказание. Короче, следуя моральным и политическим нормам мыслителя, которому воздает почести, Адорно в своей работе невольно обрисовывает картину нашего иррационального мира.[3] Таким образом, становится понятно, почему Гегель до сих пор остается более актуальным, чем любой из его учеников, включая Карла Маркса, который больше других ему противоречил: наша действительность соответствует гегелевскому видению мира, в то время как Маркс, все надежды которого история опровергла и все опасения подтвердила, известен лишь благодаря бесплодному шуму вокруг его имени. Таков Наполеон – которого очарованный Гегель мог видеть своими глазами, проезжая по полю Йены на следующий день после его победы – воплощения Weltgeist играют судьбой нашей планеты Правота Гегеля – это ошибка Маркса, и наоборот; если Гегель прав, Маркс обязательно ошибается.

Вот мы и добрались до сути проблемы: современный мир – это всеобщее царство буржуазного духа, буржуазной морали, наконец – если использовать ключевое понятие гегелевской диалектики – буржуазное отрицание.

Говоря о всеобщем царстве буржуазии, мы имеем виду не только традиционную буржуазию, связанную с западной капиталистической системой. После смерти автора «Капитала» после-

---

[3] Adorno T.W. Aspekte der Hegelschen Philosophie. Frankfurt, 1957.

ляет движение к собственному отрицанию, не утрачивая, однако, при этом своей капиталистической природы. Одновременно с такого рода акционерным и отрицающим себя капитализмом возникают рабочие производственные кооперативы, являющиеся позитивным отрицанием капиталистической системы, – предтечи общества, управляемого ассоциациями трудящихся-производителей согласно свободно утвержденному плану. Говоря словами Маркса, они содержат в себе зародыш общества производителей, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».[6]

«Впрочем, не трудно видеть, – пишет Гегель в предисловии к своей «Феноменологии духа», – что наше время есть время рождения и перехода к новому периоду».[7] Из всех младогегельянцев, попытавшихся освободиться от помещичьего консерватизма своего учителя, обратив против него оружие диалектики, Маркс, вероятно, оказался единственным, кто развил до конца эту идею рождения и перехода.[8] Он выступил философом «рождения и перехода» в чистом виде, причем помимо своей воли, ибо, включившись в революционное движение и порвав со спекулятивной философией и идеологией, он считал стоявшие перед ним задачи научными, а никак не философскими. Действительно, из всего написанного Марксом о рабочем классе и его освободительной роли следует, что задача самоосвобождения может быть поставлена лишь в форме этического императива: буржуазное государство и капитал порождают своих могильщиков, но «самому многочисленному и самому бедному классу», по выражению Сен-Симона, необходимо осознать свое призвание. Революции, которые не могли уничтожить разделение на обще-

---

[6] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, М., 1955, с. 447.

[7] Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2000, с. 12.

[8] Необходимо заметить, что Мозес Гесс, первый учитель Фридриха Энгельса, еще до Маркса попытался «преодолеть» (aufheben) спекулятивную философию при помощи радикальной критики капиталистической экономики.

ственные классы, эксплуатацию и господство человека над человеком, государство – правление меньшинства над большинством, были обречены завершиться переходом власти к новым господствующим меньшинствам, заменой старых правящих элит новыми и одного способа социального порабощения другим. С пролетарской революцией дело обстоит совершенно иначе.

«Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства».[33]

Таким образом, по мнению авторов «Манифеста коммунистической партии», сама природа социалистической революции совершенно не допускает третьей возможности: движения меньшинства в интересах (im Interesse) огромного большинства; иными словами, социалистическая революция не может быть совершена авангардом с благими намерениями, объявляющим себя освободителем угнетенных масс. Пролетарская этика – принцип самоосвобождения пролетариата – предполагает отказ трудящихся от выполнения указаний авангардов, состоящих из профессиональных идеологов, то есть профессиональных спасителей, как бы ни были они чисты и искренни в своих намерениях.

«При основании Интернационала, – писали Маркс и Энгельс в 1879 году, – мы отчетливо сформулировали наш боевой клич: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Мы не можем, следовательно, идти вместе с людьми, открыто заявляющими, что рабочие слишком необразованны для того, чтобы освободить самих себя, и должны быть освобождены сверху, руками филантропических крупных и мелких буржуа».[34]

Однако Маркс и Энгельс не придавали значения элементов культуры, которые давали рабочим интеллектуалы, выход-

---

[33] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии// Соч., т. 4, с. 435.

[34] Маркс К., Энгельс Ф. Циркулярное письмо А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. 17-18 сентября 1879 г.// Соч., т. 19, с. 175

ов и буржуазии. Их роль, например, достаточно ярко подчеркнута в «Манифесте коммунистической партии». Приведем еще две короткие цитаты, одну из Энгельса, другую из Маркса, в которых нашла отражение их почти мистическая вера в динамичную сметающую деятельность трудящихся и одновременно чисто реалистические соображения, которые, казалось бы, должны были эту веру подрывать:

«Если образованные и вообще пришельцы, происходящие из буржуазных кругов, не стоят *полностью* на пролетарской позиции, они только вредны. Но если они действительно стоят на этой позиции, они могут быть очень полезны, и их следует приветствовать.»[11]

13 октября 1868 года Маркс писал Швейцеру : «В Германии, где рабочий с детских лет живет в атмосфере бюрократической регламентации и верит в авторитеты, в начальство [...], его нужно прежде всего *приучать к самостоятельности*».[12]

По поводу идеи Лассаля о кооперативном движении, которое получало бы финансовую помощь от государства, Маркс в письме тому же Швейцеру уточнил, в почти не «материалистических» выражениях, свою концепцию природы и роли рабочего класса:

«Рабочий класс либо революционен, либо он ничто» (13 февраля 1865 г.).

Верные принципам пролетарской этики, ни Маркс, ни Энгельс никогда не соглашались играть роль «руководителей» партии или политических лидеров в «буржуазном» понимании слова. Мы никогда не устанем повторять, что реальное значение Маркса в Союзе коммунистов (который он не мог считать и не считал партией) и в Первом Интернационале не имеет ничего общего с легендой, придуманной Школой и ее противниками.[13]

На предыдущих сессиях идея об исторической миссии пролетариата интерпретировалась г-ном Кюнцли в духе эсхатологии и мессианства. Мы предпочитаем вкладывать в нее этичес-

---

[11] Письмо Энгельса Бернштейну, 28 февраля 1883 г.// Соч., т. 35, с. 372.

[12] Соч., т. 32, с. 476.

[13] См. статью «Хартия Первого Интернационала» в настоящем сборнике.

кий смысл, проводя различие между исторической функцией буржуазии и исторической миссией пролетариата, понятием, неотделимым от самоосвобождения рабочих.[14] Вовсе не случайно, что, [illegible] поражения рабочего движения, партийная идеология ориентировала усилия к тому, чтобы избавиться от этих двух концепций, составлявших основы марксова социализма, подменив их доктриной о политических авангардах, то есть вождях – носителях классового сознания рабочих. Маркс стремился обойти подводные камни морализаторского идеализма, связав воедино идеи миссии и «исторической необходимости»: *трудящийся должен заменить [illegible] буржуазный фактор, ему предшествовавший*. Несмотря на неоспоримость этого аргумента, его убедительная сила основывается на реалиях мира, обреченного на нищету и саморазрушение.

«Накопляйте, накопляйте! В этом Моисей и пророки! [...] Накопление ради накопления, производство ради производства, этой формулой классическая политическая экономия выразила историческое призвание буржуазного периода» (Капитал, кн. I). Освободительная роль, которую Маркс признавал за буржуазией, разрушительницей феодализма и созидательницей структур промежуточного общества, кажется преувеличенной на фоне эволюции капитализма, особенно в период после первой мировой войны. Одновременно с эволюцией капиталистического способа производства происходила структурная трансформация рабочего класса и возникала новая буржуазия: не обернулось ли в итоге химерой, вопреки предсказаниям авторов «Манифеста коммунистической партии», революционное призвание традиционной буржуазии, которая должна была создать мир по своему образу и подобию?

---

[14] Cf: Kunzli A. Wider den Parzival-Sozialismus// Praxis, 1-2, 1969, p. 277. Утверждать, будто Маркс «пренебрегал» этикой, значит выхолащивать все духовное наследие Маркса, который прямо писал об этических проблемах в своих работах. Аргумент, используемый Кюнцли, – «социализм» в Советском Союзе – извлечен из арсенала марксистской мифологии, абсолютно несовместимой с буквой и духом социалистического учения Маркса.

Какими бы ни были их теоретические и политические разногласия, зачастую непреодолимые, большинство марксистов согласятся с тем, что из «научного» социализма Маркса вытекает утверждение о реальном существовании в течение более или менее длительного времени «социалистического мира», отвечающего постулатам марксовой теории и этики. Нас нетрудно упрекнуть в смешении буквы и духа «марксизма», то есть в слишком узкой интерпретации исторического материализма, за отрицание, например, возможности положить начало циклу социалистических революций в России в 1917 году. Разве марксова теория общественного развития не была «дополнена» законом неравномерного развития, открытым Лениным? Так что, с этой точки зрения, Маркс всего лишь совершил ошибку, в общем, совсем незначительную, неверно назвав страну, где должен был начаться революционный процесс.[17]

Ограничим наш ответ постановкой альтернативы: либо материалистическая теория истории – которая является прежде всего теорией *формирующегося пролетариата* – сохраняет некоторую научную ценность, и тогда в сегодняшнем мире не может существовать подлинное социалистическое общество; либо подобное общество существует hic et nunc,[18] и в этом случае материалистическая теория истории, «научное открытие» Маркса, которое Энгельс считал гениальным, оказывается возмутительно ошибочной. Предположив, что «социалистические» страны являются таковыми не только по названию, но и по сути, следует одновременно признать, что их природа не соответствует ни социальной теории, ни этике, предложенным Марксом; признание же значимости этой теории и этики означает, что так называемые социалистические государства на самом деле определенно являются режимами эксплуатации и угнетения человека человеком. Допустить, что Маркс прав в научном плане, – значит прийти к выводу, что ни одна из «социалистических» стран не развивается в соответствии с нормами социализма, определенными как

---

[17] См. статью «Самое слабое звено» в настоящем сборнике.
[18] Здесь и сейчас (лат.).

«зрелым» Марксом в «Капитале», так и «молодым» Марксом в парижских рукописях 1844 г.; это равнозначно предположению, что «построенный» социализм возник *вопреки* законам исторического развития, открытым Марксом. Ибо, с историко-материалистической точки зрения, «социалистический» мир может рассматриваться, подобно буржуазному и капиталистическому миру, лишь как переходная общественная формация, причем «марксизм» служит там идеологией оправдания господства правящего класса, так как согласно марксовой теории, «господствующими идеями в обществе являются идеи господствующего класса». В странах «социализма» социалистическая идеология по сути заменяет собой религию, «опиум» народов, принужденных вступить на путь индустриализации и коллективизации.

Подобная интерпретация соответствует социально-исторической теории Маркса: два современных общественных класса – буржуазия и пролетариат – определяются в рамках способа производства, получившего название капиталистического, на основании их функции, то есть в соответствии с их предназначением или исторической миссией, и мы называем «буржуазной» всякую систему господства, где власть выполняет двойную – политическую и экономическую – функцию, присущую в традиционных капиталистических странах классу буржуазии и его государству.

Некоторые марксисты, принимая миф о «социалистических основах» режимов советского типа, не отрицают классового характера существующей там политической власти, но отказываются определять этот характер в соответствии с исторической функцией данной власти, довольствуясь тем, что называют ее «бюрократической» и критикуют эту бюрократию и ее методы управления. Другие, также согласные с названным мифом, говорят о «государственном социализме», но эта концепция, несмотря на значительную долю критического отношения к объекту осмысления, чужда духу «основоположников», для которых всякое государство являло собой отрицание социализма; с иронией говоря о «феодальном», «реакционном» или «мелкобуржуазном социализме», они боролись с идейными школами, а не с режима-

ми, с идеологами или утопистами, а не с государствами (см. «Манифест Коммунистической партии»).

Сам Ленин предвидел, что социализму будет предшествовать этап государственного капитализма. Называя «государственно-капиталистическим» (а не «бюрократическим») способ производства, установленный в России в 1917 году и переживший расцвет при правлении Сталина с его политическим и полицейским аппаратом, мы полагаем, что не противоречим методологическим принципам, установленным Марксом в ходе научной работы по выявлению «закона экономического развития современного общества» («Капитал», предисловие к т. I). Действительно, его метод предполагает теоретическую интерпретацию эмпирического материала при помощи «силы абстракции», что соответствует методам наблюдения в естественных науках.[17]

Под государственным капитализмом мы понимаем совокупность отношений господства-подчинения (Herrschafts- und Knechtschaftsverhaltnis), при которых экономическая и политическая власть принадлежит классу или социальному слою, заменяющему традиционную буржуазию и ставящему перед собой задачу создания *переходной экономической системы* (что влечет за

---

[17] Если взять окончательный план «Экономики» 1857 года, четко сформулированный в предисловии к «Критике политической экономии» (1859 г.), можно предположить, что в работах, которые Маркс предполагал посвятить государству и мировому рынку, должны были получить развитие идеи, уже нашедшие отражение в различных его сочинениях, в частности, в «Критике гегелевской философии права» (1843 г.), оставшейся незавершенной, «Гражданской войне во Франции» (1871 г.) и набросках к ней, но главным образом в статьях для «Нью-Йорк Дейли Трибюн», посвященных бонапартистскому режиму, где анализ отношений между обществом и его классами, с одной стороны, и государством, с другой, обретает характер, явно предвосхищающий будущее (см., напр., описание «режима преторианцев» или «имперского социализма» Второй Империи). Cf: Rubel M. Karl Marx devant le bonapartisme. P., 1960. Мысли Энгельса о бонапартизме и одном из его вариантов, буланжизме, выраженные в письмах Полю и Лауре Лафарг, представляются нам также очень актуальными.

собой такие революционные последствия, как появление масс
вого пролетариата[18]) и радикальной трансформации – при опо
ре на крупную промышленность, использующую все достижения
научного прогресса и современных технологий, – общественны
отношений, образа жизни и мышления людей и т. д. Отсюда
можно сделать вывод, что Маркс не только не ошибся в своих
предположениях, но и верно предсказал, что революция в Рос
сии откроет для этой страны переходную эру, которая позволит
ей преодолеть свое историческое отставание. Пародируя на ма
нер Маркса гегелевский стиль, мы можем поставить проблему
следующим образом: там, где существуют институты *капитала* и
государства, а значит, *наемный труд* и *бюрократия*, имеет место
отрицание социализма (экономическое и политическое отчужде
ние производителя), следовательно, *переходный* режим. Социа
лизм, в том смысле, в каком понимал его Маркс, является отри
цанием отрицания, то есть этой переходной стадии.

Если строго следовать теории исторического материализ
ма, согласно которой процесс экономической трансформации,
то есть развитие производительных сил, должен неизбежно
породить собственное отрицание – промышленный пролета
риат («могильщика» буржуазного общества), то вопрос, в сущ
ности, сводится к тому, способна ли новая буржуазия «социа
листических» стран успешно осуществить процесс
индустриализации и пролетаризации. Но если ограничиться
этим, можно прийти лишь к бесплодному схематизму. Разви
тие пролетариата отсталых в промышленном плане стран не
обходимо анализировать, опираясь при этом на историю про
летариата стран классического капитализма.

---

[18] Маркс предвидел, что в России, где после освобождения крестьян
началось движение по пути капитализма, и в сельском хозяйстве про
исходило разрушение общинных форм (*мира и артели*), массовый
пролетариат может быть создан путем пролетаризации крестьянства.
См. его письмо в журнал «Отечественные записки», ноябрь 1877 г.;
послесловие М. Рюбеля к книге: Marx-Engels: Die russische Kommune.
Kritik eines Mythos. Munchen, 1972.

Вне зависимости от специфических условий, для достижения зрелости и вступления на путь социалистических преобразований пролетариату, западному или «социалистическому»,[19] необходимо одно – богатый и разнообразный опыт как многочисленных поражений, так и временных побед. Все эти успехи и сражения, *изменяющие не только людей, но и обстоятельства*, должны происходить на территории, завоеванной и контролируемой буржуазией, которая *до* пролетариата была наделена революционной и освободительной миссией. Достаточно вспомнить критику Марксом и Энгельсом идеи Лассаля и его учеников о том, что пролетариату противостоит будто бы единая «реакционная масса», чтобы понять: в 1917 году *ни одно* из условий, долженствующих обеспечить вступление России на социалистический путь, не было выполнено – экономические условия и классовые отношения в преимущественно крестьянском обществе, а также степень общественной значимости и уровень зрелости пролетариата не допускали этого, и лишь чудесная интеллектуальная и нравственная метаморфоза всех слоев российского общества могла бы что-то изменить. Но подобного рода чудеса, с незначительной долей вероятности возможные лишь в «благоприятные моменты истории», выходят за концептуальные рамки материалистической теории истории, хотя последняя и не исключает счастливых «случайностей». К тому же понятие «материализм» у Маркса – он говорил о «новом материализме» («Тезисы о Фейербахе») – неотделимо от этической парадигмы, ясно выраженной во всех его работах: принцип «исторически необходимой» трансформации – это обретение сознательности (которое Маркс считал неизбежным), превращающее пролетариат-раба в революционный пролетариат, сознающий свою освободительную миссию. В его работах неоднократно встречаются замечания о социальных принципах христианства, проповедующих подчинение существующим властям. Вот наиболее характерное утверж-

---

[19] Сама очевидная абсурдность этого понятия отражает мистификаторский характер марксизма, поставленного на службу идеологии политического господства.

дение, которое он делает в связи с этим: «[Д]ля пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости – важнее хлеба».[20] Данная фраза подразумевает, что трудящиеся благодаря работе по самообразованию «становятся способными править», и это *Selbsttatigkeit* *может осуществиться лишь в условиях завоеванных буржуазной революцией «формальных» свобод*, которые пролетариат при необходимости должен защищать от посягательств со стороны самой буржуазии, становящейся на путь реакции.

Забвение и извращение этих элементарных принципов «научного» социализма служит показателем не только трагического положения сегодняшнего рабочего движения, но также и уровня культуры марксистской интеллигенции, полагающей себя авангардом и руководящей элитой этого движения и претендующей на воплощение – если не монополизацию – революционного сознания. Напомним, что один марксист и профессиональный революционер – Ленин – писал в 1905 г.: «Марксисты должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе для пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса».[21] Будучи строгими марксистскими ортодоксами, большевики и меньшевики действительно считали, что российскому обществу после освобождения от царизма неизбежно предстоит пройти через длительный период «буржуазного» либерализма. Ленин отличался от меньшевиков лишь в одном: он считал, что во время этого «капиталистического» междуцарствия политическая власть должна принадлежать не классу буржуазии, лишенному воли и опыта, а рабочему классу и бедному крестьянству, осуществляющим «революционно-демократическую диктатуру». Война 1914 года вызвала раскол всего международного пролетарского движения от политических и

---

[20] Маркс К. Коммунизм газеты «Rheinische Beobachter»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 204-205.

[21] Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в русской революции// ПСС, т. 11, с. 102.

профсоюзных верхов до самих рабочих масс, которые в подавляющем большинстве не сознавали своего призвания к освобождению. Единственным существенным результатом войны, кроме создания советов, было падение царизма; ленинская партия перед лицом полного банкротства западного социализма и всех российских политических группировок, не могла отныне сопротивляться искушению властью. Забыв все предостережения об умеренности и благоразумии, которые Маркс и Энгельс не переставали делать русским революционерам, они решили последовать стратегическому правилу Наполеона, которое любил Лениным: «Надо ввязаться в бой, а там будет видно». Но «увидели» то, что произошло в дальнейшем, вовсе не только те, кто «ввязывался».[22]

По меньшей мере озадачивает, что катастрофы и «предательства», одно за другим потрясавшие рабочее движение после смерти Маркса и Энгельса, ничему не научили марксистскую интеллигенцию, эту элиту с авангардистскими претензиями, которая всячески изощряется, вызывая дух «левого марксизма», именуемого теперь «новой левой», и отказывается прямо взглянуть на вещи, на бездну, отделяющую мечты основоположников от мира, в котором мы живем, мира, пережившего две мировые войны и морально готового к новому военному конфликту, пусть даже роковому для выживания человеческого рода. То, что марксисты пытаются обосновать свои надежды на торжество социализма угрозой всемирной ядерной катастрофы, показывает, что «научный социализм», о приверженности которому они заявляют, фактически сводится к любопытной смеси гегелевского духа и морали троглодитов. Буржуазный рационализм, присущий обеим системам эксплуатации, господствующим в мире, и то, что обе они взывают к одним и тем же моральным ценностям, обвиняя друг друга в их «предательстве», позволяют такого рода мар-

---

[22] Достаточно перечитать то, что писал Энгельс пионерам российской социал-демократии, предостерегая их от авантюр, которые он называл «бланкистскими». См. его ответ русскому якобинцу Петру Ткачеву, опубликованный под названием «Социальный вопрос в России», а также письмо Вере Засулич.

ксистским теоретикам оправдывать российскую и китайскую ядерную мощь при помощи аргументов, подобных тем, которые используются апологетами «свободного» мира для оправдания паритета устрашения. Так, мы узнаем, что «до сих пор развязыванию ядерной войны препятствовал ядерный военный потенциал СССР (к которому сегодня, и это прогресс, добавляется ядерное оружие Китая), державший американскую крупную буржуазию в страхе перед ужасающим и неизбежным ответным ударом. Но одновременно с ухудшением международной ситуации для американского империализма растет и риск того, что «паритет устрашения», предполагающий разумную реакцию обоих противников, перестанет сковывать руководителей режима, ощущающего свою обреченность, и он предпочтет скорее уничтожить весь мир, чем дать народам возможность мирно построить социализм»[23].

Таким образом, значительная часть левой интеллигенции, пораженная умственной близорукостью, говорит языком Маркса, одновременно мысля *понятиями* Гегеля, понятиями отрицания и гибели, жизни ради смерти (см. Хайдеггера); она говорит о социализме и свободе, но *думает* о государственности и власти – если не об олигархии и эксплуатации. Этот псевдосоциализм и псевдосоциалисты, неспособные объяснить трудящимся материальные и моральные причины своего выбора в пользу монополистического государственного капитализма, которому отдается предпочтение перед капитализмом частных монополий, способствуют консервации буржуазного строя: именно ради сохранения завоеваний буржуазной революции западный пролетариат стал сообщником класса эксплуататоров, «интегрировался» в развитой капитализм. Эта дихотомия образа мысли и терминологии, свойственная части марксистской интеллигенции, является проявлением философского симулякра, который понимает

---

[23] Mandel E. Introduction// Luxemburg R. La crise de la social-democratie, suivie de sa critique de Lenine. Bruxelles, 1970, p. 15.
Мандель Эрнест (1923-1995) – лидер «Объединенного Секретариата» IV Интернационала, ведущий теоретик троцкизма в период после Второй мировой войны – *Прим. ред.*

личность лишь как категорию в царстве Квинтэссенции. На самом деле учителем такого рода марксистских идеологов является Гегель, а вовсе не Маркс. Действительно, по Гегелю реальный человек, которому запрещено самоубийство, реализуется лишь в смерти, убивая других и умирая сам: «Совершенно верно, что индивидуум является вещью подчиненной, призванной посвятить всего себя тотальности морали. Отныне, если государство требует его жизни, индивидуум должен отдать ее – но имеет ли человек право отдавать свою жизнь? [...] Вот ответ: будучи таким индивидуумом, я не являюсь хозяином своей жизни, ибо вселенская тотальность деятельности, жизнь не является чем-то внешним по отношению к личности; это – она сама».[24]

Нынешний мир, кажется, загнан в тупик учениками Гегеля, поставившими его перед дилеммой: полностью починиться государствам, называющим себя социалистическими, или приспособиться к «буржуазным» свободам в государствах откровенно капиталистических. Маркс невысоко ценил героический патриотизм, основную добродетель нашего времени, и нам известно, что государство являлось для него воплощением аморальной идеи, точнее, человеческого порабощения. В противоположность своему учителю, он сформулировал следующий этический постулат: «[Пролетарии] находятся в прямой противоположности к той форме, в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое, а именно к государству, и должны низвергнуть государство, чтобы утвердить себя как личности».[25] Прежде Ницше он понял, что политическая философия Гегеля на самом деле является восхвалением успеха и свершившегося факта, и что для Гегеля история ведет к Kompendium der tatsachlichen Unmoral;[26] культу великих личностей, воплощений Weltgeist, Маркс противопоставлял этику самоосвобождения современного раба.

---

[24] Hegel. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Напомним, что под «тотальностью морали» автор понимает государство.

[25] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 78.

[26] Vom Nutzen und Nachteil der Historie fur das Leben: «Так история оборачивается компендиумом явной аморальности».

Миф о манихейском дуализме двух социальных «систем» раскрывает свою буржуазную сущность, когда приходишь к констатации, что и тут, и там *правящие классы* обличают недостатки противника с целью получить одобрение трудящимися массами своей внутренней политики и добиться их подчинения в случае вооруженного конфликта. Декларируя один и тот же идеал свободы и справедливости обе системы соперничают, чтобы удержать человеческий род на уровне общего инфантилизма, описанного Достоевским в «Легенде о Великом инквизиторе», чтобы отбить у него вкус к размышлениям и бунту в обмен на panem et circenses, хлеб и идеологический опиум.

Катастрофическое положение современного мира вынуждает глубоко пересмотреть проблемы целей и средств рабочего движения, а также природы и предназначения коммунизма и социализма. Дуализм социальных систем, когда друг другу противостоят два или три военных блока, ложный социализм и подлинный капитализм, стоит в центре этой проблематики. Классовая борьба уже не воспринимается сегодня как движущая сила исторического развития и общественного прогресса; ее подменяет перманентный антагонизм, скрытый или явный, между этими системами, который обретает видимость религиозной войны.

Этот манихейский дуализм, как в 1914-1918 или в 1939-1945 гг., призван направить одни народы против других и основывается сегодня на мифе о «построенном социализме». В действительности же и на практике, и в теории этому социализму присущи основные черты, выявленные Марксом в ходе анализа капиталистического способа производства на различных стадиях его развития. В том, что правящий класс называет свою систему «переходной» или «социалистической», нет ничего удивительного; подобный язык лишь подтверждает мистификаторскую функцию всякой идеологии. Ибо, согласно Марксу, конечная цель «перехода» зависит от трудящихся и только от них одних, а не от руководителей государства или владельцев капитала.

Идет ли речь о традиционных буржуазных странах или странах «социалистического лагеря», решения и планы всех правящих режимов обусловлены презрением к личности. Они действу-

ют в силу политической морали, соответствующей гегелевской философии истории, которая подразумевает государственный фетишизм и культ Weltgeist с его воплощениями. Они поступают каждый по-своему, но по сути подчиняются одному и тому же закону: закону накопления капитала с целью индустриализации и упрочения собственной мощи; различия между ними – в характере общественного слоя, сосредотачивающего в своих руках экономическую и политическую власть, социальное же положение рабочего класса остается в обоих случаях одинаковым – для него капиталистическое накопление означает экономическую эксплуатацию и моральное подчинение.

В этих условиях задача «новых левых», в той мере, в какой они продолжают считать себя последователями Маркса,[27] может быть осознана лишь в свете революционной критики гегелевского Weltgeist. Моделью действий, духовного и образовательного праксиса, вдохновляющим принципом социалистической этики переходного периода должно послужить здесь высказывание Фридриха Энгельса, концентрирующее в себе всю пролетарскую этику: «Что касается окончательной победы принципов, выдвинутых в «Манифесте», то здесь Маркс всецело полагается на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно было явиться неизбежным плодом совместных действий и обмена мнений».[28]

---

[27] Однако это не является условием sine qua non: см. тезисы Карла Корша в «Марксисм ожурд'юи» или смысл, который Лешек Колаковский вкладывает в понятие «левый» в: Der Mensch ohne Alternative: Von der Moglichkeit und Unmglichkeit Marxist zu sein. Munchen, 1961, p. 142-162.

[28] Энгельс Ф. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии» 1890 года// Соч., т. 22, с. 61.

Содержание

Нет сомнения, что эта фраза, которую мы умышленно здесь процитировали, заслуживает, при сколько-нибудь серьезном отношении к гуманитарным наукам вообще, упоминания в любой синхронистической таблице достижений человеческого ума. Отсутствие всякого указания на нее свидетельствует либо об отказе допустить саму реальность открытий Маркса как ученого (о них не говорит упоминание ни имени Маркса, ни названия его труда), либо об обыкновенной небрежности; но в любом случае это явный знак неуважения к идеям человека, которого продолжают считать основоположником «научного социализма», философской доктрины и политики, проводимой государственной властью огромных империй. Действительно, никогда еще незнание и даже пренебрежение к научной истине не проявлялось так ярко, как у тех учеников Маркса, на которых возлагали ответственность (принимаемую ими) за самые мощные общественные потрясения текущего столетия. Этот феномен отражает смятение умов, характерное для нашей эпохи. Но каков бы ни был масштаб идеологических мистификаций, прикрываемых идеями Маркса, наша задача состоит не только в том, чтобы осудить их, но и в том, чтобы понять и объяснить, почему гуманитарные науки или, проще говоря, рациональное понимание причин кризиса – возможно, фатального, – охватившего современный мир, не оказывает никакого влияния на политические и военные решения, от которых зависит выживание современного общества. Такова цель нашего обращения к проблеме, связанной с одним из самых, как представляется, загадочных аспектов отношений между идеями Карла Маркса и политической идеологией, ими прикрывающейся. По меньшей мере парадоксальной манере представления научного труда в области гуманитарных наук соответствует не менее удивительный способ, каким некоторые марксисты модифицировали «экономический закон движения современного общества» до такой степени, что лишили его всякого смысла и приписали Марксу прямо противоположное тому, что он хотел сказать; целью подобной «модификации» являлось не только и не столько приведение этой теории в соответствие с постоянно меняющейся действительностью, сколько оправдание

задним числом политического решения, имевшего самые серьезные революционные последствия: таков смысл операции по «модификации», предпринятой Лениным и его партией после взятия власти в октябре 1917 года. При этом так называемый закон неравномерного развития не стал предметом тщательной разработки и теоретической систематизации в большевистской доктрине; эта догматическая формула породила в процессе становления русского марксизма ряд вариаций, самые значительные из которых – в силу своей связи с российской историей – были предложены Л.Д. Троцким, В.И. Лениным, Н.И. Бухариным и И.В. Сталиным.

I

Сформулированный Лениным за два года до октябрьского восстания, этот «закон» мог быть отнесен им тогда лишь к развитым капиталистическим странам и не допускал еще никакой приемлемой экстраполяции на воюющую царскую Россию: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств».[4]

Эти выводы, сами по себе проблематичные, определенно нельзя было применять к промышленно слаборазвитым странам, то есть к народам, находящимся на невысоком уровне экономического развития. Ничто не дает основания предполагать, что Ленин, убежденный марксист, считал в то время, будто «победа

---

4 Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы// ПСС, т. 26, с. 354-355.

социализма» может иметь место «вначале» в России, иными словами, что Россия способна оказаться такой «отдельно взятой капиталистической страной», где «социалистическое производство» может быть «организовано» победившим пролетариатом до того, как политически восторжествуют пролетарии Западной Европы. Основное различие между русским и западным марксизмом – вне зависимости от тенденций внутри обоих идейных течений – состояло в том, что первый переоценивал политический фактор до такой степени, что приписывал ему свойство целиком определять ход всего процесса революции и социальной трансформации. В этом смысле можно сказать, что русский марксизм как политическая доктрина нашел свое классическое выражение в концепции так называемой «перманентной революции», сформулированной около 1906 г. Троцким и впоследствии, особенно после 1917 года, ставшей незыблемым догматом большевистской политики. Под предлогом отказа от «механистической» интерпретации марксизма Троцкий без колебаний пренебрег самим вкладом Маркса в науку: «В стране экономически более отсталой пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой. В 71 г. он сознательно взял в своих руки управление общественными делами в мелкобуржуазном Париже – правда, только на два месяца, но ни на один час он не брал власти в крупных капиталистических центрах Англии или Соединенных Штатов. Представление о какой-то автоматической зависимости пролетарской диктатуры от технических сил и средств страны представляет собой предрассудок упрощенного до крайности «экономического» материализма. С марксизмом такой взгляд не имеет ничего общего.

Русская революция создает, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может (при победе революции – *должна*) перейти в руки пролетариата, прежде чем политики буржуазного либерализма получат возможность в полном виде развернуть свой государственный гений».[5]

---

[5] Троцкий Л.Д. О нашей революции (1906 г.) (Цит. по: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990, с. 94-95.) Уже находясь в изгнании на Принкипо Троцкий вернулся к своим аргументам 1905-1906 гг. в брошюре «Перманентная революция» (1930 г.). Как он заявляет в

В приведенной выше цитате каждая фраза, каждая идея вызывает сомнение с точки зрения «материалистической» социологии Маркса и его подхода к историческим явлениям; даже смысл, который Троцкий вкладывает в понятия «пролетариат», «власть», «диктатура пролетариата», «технические силы», «революция» и т. д., несовместим с концептуальным значением, которое придавал им Маркс.

У Троцкого – историка русской революции, фразеология, замаскированная под диалектику, подменяет собой анализ фактов, которые Маркс считал условиями sine qua non пролетарской революции. Это не означает, что Троцкий был настолько слеп, что даже не видел эти факты в российской действительности 1917 года. Он обнаружил один факт и несколько цифр: «Мелкие предприятия, с числом рабочих до 100 человек, охватывали в 1914 г. в Соединенных Штатах 35 % общего числа промышленных рабочих, а в России – только 17,8 %. При приблизительно одинаковом удельном весе средних и крупных предприятий, в 100-1000 рабочих, предприятия-гиганты, свыше 1000 рабочих каждое, занимали в С[оединенных] Штатах 17,8 % общего числа рабочих, а в России – 41,4 %! Для важнейших промышленных районов последний процент еще выше: для петроградского – 44,4 %, для московского – даже 57,3 %. Подобные же результаты получатся, если сравним русскую промышленность с британской или германской. Этот факт, впервые установленный нами в 1908 году, трудно укладывается в банальное представление об экономической отсталости России. А между тем он не опровергает отсталости, а лишь диалектически дополняет ее.»[6] Если пренебречь лег-

---

предисловии к ее немецкому изданию, автор стремился опровергнуть «концепцию Сталина», ссылавшегося на возведенный в «фетиш» «закон неравномерного развития», чтобы построить в России самодостаточное социалистическое государство. Однако подобное «мессианство» Сталина не слишком отличалось от мессианства самого Троцкого и Ленина, полагавших, что крестьянская Россия 1917 года призвана установить – в силу этого пресловутого закона, плохо понятого Сталиным несколько лет спустя, – «диктатуру пролетариата». Cf: Trotski L. Die permanente Revolution. Berlin, 1930, p. 10.

[6] Троцкий Л.Д. История русской революции. Нью-Йорк, 1976, с. 27.

ким заключительным кокетничаньем с диалектикой, выцеженный аргумент, как и закономерное указание на некоторые другие экономические особенности царской России – полное слияние промышленного и банковского капитала, подчинение российской промышленности финансовому рынку Западной Европы (40 % инвестированных в Россию капиталов принадлежало иностранцам), – приводят к единственному и очень простому выводу: Россия 1914 года – промышленный потенциал которой будет почти полностью разрушен после 1917 года – в состоянии была достаточно быстро «нагнать» страны развитого капитализма при условии преодоления основного препятствия, которое пришлось констатировать диалектику Троцкому: «Накануне войны, когда царская Россия достигла высшей точки своего благосостояния, народный доход на душу был в 8-10 раз ниже, чем в Соединенных Штатах, что неудивительно, если принять во внимание, что 4/5 самодеятельного населения России было занято в сельском хозяйстве, тогда как в Соединенных Штатах на 1 занятого в земледелии приходилось 2,5 занятых в промышленности».[7] Троцкий приводит и другие «сравнительные коэффициенты», на его взгляд, «того же порядка», например, протяженность железнодорожных путей и т. п.

Один единственный факт, заключающийся в том, что, по признанию историка-«марксиста», в 1917-м, как и в 1914 году, Россия была преимущественно крестьянской страной, к тому же «отсталой» еще по ряду других показателей, до основания разрушает всю его конструкцию, окрещенную «диалектической». Но на этом фразеологические уловки не заканчиваются. Троцкий чувствовал их недостаточность, и ему понадобилось «дополнить» диалектику неравномерного развития поиском и открытием нового «рационального закона» русской революции. И хотя он не нашел его фактического подтверждения, ему, однако, удалось облечь его в словесную форму, позволяющую при помощи метафор примирить реальность и мечты: «Историческая закономерность не имеет ничего общего с педантским схематизмом. Не-

---

[7] Там же, с. 26.

равномерность, наиболее общий закон исторического проц-
сса, резче и сложнее всего обнаруживается на судьбе запозд-
алых стран. Под кнутом внешней необходимости отсталость
нуждена совершать скачки. Из универсального закона
неравномерности вытекает другой закон, который, за отсут-
ствием более подходящего имени, можно назвать законом ком-
бинированного развития, в смысле сближения разных этапов
пути, сочетания отдельных стадий, амальгамы архаических
форм с наиболее современным. Без этого закона, взятого, ра-
зумеется, во всем его материальном содержании, нельзя по-
нять истории России, как и всех вообще стран второго, треть-
го и десятого культурного призыва.»*

Троцкий, писавший эти строки в первые месяцы своей эми-
рации, прожил достаточно долго, чтобы заметить двусмыслен-
ность своей диалектической находки. Вместо этого (преувели-
чивая «скачок», который сталинский режим заставил сделать
Россию) он предпочитает говорить о «предательстве»! Маркс ис-
ключал возможность исторических «скачков», однако допускал
другую возможность: сократить родовые муки нового общества.
1939 год доказал, что 1914-й соответствовал «исторической необ-
ходимости», которой не мог избегнуть и 1917-й, – доказал неспо-
лость рабочего класса, который оказался в то время неспособен
утвердить «рациональный закон», чтобы спасти человеческий род
от нового рокового скачка.

Нет ни малейшего сомнения, что поверхностное использо-
вание марксовых понятий позднее способствовало примирению
между двумя главными вождями октябрьского восстания: Ле-
нин воспринял тогда ряд положений своего прежнего критика:
нескольких месяцев было признано достаточно для перехода в
России от «буржуазной революции» к «революции пролетарской»
и к «диктатуре пролетариата», победа большевистской партии
рассматривалась как своего рода гарантия революционной сущ-
ности происходящего. Отныне история должна была подчинить-
ся идеологическим императивам победителей, наловчившихся

*Там же, с. 22.

манипулировать массами, а также диалектическим формулам, призванным удостоверять пролетарский и социалистический характер октябрьского восстания.

Эта теоретическая задача выпала на долю «простой души» большевистской партии, «мозга большевизма» – Бухарина, который, как считается, предвосхитил ленинскую теорию империализма и государства и предвидел развитие централизаторской системы в России. Ему принадлежит авторство и сталинской идеи о «социализме в одной стране», а также ряда концепций, составивших позднее основы так называемых «ревизионистских» идеологий в государствах «социалистического лагеря». Не подлежит сомнению, что Бухарин первым разработал начатки теории «перехода», полагая, что внес таким образом в оставшуюся незавершенной марксистскую теорию некоторые необходимые дополнения. В писавшейся с ноября 1919-го по май 1920 года работе «Экономика переходного периода» он ставит ряд фундаментальных проблем: структура мирового капитализма, отношения между экономикой, государством и войной, распад капиталистической системы, общие условия коммунистического строительства, город и деревня в процессе социальной трансформации, производительные силы, цена революции и бурного технического развития, общие формы организации в переходный период, система управления производством при диктатуре пролетариата, экономические категории капитализма в переходный период, «внеэкономическое» принуждение на этом этапе и, наконец, процесс мировой революции и мировая коммунистическая система. Одно это перечисление свидетельствует о научных амбициях автора, который в предисловии подчеркнуто заявляет о своей приверженности методу Маркса, «познавательная ценность которого только теперь стала во весь свой гигантский рост».[9]

Период упадка и распада капиталистической экономики, утверждает Бухарин, начался в 1918-1920 гг., когда рабочие классы, «основная производительная сила капиталистического обще-

---

[9] Бухарин Н.И. Экономика переходного периода// Избранные произведения. М., 1990, с. 82.